

Ним
ГЕИМАН

Американские
боги

Нил Гейман
Американские боги

«АСТ»

2000

УДК 821.111 (73)

ББК 84 (7Сое)

Гейман Н.

Американские боги / Н. Гейман — «АСТ», 2000

ISBN 978-5-17-061257-4

«Американские боги» – одно из самых известных произведений Нила Геймана. Это роман о богах, привезенных в Америку людьми из разных уголков мира, почитаемых, а потом забытых, и о том, к чему не может остаться равнодушным ни один мужчина: о поисках отца, родины, возлюбленной, о символической и реальной смерти. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.111 (73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-061257-4

© Гейман Н., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Предуведомление, оно же и предостережение для путников	6
Часть первая. Тени	7
Глава первая	7
Где-то в Америке	22
Глава вторая	25
Глава третья	39
Прибытие в Америку	46
Глава четвертая	48
Прибытие в Америку	61
Глава пятая	68
Глава шестая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Нил Гейман

Американские боги

Отсутствующим друзьям – от Кэти Акер до Роджера Желязны

Меня всегда занимал вопрос: что происходит с демоническими существами, когда люди превращаются в иммигрантов и переселяются в другие страны. Американцы ирландского происхождения помнят фейри, выходцы из Норвегии — нис, греко-американцы — врыколаков, но исключительно в связи с событиями, имевшими место в Старом свете. Когда однажды я спросил, почему подобного рода существ никто никогда не видел в Америке, мои собеседники принялись смущенно посмеиваться, а потом ответили: «Они просто боятся плыть через океан, в такую-то даль» – и в конечном счете обратили мое внимание на тот факт, что ни Христос, ни апостолы до Америки тоже так и не добрались.

Ричард Дорсон. К теории американского фольклора. (История и американский фольклор. University of Chicago Press, 1971)

Copyright © Neil Gaiman, 2001

© Михайлин В., Решетникова Е., перевод, примечания, 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2009

Предупреждение, оно же и предостережение для путников

Книга, которую вы держите в руках, – плод вымысла, а не путеводитель по Соединенным Штатам Америки. Я не хочу сказать, что всю географию страны придумал заново – многие из описанных мест можно увидеть воочию, а пути-дороги персонажей отследить и нанести на карту, – но некоторые вольности я себе все-таки позволил. Их меньше, чем может показаться на первый взгляд, но они есть.

Я не спрашивал и не получал разрешений на использование реально существующих названий, фигурирующих в этой истории: и наверняка владельцы Рок-сити или Дома-на-Скале, а также члены охотничьего клуба, чьей собственностью является мотель в центре Америки, удивятся не меньше любого другого человека, который, открыв эту книгу, обнаружил бы на ее страницах свою недвижимость.

В ряде случаев я сознательно искажил истинные координаты – это, к примеру, относится к городку под названием Лейксайт или ферме, расположенной в часе езды к югу от Блэксбурга, той самой, где растет Ясень. Можете их поискать, если придет охота. Можете даже и найти.

Кроме того, само собой разумеется, что все выведенные в этом романе люди – живые, мертвые и всякие прочие – вымышлены и действуют в сугубо вымышленных обстоятельствах. И только боги – реальны.

Часть первая. Тени

Глава первая

*Границы нашей страны, сэр?
Проще некуда: с севера нас подпирает
полярное сияние,
с востока – восходящее солнце,
по южной границе выстроились
равноденствия,
а на западе маячит Судный день.*

Джо Миллер. Книга американского юмора

В тюрьме Тень отмотал три года. Габариты у него были впечатляющие, а выражение лица такое, что связываться с ним никому не хотелось, так что самая большая его проблема была – как убить время. Поэтому он старательно поддерживал физическую форму, научился делать фокусы с монетами, а еще очень много думал о том, как сильно любит жену.

Самое лучшее, что есть в тюремной отсидке, – а с точки зрения Тени единственное, что во всем этом хорошего, – это чувство облегчения. Ощущение, что ударился о самое дно и дальше падать просто некуда. Здесь не нужно дергаться, что вот-вот заметут, тебя уже замели. И переживать по поводу того, что будет завтра: все, что могло случиться, уже случилось, причем вчера.

А еще Тень пришел вот к какому выводу: сделал ты то, за что тебя посадили, или нет, на самом деле не важно. Каждый из тех, с кем он познакомился в тюрьме, жил с чувством обиды: полицейское, судебное или тюремное начальство совершало несправедливость за несправедливостью и обвиняло тебя в том, чего ты не делал, – ну, или делал, но не совсем так, как это всем представлялось. Так что важным было только то, что тебя все-таки замели.

Это он понял еще в первые дни, когда всё здесь, от сленга до скверной пищи, было в новинку. Он чувствовал себя несчастным, на него волнами накатывал ужас оттого, что его здесь заперли, и надолго, но дышать он стал свободнее.

Говорить Тень старался как можно меньше. Примерно в середине второго года отсидки он поделился своей теорией с сокамерником по имени Космо Дей и по прозвищу Ловкий.

Ловкий, мошенник из Миннесоты, с целой россыпью шрамов у самого рта, улыбнулся в ответ:

– Ага, – сказал он, – в самую точку. А если тебе дадут вышку, так еще того лучше. Сразу вспоминаешь пацанов, что скидывали башмаки в момент, когда у них на шее затягивали петлю, – только потому, что кто-то когда-то сказал, что они сдохнут, не сняв ботинок. Типа, не в своей постели.

– Это что, юмор такой? – спросил Тень.

– А ты как думал. Юмор висельников. Самый лучший юмор на свете.

– А когда в этом штате в последний раз кого-нибудь вешали?

– А кой хер мне знать? – Волосы у Космо были светло-рыжие, и стригся он под карандаш, так что очертания черепа светили сквозь оранжевый пушок на голове. – Но вот что я тебе хочу сказать. Эта страна начала катиться к едрене фене именно тогда, когда людей перестали вешать. Ни базара стоящего не стало. Ни понтов путёвых.

Тень пожал плечами. Ничего романтического в смертном приговоре с его точки зрения не было.

Если тебе не впаляли смертный приговор, подумал он, значит в лучшем случае тюрьма для тебя – только отсрочка от жизни. По двум причинам. Во-первых, жизнь так или иначе умудряется втереться даже в тюрьму. Даже и на самом дне бывают ямы, в которые можно упасть. Жизнь продолжается. А во-вторых, если ты тут подвис, это не значит, что тебя в один прекрасный день не выпустят.

Поначалу перспектива эта казалась слишком отдаленной, чтобы Тень по ней заморачивался. Потом она превратилась в далекий лучик надежды, а он научился говорить себе «и это тоже пройдет», когда происходила очередная тюремная хрень, потому что без хрени в тюрьме не бывает. В один прекрасный день откроется волшебная дверь, и он сделает шаг наружу. Тень даже начал вычеркивать дни в календаре с певчими птицами Северной Америки, потому что других календарей в тюремном чепке не продавали, и солнце вставало и закатывалось за горизонт, а он не видел ни восходов, ни закатов. Он упражнялся с монетами, потому что как-то на унылых полках тюремной библиотеки обнаружил книжку «Фокусы с монетами»; он качался; а еще он составлял про себя списки того, что сделает, когда откинется.

Во-первых, он пойдет и примет ванну. Так, чтобы надолго и всерьез, так, чтобы отмокнуть, и чтобы вода с пеной. Может, при этом он станет читать газету. А может, и не станет. Бывали дни, когда ему хотелось думать так, а бывали, когда – иначе.

Во-вторых, он вытрется насухо полотенцем и наденет халат. А может, еще и тапочки. Идея насчет тапочек ему нравилась. Если бы он курил, то после ванной, в халате, было бы самое время выкурить трубку – но он не курил. Он подхватит жену на руки («Бобик, – пискнет она, с поддельным ужасом и неподдельной радостью, – что ты *делаешь?*»). Он отнесет ее в спальню и закроет дверь. А если они проголодаются, то закажут по телефону пищу.

В-третьих, после того как они с Лорой выйдут из спальни – может быть, дня через два-три, – он прикинется ветошью и не станет отсвечивать до конца своих дней.

– И жить будешь долго и счастливо? – спросил у него Ловкий Космо Дей. В тот день они работали в тюремных мастерских, лабали кормушки для птиц. Альтернатива была еще более увлекательная – штамповать автомобильные номера.

– Никого не зови счастливым, – ответил Тень, – пока он не умер.

– Геродот, – подытожил Ловкий. – Надо же. А ты времени зря не теряешь.

– Что, мать вашу, еще за Геродот такой? – спросил Ледокол, вставляя борта кормушки в пазы и передавая ее Тени, который должен был окончательно закрепить углы шурупами.

– Один мертвый грек, – сказал в ответ Тень.

– У меня последняя девчонка гречанка была, – сказал Ледокол. – Эх и говно у них в доме была еда! Вы себе представить не можете. Типа, завернут рис в какие-то листья и жрут. Ну и все такое.

Ростом и габаритами Ледокол был – точь-в-точь автомат по продаже кока-колы, и это при голубых глазах и кипельно-белой шевелюре. Однажды какому-то парню сдуру взбрело в голову полапать его подружку в том баре, где она танцевала, а Ледокол работал вышибалой. Ледокол ему и вломил. Приятели того парня вызвали полицию, полиция взяла Ледокола за жабры и прогнала по базе данных, откуда и выяснилось, что из тюрьмы он вышел всего полтора года тому назад, условно-досрочно.

– А что мне оставалось делать? – убитым голосом спросил Ледокол у Тени, когда пересказал ему эту печальную историю. – Я ж его предупредил, это моя девчонка. И че, стоять и смотреть, как он мне в душу гадит? Так, да? Ты понимаешь, он же ее облапал всю, с ног до головы.

– Попробуй еще кому-нибудь это объяснить, – сказал ему тогда Тень, давая понять, что разговор окончен. Он уже усвоил, что в тюрьме у каждого свои проблемы. И нечего совать нос в чужие.

Сиди и не отсвечивай. Мотай свой срок.

За несколько месяцев до этого Космо Дей одолжил ему потрепанный экземпляр геродотовой «Истории» в мягкой обложке.

– Совсем даже она и не скучная, – сказал он, когда Тень попытался ему объяснить, что книжек не читает. – Крутая, между прочим, книжка. Сначала прочти, потом сам скажешь, что это круто.

Тень поморщился, но читать все-таки начал и втянулся, против собственной воли.

– Так что не рассказывайте мне про греков, – с видимым отвращением сказал Ледокол. – Хотя, кстати, то, что про них говорят, полная брехня. Я как-то попытался трахнуть эту телку в жопу, так она мне чуть глаза не выцарапала.

А потом Ловкого перевели, совершенно неожиданно. Геродот так и остался у Тени. Между страницами там был затарен пятицентовик. Монеты в тюрьме держать нельзя, потому что монету можно в любой момент заточить о камень и располосовать кому-нибудь в драке морду. Но Тени оружие было без надобности; Тени нужно было что-нибудь, чем занять руки.

Суеверным Тень не был. Он не верил в то, чего не мог увидеть собственными глазами. И все-таки в последний месяц отсидки не мог не чувствовать, как над тюрьмой сгущаются тучи, – точно такое же чувство, как в несколько последних дней перед ограблением. Под ложечкой у него образовалась какая-то пустота, и он старательно пытался убедить себя в том, что это всего лишь страх ожидания, что он боится возвращаться в тот мир, который ждет его снаружи. Но уговоры не особенно помогали. Он сделался более мнительным, чем всегда, а в тюрьме мнительность и без того обычное состояние, залог выживания. Тень старался отсвечивать меньше прежнего и как никогда сделался и впрямь похож на тень. Он часто ловил себя на том, что наблюдает за охранниками и другими заключенными, пытаясь в манере их поведения, мельчайших жестах разгадать пакость, которая вот-вот случится: а в том, что случится, он уже нимало не сомневался.

Примерно за месяц до того, как выйти на свободу, Тень оказался в зябком тюремном кабинете, и через стол от него сидел коротышка с багровым родимым пятном на лбу. На столе перед коротышкой лежало раскрытое дело Тени, а в руке он держал шариковую ручку. Кончик у ручки был изгрызен в никуда.

– Что, замерз, Тень?

– Есть немного, – ответил Тень.

Коротышка передернул плечами.

– Система, блин, – сказал он. – Отопление включают не раньше первого декабря. А первого марта выключат. Не я придумал эти правила, – он провел пальцем вниз по листу бумаги, приклеенному к левой стороне обложки дела. – Сколько тебе сейчас, тридцать два?

– Так точно, сэр.

– А выглядишь моложе.

– Слежу за собой.

– Ты, говорят, у нас примерный заключенный.

– Мне два раза объяснять, что к чему, не нужно, сэр.

– Ты это серьезно? – он внимательно посмотрел на Тень, и родимое пятно у него на лбу сместилось чуть ниже. Тень хотел было поделиться с ним своей теорией насчет тюрьмы, но передумал. А вместо этого кивнул и постарался принять надлежащий вид: раскаявшегося грешника.

– Тут написано, что у тебя есть жена, да, Тень?

– И зовут ее Лора.

– И как у вас с ней?

– Полный порядок. Навешает меня, как только получается выкроить время, – ехать досюда все-таки не ближний свет. Переписываемся с ней, я ей звоню, когда подвертывается возможность.

– А кем она работает?

– Агентом в бюро путешествий. Люди ездят по всему свету, а она им в этом помогает.

– А как вы с ней познакомились?

Тень никак не мог взять в толк, зачем коротышка его обо всем этом спрашивает. Вертелось у него на языке что-то вроде: «А твое какое дело», но вслух он сказал:

– Она была самой близкой подружкой жены моего лучшего друга. Вот они и сговорились – мой друг и его жена – устроить нам свидание вслепую. И как-то все сразу сложилось.

– И как только выйдешь на свободу, с трудоустройством проблем не будет?

– Так точно, сэр. У Робби, этого моего друга, про которого я вам только что говорил, есть свое дело, называется «Силовая станция», я там раньше работал инструктором. Он говорит, что возьмет меня на прежнее место, как только так сразу.

Пятно поползло вверх:

– Да что ты говоришь?

– Он говорит, по его прикидкам, ему от меня будет прямая выгода. Кое-кто из стариков вернется, ну и прочие крутые парни, которым хочется стать еще круче прежнего.

Судя по всему, коротышку его ответы удовлетворили. Он пожевал кончик ручки, потом перелистнул страницу в деле.

– А что ты думаешь насчет того, за что тебя посадили?

Тень пожал плечами:

– Дурак был, – ответил он совершенно искренне.

Человек с родимым пятном вздохнул и принялся ставить во вклеенном в дело бланке галочки. Потом еще раз перелистал дело.

– А как ты отсюда до дома добираться будешь? – спросил он. – На «Грейхаунде»¹?

– Да нет, самолетом. Когда у тебя жена работает в туристическом агентстве, должен же быть от этого какой-то толк.

Коротышка нахмурился, и родимое пятно у него на лбу подернулось рябью.

– Она что, уже и билет выслала?

– А зачем? Просто сообщила номер, и все дела. Электронный билет. Приду в аэропорт, покажу паспорт – и полетели.

Коротышка кивнул, нацарапал что-то в самом конце бланка, потом закрыл папку и отложил ручку в сторону. Бледные ладошки его легли на серую столешницу бок о бок, как две светло-розовые зверушки. Он сложил руки домиком и поднял на Тень водянистые карие глаза.

– Везучий ты, – сказал он. – И вернуться тебе есть к кому, и работа тебя ждет не дождется. Вроде как раз – и не было ничего. Вроде как раз тебе – и вторая попытка. Очень советую всерьез ею воспользоваться.

Он встал, давая понять, что собеседование окончено, – но руки не протянул; впрочем, Тень ничего подобного от него и не ожидал.

Хуже всего было в последнюю неделю. В каком-то смысле даже хуже, чем за все три года вместе взятые. Может, погода виновата, думал Тень: смурная, холодная и безветренная. Такое впечатление, будто вот-вот начнется гроза, но грозы никакой не было. Его била дрожь, передергивало от озноба, и еще это тянущее ощущение пустоты под ложечкой, ощущение, что все летит в тартарары. Во дворике для прогулок время от времени протягивало ветерком. Тени казалось, он чует в воздухе запах снега.

Тень позвонил жене с оплатой за ее счет. Он знал, что телефонные компании облагают каждый исходящий из тюрьмы звонок дополнительным сбором в три доллара. Поэтому и операторы всегда такие вежливые, если звонишь из тюрьмы: знают, с тебя навар особенный.

¹ «Грейхаунд» (букв. «борзая») – национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородние маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

– Что-то не то происходит, – сказал он Лоре. Не во первых словах, конечно же. Во первых словах было «Я тебя люблю», потому что если ты по-настоящему человека любишь, никогда не будет лишним ему об этом напомнить, а Лору Тень любил по-настоящему.

– Привет, – отозвалась Лора. – И я тебя тоже. А что такого, собственно, происходит?

– Не знаю, – сказал он. – Может, просто погода. Такое впечатление, будто вот-вот гроза начнется. Наверное, если бы и впрямь началась, сразу бы полегчало.

– А у нас тут все тихо, – сказала она. – И даже листья не совсем еще опали. Если ветра сильного не будет, ты успеешь на них взглянуть, как вернешься.

– То есть через пять дней, – сказал Тень.

– Каких-нибудь сто двадцать часов, и ты дома, – подхватила она.

– Там все в порядке, дома-то? Ничего такого?

– Все в порядке. Сегодня вечером увижусь с Робби. Устроим тебе такой прием, какого и не ждешь!

– Типа, сюрприз, что ли?

– Ну да. Только я ничего тебе не говорила, хорошо?

– А я ничего и не слышал.

– Узнаю своего мужа, – сказала она.

Тень поймал себя на том, что стоит и улыбается. Он отсидел целых три года, а она по-прежнему может вот так, запросто, заставить его улыбнуться.

– Я люблю тебя, маленькая моя, – сказал Тень.

– И я тебя, бобик ты мой, – сказала Лора.

Тень положил трубку.

Когда они поженились, Лора сказала Тени, что хочет завести собаку, но хозяин квартиры, узнав об этом, тут же указал им на пункт в договоре о найме, согласно которому домашних животных они держать не имели права.

«Так в чем проблема? – тут же нашелся Тень. – Нужен тебе этот бобик, когда у тебя есть я. Чем я хуже? Хочешь, тапочки твои сгрызу. Или надую на кухне. А может, в нос тебя лизнуть? Или, к примеру, ткнуться мордой тебе между ног, хочешь? Голову даю на отсечение, нет на свете ничего такого, что мог бы сделать пес, а я не смог бы!»

И он подхватил ее на руки, так, словно она вообще ничего не весила, и принялся лизать в нос, а она смеялась и отбивалась, как могла, а потом он отнес ее в спальню.

В столовой к Тени бочком подошел Сэм Фетишер и улыбнулся, показав неровные стертые зубы. Он сел рядом и стал есть свои макароны с сыром.

– Разговор есть, – сказал Сэм.

Сэм Фетишер был чернее черного, таких черных Тень за всю свою жизнь видел от силы два-три раза. Лет ему было под шестьдесят. Или под восемьдесят – с тем же успехом. С другой стороны, Тени доводилось встречать и тридцатилетних наркоманов, которые выглядели еще старше, чем Сэм Фетишер.

– Мм? – отозвался Тень.

– Будет буря, – сказал Сэм.

– Похоже на то, – ответил Тень. – Может, и снежку подсыплет.

– Не та буря, другая. Посильнее прочих. И вот что я тебе, парень, скажу: когда идет такая буря, лучше сидеть здесь, чем околачиваться там, снаружи.

– Я свое отсидел, – сказал Тень. – В пятницу меня уже здесь не будет.

Сэм Фетишер воззрился на Тень.

– Ты сам-то откуда будешь?

– Игл-Пойнт. Индиана.

– Не еби мне мозги, – сказал Сэм Фетишер. – Я в том смысле, откуда предки твои приехали.

– Из Чикаго, – ответил Тень. Его мать и впрямь провела свое детство в Чикаго, там же и скончалась, полжизни тому назад.

– Ну, я тебя предупредил. Идет большая буря. Держись от нее подальше, сынок. Это вроде как... ну, как называются эти штуки, на которых сидят континенты? Плиты или вроде того?

– Тектонические плиты? – попробовал угадать Тень.

– Во-во. Тектонические плиты. Вроде того, когда они начинают двигаться, и Северную Америку того и гляди занесет на Южную – ты же не захочешь об эту пору оказаться посередине между ними? Понимаешь, о чем я?

– Вообще без понятия.

Сэм медленно подмигнул ему темно-карым глазом.

– Ну, бля, не говори потом, что я тебя не предупреждал, – сказал Сэм Фетишер и затолкал в рот полную ложку дрожащего апельсинового желе.

– Не скажу.

Ночь Тень провел в мутной полудреме, то погружаясь в сон, то снова из него выныривая, а на нижней койке кряхтел и храпел его новый сокамерник. Несколькими камерами дальше человек скулил и плакал во сне, и выл как животное, и время от времени кто-нибудь принимался кричать, чтобы он, сука, заткнулся на хрен. Тень пытался отключиться и ничего не слышать. Чтобы минута за минутой тихо уплывали у него над головой, бессмысленные и пустые.

Еще два дня. Сорок восемь часов, которые начались, как всегда, с овсянки и тюремного кофе, а потом охранник по фамилии Уилсон ткнул Тень в плечо несколько сильнее, чем следовало, и сказал:

– Тень? Двигай сюда!

Тень попытался прислушаться к тому, что происходит у него внутри. Внутри было тихо, однако он по собственному опыту знал, что в тюрьме это ничего не значит, и на самом деле ты можешь уже торчать в дерьме по самое нехочу. Охранник шел почти бок о бок с Тенью, и шаги их слитной дробью выстукивали по металлу и бетону.

Где-то в глотке у Тени застрял привкус страха, горький, как вчерашний кофе. Вот оно, началось...

В затылке вдруг завел шарманку пакостный голосок, и тот голосок шептал, что сейчас ему накинут лишний год отсидки, засунут в одиночку, закуют в наручники, отрежут голову. Он твердил сам себе: успокойся, не дергайся, – но сердце стучало так, словно пыталось пробиться на волю сквозь грудную клетку.

– Что-то я тебя не понимаю, Тень, – сказал ему по дороге Уилсон.

– Чего вы не понимаете, сэр?

– Тебя. Такой ты, блядь, тихоня. Вежливый такой. Сидишь и ждешь, как старый пердун, а тебе, между прочим, сколько? Двадцать пять? Двадцать восемь?

– Тридцать два, сэр.

– А ты кто вообще такой? Испашка? Цыган?

– Не знаю, сэр. Может, и так.

– Может, ты вообще черномазый, а? Есть в тебе черномазая кровь, а, Тень?

– Может, и есть, сэр. – Тень выпрямился во весь рост, стараясь смотреть прямо перед собой. Нельзя вестись на провокации, ни в коем случае нельзя.

– Н-да? Ну, не знаю. Знаю только, что у меня, блядь, от тебя мурашки по коже. – Желтые, как песок, волосы Уилсона, желтое, как песок, лицо и желтая, как песок, улыбка. – Ты, говорят, покидаешь нас скоро.

– Очень на это надеюсь, сэр.

Они прошли через несколько контрольных пунктов. Уилсон каждый раз показывал пропуск. Потом вверх по лестнице – и вот она, дверь кабинета начальника тюрьмы. Прямо на

двери, черными буквами, имя – Дж. Паттерсон – а рядом световой индикатор в виде маленького дорожного светофора, и под ним кнопка.

Огонек горел самый верхний, но красный.

Уилсон нажал на кнопку.

Пару минут они стояли в полной тишине. Тень все твердил сам себе, что все в порядке, в пятницу утром он уже будет сидеть в самолете, а самолет полетит в Игл-Пойнт, но отчего-то ему уже во все это не верилось.

Красный огонек погас, загорелся зеленый, и Уилсон толкнул дверь. Они вошли.

За последние три года Тень несколько раз видел начальника тюрьмы. Один раз тот проводил экскурсию для какого-то политика. В другой раз, после того как тюрьму ни с того ни с сего перевели на более строгий режим содержания, заключенных разбили на группы по сто человек, и начальник выступил с речью перед каждой такой группой, объяснив в двух словах, что тюрьма переполнена, и поскольку переполненной она останется и впредь, лучше к подобному положению вещей привыкнуть сразу.

Издалека вид у Паттерсона был несколько лучше, чем при ближайшем рассмотрении. Вытянутое лицо, седые волосы подстрижены очень коротко, на военный манер. И запах «Олд спайс». За спиной у начальника – книжный шкаф, на каждом корешке надпись: «Тюрьма». Стол девственно чист, не считая телефона и перекидного календаря с картинками из «По ту сторону»². За правым ухом у начальника был слуховой аппарат.

– Садитесь, прошу вас.

Тень сел. Уилсон встал у него за спиной.

Начальник выдвинул ящик стола, достал папку и положил ее перед собой.

– Здесь написано, что вам дали шесть лет за нанесение тяжких телесных, при отягчающих обстоятельствах. Отбыли вы три года. И в пятницу вас должны были освободить.

Должны были? Тень почувствовал, как где-то в районе желудка у него разверзлась пустота. Сколько же ему добавят? Год? Два? Все три, по полной? Но вслух он сказал:

– Так точно, сэр.

Начальник провел по губам кончиком языка.

– Что вы сказали?

– Я сказал: «Так точно, сэр».

– Послушайте, Тень, мы освободим вас сегодня, после обеда. Выйдете на пару дней раньше.

Тень кивнул и стал ждать, когда за ложкой меда последует бочка дегтя. Начальник устал вился в папку с делом.

– Эта бумага пришла к нам из больницы имени Джонсона в Игл-Пойнте... Речь идет о вашей жене. Она погибла вчера вечером, вернее, сегодня ночью. В автомобильной катастрофе. Примите мои соболезнования.

Тень снова кивнул.

Уилсон отвел его обратно молча. Он открыл дверь, впустил Тень в камеру, а потом сказал:

– Это вроде как в тех анекдотах, про хорошую новость и плохую, да? Хорошая новость, что откинешься на пару дней раньше, и тут же плохая – жена померла.

И рассмеялся, будто шутка и впрямь удалась.

Тень промолчал.

Как во сне, он стал собирать пожитки, а большую часть просто раздал. Ни Космо Деева Геродота, ни книжки по фокусам с монетами он брать с собой не стал; и в конце концов, после минутной вспышки сожаления, расстался и с металлическими кружочками, которых наворо-

² Популярная серия комиксов Гэри Ларсона. Публикуется с 1979 года.

вал в мастерской и которые служили ему вместо монет. Там, снаружи, будут у него монеты, настоящие монеты. Он побрился. Переоделся в гражданку. А потом шел сквозь двери сквозь двери, отдавая себе отчет в том, что в обратном направлении не пройдет уже ни разу в жизни; и внутри у него было пусто.

С низкого серого неба короткими злыми ливнями налетал ледяной дождь. Среди капель воды попадались крохотные льдинки, и они секли Тень по лицу, а дождь тут же промочил его тонкое пальто; его и других освободившихся отвели через двор к желтому школьному – бывшему школьному – автобусу, который должен был довезти их до ближайшего города.

По дороге к автобусу дождь успел промочить всех насквозь. Уезжало их восемь человек. А оставалось – полторы тысячи. Тень забрался в автобус, и дрожь била его до тех пор, пока не заработали обогреватели, и все это время он думал: что я делаю, куда же мне теперь ехать?

В голове теснились невнятные и непрошенные образы. Ему казалось, что когда-то, давным-давно, он уже выходил из тюрьмы.

Его держали в темной комнате без окон, и держали долго, слишком долго: он зарос бородой, волосы висели сосульками. Стража свела его вниз по серой каменной лестнице, а потом была площадь, заполненная множеством ярких пятен: людей и всевозможных предметов. День был базарный, его сразу оглушил шум, он щурился от яркого солнечного света, затопившего площадь, в воздухе пахло морской соленой сыростью и множеством прекрасных вещей, что продают на рынке, а слева солнце отблескивало на воде...

Автобус качнулся и остановился на красный сигнал светофора.

За окном завывал ветер, дворники через силу скребли по лобовому стеклу, размазывая город в красно-желтую лужу неоновых светов. День только близился к вечеру, но сквозь стекло казалось, что снаружи – ночь.

– Твою мать, – сказал человек у него за спиной; Тень протер рукой запотевшее окно и смотрел теперь на быстро идущую по тротуару мокрую фигурку. – Там телка, на улице.

Тень сглотнул. Ему вдруг пришло в голову, что он ни разу даже не заплакал – да, по большому счету, и вообще ничего не почувствовал. Ни слез. Ни горя. Ничего.

Он поймал себя на том, что думает о парне по имени Джонни Ларч, с которым сидел в одной камере в самом начале срока и который рассказал ему о том, как однажды вышел из тюрьмы, отсидев за решеткой пять лет, имея в кармане сотню долларов и билет до Сиэтла, где у него жила сестра.

Джонни Ларч добрался до аэропорта, протянул билет женщине за стойкой, и та попросила его предъявить водительские права.

Он предъявил. Но срок действия его прав уже года два как истек. И она сказала, что не может принять их в качестве удостоверения личности. А он на это ответил, что, может быть, за руль с этими правами садиться уже и нельзя, но с какого, спрашивается, хрена, права перестали удостоверять его личность, и вообще, кто, с ее сраной точки зрения, перед ней сейчас стоит, если не тот человек, чья фотография вклеена в эти права?

На что она ответила, что с ее точки зрения ему стоило бы говорить немного потише.

И тогда он сказал, чтобы она уже выписала ему наконец этот гребанный посадочный талон, а то он за себя не отвечает, потому что ему не нравится, когда его не уважают. В тюрьме нельзя допускать, чтобы тебя не уважали.

Тогда она нажала кнопку, через несколько секунд появились ребята из службы безопасности и попытались сделать так, чтобы Джонни Ларч тихо покинул помещение, а он уходить не захотел, и пошла бодяга.

В результате в Сиэтл Джонни Ларч не улетел; следующие несколько дней он провел в городе, в барах, а когда сто долларов вышли под ноль, купил игрушечный пистолет и ограбил заправочную станцию. А взяли его в конце концов за то, что он мочился на улице. Так что

Джонни оглянуться не успел, как вернулся назад, в тюрьму, доматывать срок до звонка, плюс еще чуток за эту самую заправку.

А мораль у этой истории, если верить Джонни Ларчу, была такова: если ты пришел в аэропорт, не выживайся на тамошнюю публику.

– А ты уверен, что к данному случаю не применима следующая истина: «Поведенческая модель, действенная в узкоспециализированной среде, каковой является тюремная, за ее пределами может оказаться не только неадекватной, но и опасной для носителя»? – спросил Тень, когда Джонни Ларч рассказал ему эту историю.

– Да нет, я тебе о чем *толкую*-то, братан, – сказал в ответ Джонни Ларч, – с этими сучками в аэропортах лучше вообще не связываться.

Тень вспомнил этот разговор, и ему захотелось улыбнуться. Срок действия его собственных прав должен был закончиться через несколько месяцев.

– Автовокзал! Все на выход!

В здании воняло мочой и пивной кислятиной. Тень сел в такси и сказал водителю, чтобы тот отвез его в аэропорт. И пять долларов сверх счетчика, если он это сделает молча. Домчались они за двадцать минут, и водитель молчал как рыба.

Потом Тень шел, нога за ногу, через ярко освещенное пространство терминала. Его терзали сомнения насчет электронного билета. То есть на пятницу-то он, конечно, действителен, а вот как насчет сегодня? Вся эта электронная дребедень по определению казалась Тени – ну как будто фокусник наколдовал, и в любой момент оно возьмет, и исчезнет.

Впрочем, в кармане у него был бумажник, в первый раз за последние три года, а в бумажнике три просроченных кредитки и еще одна, Visa, действительная до конца января: этому обстоятельству он удивился и порадовался. У него был номер билета. А еще он вдруг понял, что стоит ему добраться до дома, как все будет в порядке – так или иначе. И с Лорой тоже все будет в порядке. Может, им просто очень нужно было, чтобы он откинулся на пару дней пораньше, мало ли какие дела они там втихаря обделывают. Или еще вариант: извлекли из покоруженной машины тело какой-нибудь другой Лоры Мун и все перепутали.

За стеклянными стенами терминала блеснула молния. Тень поймал себя на том, что затаил дыхание и чего-то ждет. Вдалеке громыхнул гром. Он выдохнул.

Из-за стойки на него подняла усталый взгляд женщина, белая.

– Добрый вечер, – сказал Тень. *Ты первая незнакомая женщина из плоти и крови, с которой я заговорил за последние несколько лет.* – У меня тут номер электронного билета. Должен был лететь в пятницу, а приходится вот сегодня. На похороны.

– Мм. Примите мои соболезнования. – Она пошуршала по клавиатуре, посмотрела на экран, нажала еще несколько клавиш. – Все в порядке. Я посажу вас на рейс в три тридцать. Его могут отложить из-за грозы, так что следите за информацией на табло. Багаж сдавать будете?

Он снял с плеча сумку.

– Такую ведь можно и не сдавать, правда?

– Да, конечно, – сказала она. – У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

Тень показал ей права.

Аэропорт был не бог весть какой большой, но людей по залу бродило удивительно много. Он стоял и смотрел, как беспечно люди оставляют на полу чемоданы, засовывают бумажники в задние карманы брюк, вешают сумки – не глядя – на спинки кресел. И тут до него дошло, что он уже не в тюрьме.

До начала посадки еще полчаса. Тень купил треугольничек пиццы и обжегся о расплавленный сыр. Потом взял сдачу и пошел к телефонам-автоматам. Позвонил Робби, на «Силовую станцию», но на том конце провода был только автоответчик.

– Привет, Робби, – сказал Тень. – Мне тут сказали, что Лора умерла. И выпустили пораньше. Еду домой.

А поскольку людям вообще свойственно ошибаться, и он сам был тому свидетель, он набрал свой домашний номер и послушал голос Лоры.

– Привет, – сказала она, – меня сейчас нет дома и к телефону я подойти не могу. Оставьте сообщение, я вам перезвоню. И – *доброго* вам дня.

Тень так и не смог выдать из себя ни слова.

Он сидел в пластмассовом кресле возле выхода на посадку и сжимал сумку так крепко, что у него заболела рука.

Он вспоминал о том, как впервые увидел Лору. Он даже не знал тогда, как ее зовут. Она была подружкой Одри Бертон. Тень с Робби сидел в кабинке в «Чи-Чи», и тут вошла Одри, а сразу за ней – Лора, и Тень поймал себя на том, что внимательно на нее смотрит. У нее были длинные каштановые волосы, а глаза столь пронзительно голубые, что ему поначалу показалось, что она носит цветные контактные линзы. Она заказала клубничный дайкири, заставила Тень попробовать коктейль и покатила со смеху, когда он и впрямь отпил глоток из ее бокала.

Лоре нравилось, когда другие люди пробуют то, что пробует она.

В тот вечер он поцеловал ее на прощанье; от нее пахло клубничным дайкири, и с тех пор ему больше никого не хотелось целовать – только ее.

Какая-то женщина объявила посадку на его рейс, и первыми вызвали пассажиров, чьи места были в том же ряду, что и у него. Его посадили в самом хвосте, рядом оказалось пустое кресло. По борту самолета непрерывно барабанил дождь: он представил, как на небе сидят сейчас маленькие дети и швыряют вниз сухой горох, горсть за горстью.

Он заснул, едва самолет оторвался от земли.

И оказался в каком-то темном месте, и на него пялилось непонятное существо с бизоньей головой, огромной и косматой. Тело у него было человеческое, мужское, обильно умащенное жиром.

– Грядут перемены, – сказал, не двигая губами, бизон. – И придется принимать решения. На влажных стенах пещеры плясали отблески пламени.

– Где я? – спросил Тень.

– В земле и под землей, – сказал человек-бизон. – Там, где забытые ждут своего часа.

Глаза у него были – два жидких мраморных камня, а голос – как гром, который поднимается из преисподней. Пахло от человека-бизона мокрой коровой.

– Уверуй, – сказал гром. – Если тебе суждено выжить, ты должен уверовать.

– Уверовать во что? – переспросил Тень. – Во что я должен поверить?

Он посмотрел на Тень, этот человек-бизон, и встал вдруг, и выпрямился во весь свой гигантский рост, и в глазах у него загорелся огонь. Он открыл свою бизонью пасть с засохшими по краям клочьями пены, и пасть была красной от пышущего изнутри подземного пламени.

– Во все! – взревел человек-бизон.

Мир покачнулся и завертелся колесом; Тень снова оказался на борту самолета, но ощущение, что мир висит наискосок, никуда не делось. В передней части самолета вскрикнула женщина – без особой паники в голосе, будто на пробу.

Вокруг самолета ослепительными вспышками взрывались молнии. По громкой связи прорезался голос капитана: экипаж постарается набрать высоту, чтобы уйти от грозы.

Самолет трясло и бросало, и Тени пришла в голову ленивая и спокойная мысль о том, что вот сейчас, может быть, он и умрет. Есть такая возможность, подумал он, – хотя нет, вряд ли. Он выглянул в иллюминатор и стал смотреть, как молнии расчерчивают горизонт.

Потом он опять задремал, и ему приснилось, что он снова в тюрьме, и в очереди к обеденной раздатке Ловкий шепчет ему на ухо, будто кто-то с кем-то заключил пари на его жизнь, но кто это сделал и по какой причине, Тень никак не мог понять; когда он проснулся, самолет уже заходил на посадку.

Еще не успев вполне прийти в себя, щурясь на яркий свет, он вышел из самолета.

Все аэропорты, подумал он, похожи один на другой. Неважно, где ты – ты в аэропорту: стены и переходы, выходы на посадку и комнаты отдыха, киоски с газетами и лампы дневного света везде такие же. Один аэропорт есть точная копия любого другого аэропорта. Проблема только в том, что летел он совсем не сюда. Этот аэропорт был слишком большой, здесь было слишком много посадочных площадок, и людей вокруг тоже слишком много.

– Простите, мэ-эм...

Женщина подняла на него глаза, оторвавшись от клавиатуры компьютера.

– Да?

– Что это за аэропорт?

Она удивленно подняла бровь, видимо, пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно, а потом ответила:

– Сент-Луис.

– А мне казалось, мой самолет летел в Игл-Пойнт.

– Да, летел. Его перенаправили сюда из-за грозы. Вам что, не объявили об этом на борту?

– Может, и объявили. Я спал.

– Поговорите вон с тем человеком, в пальто.

Ростом человек оказался почти вровень с Тенью. Вид у него был как у отца семейства из какого-нибудь сериала семидесятых годов: он вбил что-то себе в компьютер и велел Тени срочно бежать – *бегом!* – к выходу на посадку в самом дальнем конце терминала.

Тень рванул через зал, но когда добежал до нужной двери, ее уже успели закрыть. Он стоял и смотрел сквозь стекло, как его самолет вырывается на взлетную полосу.

Женщина в отделе помощи пассажирам (невысокая, русоволосая, с бородавкой на одной ноздре) пошутукалась с еще одной женщиной, куда-то позвонила («Нет-нет, не получится. Они его только что отменили!»), а потом распечатала для Тени еще один посадочный талон.

– Надеюсь, хоть этот сработает, – сказала она. – Мы сейчас позвоним на посадку и скажем, чтобы они вас дождались.

Тень почувствовал себя горошиной, которую гоняют по столу между трех стаканчиков, или картой, которую затасовали в колоду. Он опять помчался через весь аэропорт, чтобы в итоге прибежать чуть ли не в то же самое место, откуда стартовал.

Маленький человечек за посадочной стойкой заглянул в его талон.

– Вас-то мы и ждали, – утвердительно кивнул он, оторвав от талона корешок с номером места, на котором Тени предстояло лететь дальше, – 17D. Тень быстрым шагом двинулся вперед, и у него за спиной закрыли дверь.

Он прошел через салон первого класса, в котором было всего четыре кресла, и три из них заняты. Сидевший рядом с пустым креслом бородач в светлом костюме поднял голову, когда Тень проходил мимо, ухмыльнулся и постучал пальцем по стеклышку часов: опаздываем, молодой человек.

Да, да, конечно, я тебя задерживаю, подумал Тень. Пусть это будет самой большой из всех твоих неприятностей.

Он пошел дальше: самолет, судя по всему, был заполнен почти до отказа. Собственно, дошло вдруг до Тени, не почти, а точно до отказа, и на месте 17D сидела какая-то средних лет женщина. Тень показал ей корешок посадочного талона, она показала ему свой: места были двойные.

– Вы не могли бы занять свое место? – попросила его стюардесса.

– Нет, – ответил он. – Боюсь, не мог бы.

Она поцокала языком, сличила корешки, повела его обратно по проходу и указала рукой на пустующее кресло в первом классе.

– Такое впечатление, что у вас сегодня счастливый день, – сказала она. – Принести вам чего-нибудь выпить? Осталось несколько минут до взлета. И сдастся мне, после такой беготни вам это не повредит.

– Тогда принесите, пожалуйста, пива, – сказал Тень. – Любого, какое найдется.

Стюардесса ушла.

Бородач в светлом костюме, который сидел в соседнем кресле, снова постучал ногтем по стеклышку наручных часов. Это были «Ролекс», черные.

– Опаздываем, – сказал бородач и расплылся в широченной ухмылке. Дружеским этот оскал назвать было никак нельзя.

– Простите?

– Я говорю – опаздываем!

Стюардесса сунула Тени в руку стакан с пивом.

Псих какой-то, подумал было Тень, но потом решил, что скорее всего бородач имеет в виду, что целый самолет был вынужден ждать одного-единственного опоздавшего пассажира.

– Простите, если я вас задержал, – вежливо сказал он. – Вы очень спешите?

Самолет попятился от стенки терминала. Вернулась стюардесса и забрала у Тени стакан. Бородач осклабился ей и сказал:

– Не беспокойтесь, я его из рук не выпущу, – и она не стала отбирать у него стакан с «Джек Дэниелз», хотя и попыталась что-то объяснить насчет правил поведения на борту – впрочем, у нее это вышло не слишком убедительно. («Послушай, дорогуша, я сам буду судить, что мне можно, а чего нельзя».)

– Время и впрямь пищит, – сказал бородач. – Но дело не в этом. Я просто беспокоился, вдруг ты и на этот самолет опоздаешь.

– Очень любезно с вашей стороны.

Самолет вырулил на взлетную полосу и остановился, нетерпеливо гудя моторами.

– Хрена лысого любезно, – сказал человек в светло-сером костюме. – У меня для тебя есть работа, Тень.

Рев моторов. Маленький самолет рванул вперед, вдавив Тень в спинку сиденья. И как-то вдруг они оказались уже в воздухе, и огни аэропорта скользнули назад и вниз. Тень посмотрел на сидящего рядом с ним человека.

Волосы седые, с рыжеватым отливом; борода – скорее двухнедельная щетина – рыжая с проседью. Лицо морщинистое, квадратное, глаза блекло-серые. Дорогой, по крайней мере на вид, костюм цвета растаявшего ванильного мороженого. Темно-серый шелковый галстук, на булавке – серебряное дерево: ствол, ветви, мощные длинные корни.

Стаканчик с виски он держал в руке, и за время взлета не расплескал ни капли.

– Не хочешь поинтересоваться, что за работа? – спросил он.

– Откуда вы знаете, кто я такой?

Бородач усмехнулся.

– Узнать, как человека зовут, проще всего на свете. Память, умение мыслить логически, чуть-чуть удачи – всего понемножку. Ну, про работу-то будешь спрашивать?

– Нет, – ответил Тень. Стюардесса принесла ему еще пива, и он сделал первый глоток.

– А что так?

– Я лечу домой. Работа у меня там будет. И никакой другой работы мне не надо.

Улыбка на морщинистом лице собеседника ничуть не изменилась, по крайней мере внешне, но теперь Тени стало казаться, что их беседа бородача забавляет.

– Никакая работа тебя дома не ждет, – сказал он. – Там вообще никто и ничто тебя не ждет. А я между тем предлагаю тебе вполне законный способ заработка – за хорошие деньги, не слишком опасный, плюс масса дополнительных возможностей. Твою мать, я даже пенсию тебе готов назначить – если ты, конечно, до нее доживешь. Неплохо звучит, тебе не кажется?

Тень сказал:

– А имя написано у меня на сумке, сбоку. Там вы его, наверное, и прочитали.

Бородач промолчал.

– Кем бы вы ни были, – продолжил Тень, – знать о том, что я полечу именно на этом самолете, вы не могли никак. Я и сам понятия не имел, что окажусь здесь, и если бы мой самолет не завернули на Сент-Луис, ни за что бы здесь не оказался. Сдается мне, любите вы людям голову морочить. А может, маракуете что-нибудь. Так что, наверное, будет спокойнее, если мы просто прекратим сейчас этот разговор, и все.

Бородач пожал плечами.

Тень вынул из кармашка глянцевого журнала авиакомпании. Самолетик швыряло по небу во всех мыслимых направлениях, и сосредоточиться было трудно. Слова плыли сквозь его мозг, как мыльные пузыри – читаешь, и вроде вот оно, тут как тут, а секунду спустя как будто и не было его.

Бородач тихо сидел рядом и потягивал свой «Джек Дэниелз». С закрытыми глазами.

Тень прочел от начала до конца список музыкальных каналов, доступных для пассажиров во время трансатлантических перелетов, потом принялся разглядывать карту мира, расчерченную красными линиями – направлениями, по которым летали самолеты компании. Потом журнал кончился, и Тень нехотя закрыл его и сунул в кармашек на спинке впереди стоящего кресла.

Бородач тут же открыл глаза. Тень отметил для себя, что с глазами у соседа тоже что-то было не так. Оба серые, но один вроде как темнее другого. Бородач посмотрел на Тень.

– Да, кстати, – проговорил он. – Очень расстроился, когда мне сказали насчет твоей жены. Такая потеря.

Тень едва сдержался, чтобы его не ударить. И вместо этого набрал полную грудь воздуха. («Вот че я тебе и кричу-то, не связывайся ты с этими сучками в аэропорту, – включился у него в голове голос Джонни Ларча, – а то загремишь с их помощью обратно на шконку, и бзднуть не успеешь».)

– Я тоже очень расстроился, – сказал Тень.

Бородач покачал головой:

– Жаль, конечно, что вышло именно так, а не иначе, – вздохнул он.

– Она погибла в автомобильной катастрофе, – сказал Тень. – Случаются и другие истории, куда хуже.

Сосед опять покачал головой, очень медленно. На секунду Тени показалось, будто рядом с ним на самом деле вообще никого нет; салон самолета вдруг стал виден отчетливее прежнего, а сосед как будто подернулся какой-то зыбкой рябью.

– Тень, – снова заговорил бородач. – Шутки в сторону, Тень. Никаких фокусов. Получать у меня ты будешь столько, сколько никто другой не станет тебе платить. Ты только что отсидел. Навряд ли народ выстроится в очередь и будет пихаться локтями, чтобы поиметь возможность предложить тебе работу.

– Послушайте, вы, кем бы вы там, блядь, ни были, – сказал Тень, понизив голос ровно настолько, чтобы сосед мог слышать его сквозь гул моторов, – нет таких денег на свете, за которые я стал бы на вас работать.

Ухмылка стала шире. Тень вспомнил, что видел примерно такую же в одной передаче по Пи-би-эс³, про шимпанзе. Там рассказывали, что нам только кажется, будто человекообразные обезьяны – в том числе шимпанзе – улыбаются, на самом деле они просто показывают зубы, либо от ненависти, либо от ярости, либо от страха. Короче, улыбка у обезьяны – знак угрозы.

³ Public Broadcasting Service, государственная служба телевидения США.

– Давай, устраивайся ко мне. Риск некоторый, конечно, есть, но если останешься в живых, получишь все, что душе будет угодно. И выберут тебя следующим королем Америки. Ну вот и прикинь, – сказал бородач, – кто еще станет тебе платить такие бабки? А?

– Кто вы такой?

– Ах, да. Информационная эра! Барышня, не могли бы вы налить мне еще стаканчик «Джек Дэниелз»? Льда поменьше... Хотя конечно, разве были на земле другие эры? Информация и знания: две валюты, которые никогда не выходили из моды.

– Я задал вам вопрос – кто вы такой?

– Так-так, дай-ка подумать. Если учесть, что день сегодня определенно мой – то почему бы тебе не называть меня просто Среда. Мистер Среда. Хотя, если приглядеться к погоде, можно подумать, что нынче самый настоящий Торгов четверг, как тебе кажется?

– Как вас зовут – по-настоящему?

– Если будешь на меня работать, достаточно хорошо и достаточно долго, – сказал человек в светлом костюме, – глядишь, со временем я даже это тебе скажу. Такие дела. Перед тобой потенциальный работодатель. Подумай над этим хорошенько. Никто же не заставляет тебя соглашаться прямо на месте, пока ты еще не разобрался, не предлагают ли тебе часом прыгнуть в бочку с пираньями или в яму с медведями. Время у тебя есть. – Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Мне так не кажется, – сказал Тень. – Вы мне не нравитесь. Я не хочу на вас работать.

– Вот я и говорю, – не открывая глаз, проговорил бородач, – не спеши с выводами. Время у тебя есть.

Самолет неловко ударился о посадочную полосу. Несколько пассажиров сошли. Тень выглянул из окна: маленький аэропорт посреди вселенской пустоты, до Игл-Пойнта еще два таких же. Тень перевел взгляд на человека в светлом костюме – как там его, мистер Среда? Вроде спит.

Повинуясь внезапному импульсу, Тень встал, схватил сумку, вышел из самолета, спустился по трапу на мокрый скользкий бетон и ровным шагом двинулся к огонькам аэровокзала. На лицо оседала легкая водяная взвесь.

Перед входом в аэровокзал он остановился, обернулся и оглядел посадочную площадку. Из самолета больше никто не вышел. Люди из наземной службы катили трап прочь, дверь уже задраили, и самолет начал движение. Тень вошел в аэровокзал и взял напрокат машину, которая на поверку – когда добрался до парковки – оказалась маленькой красной «Тойотой».

Карту ему дали с собой. Он развернул ее и разложил на пассажирском сиденье. До Игл-Пойнта оставалось что-то около 250 миль.

Гроза кончилась – если она вообще дошла до этих мест. Воздух был холодный и чистый. Мимо луны мягко неслись облака, и на долю секунды Тени показалось, что это не облака движутся, а она, луна.

Он ехал на север, полтора часа.

Дело шло к ночи. Ему захотелось есть, и когда до него дошло, насколько отчаянно ему хочется есть, он свернул на первом же перекрестке и въехал в городишко под названием Ноттаман (нас. 1301 чел.). Залив на «Амоковской» заправке полный бак, он спросил у замученной кассирши, где здесь можно перекусить.

– У Джека, бар «Крокодил», – ответила та. – Шоссе N, местное, ехать в западном направлении.

– Там что, правда крокодилы?

– Ну да. Джек говорит, для колорита. – Она нарисовала ему, как проехать, на обороте розово-голубого флаера с объявлением о благотворительном пикнике с жареными курами в пользу девочки, которой нужна пересадка почки. – У него там пара крокодилов, змея и еще офигительная такая тварь, типа, ящерица.

– Игуана, что ли?

– Ага, вот-вот.

Он проехал через весь город, потом через мост и еще пару миль, и притормозил у приземистого прямоугольного здания со светящейся рекламой пива «Пабст».

Парковка полупустая.

Внутри было не продохнуть от табачного дыма, а в музыкальном автомате играла «Гуляю по ночам»⁴. Тень огляделся: крокодилов видно не было. Лихо она меня развела, эта кассирша с заправки, подумал он.

– Что будем заказывать? – спросил у него бармен.

– Ваше фирменное пиво и гамбургер, с чем вы его обычно подаете. Картошки жареной.

– А может, мисочку чили для начала? Лучший чили на весь штат.

– Звучит неплохо, – сказал Тень. – А где у вас здесь туалет?

Бармен указал рукой на дверь, сразу за стойкой. Над дверью висело чучело головы аллигатора. Тень открыл дверь.

Туалет был чистый, свет яркий. Первым делом Тень огляделся: привычка. («Помни, Тень, когда стоишь и ссышь, отмахиваться тебе не с руки», – зашуршал у него в голове голос Ловкого, как всегда вполшепота и как всегда откуда-то из дальнего закута). Тот писсуар, что слева, понравился ему больше прочих. Он расстегнул молнию, пустил долгую, бесконечно долгую струю, и его охватило чувство облегчения. Прямо перед глазами у него оказалась пожелтевшая газетная вырезка с фотографией Джека в обнимку с двумя аллигаторами, и он стал читать.

В дверь никто не входил, но от того писсуара, что справа, до него вдруг донеслось вежливое покашливание.

Человек в светлом костюме оказался куда выше ростом, чем можно было подумать, когда он сидел в кресле, там, в самолете. Почти вровень с Тенью, а Тень был дылда еще та. Он стоял и смотрел прямо перед собой. Закончив и стряхнув последние капли, застегнул брюки.

И – осклабился, как лис, который подошел к забору из колючей проволоки и шамает застрявшее в шипах дерьмо.

– Ну что, Тень, – сказал мистер Среда, – времени на то, чтобы подумать, у тебя было вполне достаточно. Берешься за работу?

⁴ «Гуляю по ночам» (Walking after midnight, Алан Блок/Дон Хехт, 1957), одна из самых известных песен в исполнении Пэтси Клайн (1932–1963), популярнейшей американской певицы в стиле кантри. Именно с этой песней Клайн стала знаменитой в 1957 году. В 1963-м, в возрасте 30 лет, она погибла в авиакатастрофе: самолет попал в грозу. Лирическая героиня песни гуляет по ночам в надежде, что ее любимый, где бы он ни был, делает то же самое.

Где-то в Америке

Лос-Анджелес. 11:26 утра

В темно-красной комнате – стены цветом напоминают сырую печень – стоит высокая женщина, одетая как актриса из дурного фильма: шелковые шортики чуть не лопаются на ягодицах, грудь торчит вперед и вверх, утянутая завязанной узлом желтой блузкой. Черные волосы зачесаны вверх и заколоты на макушке. Рядом с ней коротышка в шикарных джинсах и оливкового цвета футболке. В правой руке у него бумажник и мобильный телефон, «Нokia» с красно-бело-синей панелькой.

В комнате – кровать, застланная атласным белым бельем и покрывалом цвета бычьей крови. В ногах – маленький деревянный столик, на столике маленькая каменная статуэтка женщины с огромными бедрами и канделябр.

Женщина протягивает мужчине маленькую красную свечку.

– На, – говорит она, – зажги.

– Я?

– Ты, – говорит она. – Если хочешь меня поиметь.

– Надо было просто дать тебе в рот прямо в машине, и все дела.

– Может, оно и так, – соглашается она. – Но разве ты меня не хочешь?

Ее рука скользит по телу вверх, от бедра к груди: как в рекламном ролике с раскруткой нового товара.

Торшер в углу затянут красным муслином, и свет тоже кажется красным.

Мужчина окидывает ее жадным взглядом, потом берет свечку и вставляет ее в канделябр.

– Зажигалка есть?

Она протягивает ему спичечный коробок. Он чиркает спичкой, поджигает фитиль: огонек дрожит, потом выравнивается, и от этого безликая статуэтка рядом с подсвечником как будто оживает: сплошь бедра и груди.

– Деньги положи у статуэтки.

– Полтинник.

– Ага, – говорит она. – Иди сюда, люби меня.

Он расстегивает джинсы и стягивает оливковую футболку. Смуглыми пальчиками она массирует его белые плечи; потом переворачивает его на спину и начинает ласкать руками, пальцами, языком.

Ему кажется, что лампа в углу погасла, и теперь свет исходит только от ярко разгоревшейся свечи.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Билкис⁵, – она поднимает голову, – через «кью».

– Через что?

– Да бог с ним.

Дыхание у него становится прерывистым.

– Дай вставлю, – говорит он. – Давно пора тебе вставить.

– Да, милый, – отвечает она. – Конечно. Но пока ты будешь брать меня – можно попросить тебя об одной услуге?

– Слушай, ты, – в нем вдруг всплескивает раздражение, – это ведь я плачу тебе деньги, так, кажется?

⁵ *Билкис* – в арабской традиции имя царицы Савской. В средневековой европейской традиции этот персонаж смешивается также с Суламифью, возлюбленной царя Соломона, которой адресована «Песнь песней» (что и обыгрывается далее в тексте), и с Сивиллой.

Одним плавным движением она садится на него верхом и шепчет:

– Да, милый, конечно, я знаю, ты платишь мне деньги, но по тому, как дело складывается, это я должна тебе платить, мне так повезло...

Он поджимает губы: она должна понять, что все эти блядские штучки на него не действуют, с ним этот номер не пройдет; ведь кто она такая, если разобраться: уличная давалка, а он, можно сказать, без пяти минут *продюсер*, и вытянуть из него под настроение лишнюю десятку еще никому не удавалось, – но она не просит денег. А вместо этого шепчет:

– Милый, пока ты будешь брать меня, пока ты будешь насаживать меня на этот толстый твердый кол – пожалуйста, *боготвори* меня.

– Чего?

Она раскачивает бедрами, подаваясь то назад, то вперед: налитая головка его члена трется о влажные губы вульвы.

– Называй меня богиней, ладно? Молись мне, хорошо? Почти меня своим телом!

Он улыбается. И только-то? У каждого свои тараканы – особенно под конец рабочего дня.

– Ладно, – соглашается он.

Она запускает руку себе между ног и вводит член.

– Хорошо тебе, а, богиня? – спрашивает он, и у него перехватывает дыхание.

– Поклоняйся мне, милый, – говорит ему Билкис, уличная шлюха.

– Да, – говорит он. – Я боготворю твои груди, и волосы твои, и пизду твою. Я поклоняюсь твоим бедрам, и глазам, и губам, алым, как вишни...

– Да... – мурлычет она и ударяет бедрами в такт.

– Я поклоняюсь соскам твоим, из коих течет млеко жизни. Поцелуй твой слаще меда, и прикосновение твое обжигает, как пламя, и я боготворю его. – Слова он произносит все ритмичнее, и они постепенно тоже попадают в такт слитному движению тел. – Дай мне страсть твою на восходе солнца, и на закате дай мне облегчение и благословение твое. Пусть иду я сквозь тьму без ущерба и страха, и пусть приду к тебе снова, чтобы спать с тобой рядом и любить тебя. Боготворю тебя всем, что только есть во мне, и в душе моей, всем тем, чем был я и в мечтах моих и в... – он осекается, окончательно задохнувшись. – Что ты *делаешь*? Какое удивительное чувство. Какое удивительное...

Он пытается посмотреть вниз, туда, где соединяются их тела, но ее указательный палец упирается ему в подбородок и откидывает голову назад, так что он видит только ее лицо и еще – потолок.

– Говори, милый, говори, – шепчет она. – Не останавливайся. Тебе хорошо?

– Я вообще никогда в жизни ничего подобного не испытывал! – тут же откликается он, и голос у него совершенно восторженный. – Глаза твои – звезды, горящие во – т-твою мать – во тверди небесной, губы твои – что волны, окатывающие песок, и я боготворю их... – Он уходит в нее все глубже и глубже: его продергивает электрическим спазмом, будто эрекция распространилась на всю нижнюю половину его тела, и та вздыбилась, налилась, исполнилась благодати.

– Одели меня даром твоим, – шепчет он, не ведая уже, что говорит, – истинным даром твоим, и сделай меня вечно... вечно... молю тебя... умоляю...

И тут наслаждение достигает пика и перерастает в оргазм, и душа его срывается в пропасть; все его тело, вся сущность изливаются до пустоты, до последней капли, пока он вонзается в нее все глубже и глубже...

С закрытыми глазами, содрогаясь всем телом, он повисает в этой роскошной пустоте; потом чувствует толчок, и ему начинает казаться, будто он висит уже головой вниз, хотя удовольствие не ослабевает.

Он открывает глаза.

С трудом обретая способность логично и связно мыслить, сперва он вспоминает о родах и пытается понять, без страха, с пронзительной посткоитальной ясностью, не спит ли он, не грезит ли наяву.

А видит он вот что.

Он ушел в нее уже по пояс, и пока он смотрит на нее, не веря своим глазам, она кладет ему обе руки на плечи и тихо толкает к себе.

И он скользит еще глубже.

– Что такое ты со мной делаешь? – спрашивает он, или ему только кажется, что он спрашивает у нее об этом вслух.

– Ты сам это делаешь, милый, – шепчет она.

Он чувствует, как плотно сомкнулись губы ее вульвы у него под мышками, и у лопаток на спине, как они сдавливают и обволакивают его. Он прикидывает, как это должно выглядеть со стороны – если бы кто-нибудь сейчас взглянул на них со стороны. Он удивлен: ему совершенно не страшно. И тут до него доходит.

– Я приношу тебе тело свое, – шепчет он, и она заталкивает его в себя. По лицу его влажно скользят губы, и свет перед глазами меркнет.

Она раскидывается на кровати, как большая кошка, – и зевает.

– Да, милый, – говорит она. – Все так.

«Нокия» раздражается высокой электронной модуляцией на тему «Оды к радости». Она берет телефон, нажимает клавишу и подносит трубку к уху.

Живот у нее плоский, половые губы – маленькие и плотно сомкнутые. На лбу и на верхней губе выступили крохотные капельки пота.

– Да-а? – мурлычет она. А потом: – Нет, дорогуша, его здесь нет. Он ушел.

Она отключает телефон перед тем как навзничь упасть на кровать в темно-красной комнате, потом еще раз потягивается, закрывает глаза и засыпает.

Глава вторая

*На кладбище отвез ее
Большой кабриолет.
На кладбище отвез ее,
А обратно – нет.*

Старинная песня

– Я взял на себя смелость, – сказал мистер Среда, споласкивая руки в туалете бара «Крокодил», – и попросил, чтобы мой заказ принесли к твоему столику. В конце концов, нам с тобой столько всего нужно обсудить.

– Это вряд ли, – сказал Тень, вытер руки бумажным полотенцем, скомкал его и бросил в бачок.

– Тебе нужна работа, – сказал Среда. – Кто станет нанимать бывшего зэка? Народ вас шугается, ребята.

– Работа меня ждет. Хорошая работа.

– Ты, часом, не насчет того места в «Силовой станции»?

– Может, оно и так, – ответил Тень.

– Не-а. Не ждет. Робби Бертон мертв. А без него и «Силовая станция» тоже, считай, накрылась.

– Врешь!

– Причем довольно часто и успешно. Другого такого вруна ты в жизни своей не встретишь. Вот только боюсь, что именно сейчас я говорю чистую правду. – Он сунул руку во внутренний карман пиджака, вынул сложенную газету и протянул ее Тени. – Седьмая страница, – сказал он, – и пойдём-ка мы с тобой обратно в бар. За столом считаешь.

Тень толкнул дверь. Воздух был сизым от дыма; музыкальный автомат голосами «Дикси капс» выводил «Айко Айко»⁶. Тень улыбнулся уголками рта, узнав знакомую с детства песню.

Бармен ткнул пальцем в сторону столика в самом дальнем углу. На одном его конце стояли миска чили и блюдо с бургером, а напротив, на большой тарелке – бифштекс с кровью и грудка жареной картошки.

А мой король весь в красном по городу идет,
Айко Айко, гуляй и пей,
И спорим на пятерку, что он тебя убьет,
Джокамо-фина-нэй.

Тень сел за столик. И отложил газету в сторону.

– Я в первый раз ем как свободный человек. И пока не поем, твоей седьмой страницы читать не стану.

Тень съел свой гамбургер. С тюремными гамбургерами не сравнить. Чили тоже был вполне достойный, хотя, решил он после пары ложек, никак не лучший во всем штате.

Лора готовила изумительный чили. Брала постное мясо, темную фасоль, мелко крошила морковь, потом еще темного пива, примерно бутылку, и жгучий перчик – тонкими ломтиками и прямиком в кастрюлю. Тушила все это какое-то время, добавляла красного вина,

⁶ Ритм-энд-блюз в исполнении черного женского трио «Дикси капс» (на сцене с 1963 года), впервые исполненный ими в 1965 году, пятый и последний хит группы. Традиционная негритянская песня, сюжет которой связан с соперничеством разных «индейских племен», как называются группы участников карнавала в Новом Орлеане, в «жирный вторник». У каждого «племени» свои «король», «знаменосец», «разведчик» и «дикий человек».

лимонного сока, щепотку свежего укропа и, наконец, начинала отмерять и добавлять всякие свои приправы, специально для чили. Не раз и не два Тень пытался понять, как она эта делает: следил за каждым ее движением, начиная с лука, который, нарезав кольцами, она отправляла жариться в оливковом масле на доньшке кастрюли. Он даже записал рецепт, ингредиент за ингредиентом, и однажды вечером, в субботу, когда ее не было в городе, решил приготовить себе Лорин чили. Получилось очень даже неплохо – вполне съедобно получилось, но это был не Лорин чили.

В новостной колонке на седьмой странице Тень в первый раз прочитал сообщение о смерти жены. Лора Мун, которой, с точки зрения автора заметки, было двадцать семь, и Робби Бертон, тридцати девяти лет от роду, двигались по федеральной трассе в машине Робби, отчего-то выехали на встречную полосу и столкнулись с тяжелой тридцатидвухколесной фурией. Грузовик всего-навсего задел машину Робби, но она потеряла управление и вылетела в кювет.

Из обломков машины Робби и Лору извлекли спасатели. К тому моменту, как «скорая» привезла их в больницу, оба уже были мертвы.

Тень сложил газету и подтолкнул ее через стол Среде, который жадно уминал бифштекс: бифштекс был такой сырой, и крови в нем было столько, что, казалось, его даже и близко не подносили к сковороде.

– На. Забери, – сказал Тень.

За рулем был Робби. Наверняка пьяный, хотя в заметке об этом ни слова. Тень поймал себя на том, что пытается представить лицо Лоры, когда та поняла: Робби слишком пьян, чтобы вести машину. Сцена сама собой начала разворачиваться у него в голове, и он ничего не мог с этим поделать: Лора кричит на Робби – кричит, чтобы тот съехал с трассы, потом глухой удар – грузовик – и руль вылетает из рук Робби...

...машина в кювете, разбитое стекло сверкает в свете фар как колотый лед, как бриллианты, а рядом натекла рубиновая лужа крови. Из машины вынимают оба тела и аккуратно кладут бок о бок, у обочины.

– Ну? – подал голос мистер Среда. Бифштекс он сожрал до крошки, так, словно умирал с голоду. И набивал теперь рот жареной картошкой, насаживая ее на вилку, как на острогу.

– Ты прав, – ответил ему Тень, – работа мне не светит.

Тень вынул из кармана четвертак: решка. Он подбросил монету вверх, подкрутив ее большим пальцем в момент щелчка, потом поймал и шлепнул о тыльную сторону ладони.

– Орел или решка? – спросил он.

– Какого? – спросил Среда.

– Не хочу работать на человека, которому везет еще меньше, чем мне. Орел или решка?

– Орел, – фыркнул мистер Среда.

– Обломись, – сказал Тень, даже не дав себе труда взглянуть на четвертак. – Решка. Ловкость рук.

– На ловкости рук человек проще всего и ловится. – Среда поводит толстым пальцем из стороны в сторону. – Глянь-ка, на всякий случай.

Тень посмотрел на монету. Она лежала орлом.

– Закрутил, что ли, не так? – озадаченно проговорил он.

– Все ты правильно закрутил, не переживай! – ухмыльнулся Среда. – Просто мне прет, мне всегда прет. – Он поднял голову. – Мать честная, кого я вижу! Бешеный Суини⁷. Выпьешь с нами?

⁷ *Бешеный Суини (Mad Sweeney)* – персонаж ирландской легендарной традиции, главный герой прозо-поэтической скелы «Buile Shuibhne» («Безумие Суини», «Бешенство Суини»), самая ранняя из дошедших до нас рукописных версий которой относится ко второй половине XVII века. Суини, король Дал н'Ардья (Dál nAraidi) в Ульстере, был проклят епископом Ронаном Финном перед битвой при Мой Рат (Magh Rath) в 637 году за то, что убил копьем одного из певчих Ронана, а другое копье

– «Сазерн камфорт»⁸ с кокой, без льда, – раздался голос за спиной у Тени.

– А ты не хочешь справиться, что буду пить я? – поинтересовался Тень.

– Да знаю я, что ты будешь пить, – ответил Среда и тут же оказался возле стойки. Пэтси Клайн в музыкальном автомате опять затянула «Гуляю по ночам».

«Сазерн камфорт с кокой» сел рядом с Тенью. Короткая рыжая борода. Джинсовая куртка со множеством нашитых внахлест цветных заплат, под курткой – заляпанная белая футболка с надписью:

ТО, ЧТО НЕ МОЖЕШЬ СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, ВКУРИТЬ ИЛИ
ВДОЛБИТЬ, ОТПРАВЛЯЙ НА ХУЙ!

На голове – бейсболка, тоже с надписью:

ЕДИНСТВЕННАЯ БАБА, КОТОРУЮ Я ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИЛ,
И ТА БЫЛА ЗАМУЖЕМ... МАТЬ МОЯ!

Он сколупнул грязным ногтем уголок мягкой пачки «Лаки страйк», вынул сигарету и протянул пачку Тени. Тень совсем уже было собрался вытянуть из пачки сигарету – сам он не курил, но в тюрьме на сигареты можно выменять все что угодно – и тут сообразил, что он уже на воле. И покачал головой.

– Ты, значит, работаешь на нашего старика? – поинтересовался рыжий. Он был уже нетрезв, хотя и пьяным его назвать тоже было нельзя.

– Похоже на то, – ответил Тень. – А ты чем занимаешься?

Рыжий прикурил сигарету.

– Я лепрекон, – ответил он и ухмыльнулся.

– Иди ты, – Тень даже не улыбнулся в ответ. – Тогда тебе, наверное, следовало бы пить «Гиннесс».

– Стереотипы. Это не ты сейчас сказал, это телевизор – давай-ка, дружок, учись думать самостоятельно. В Ирландии еще много всякого есть и кроме «Гиннесса».

– И акцента ирландского у тебя нет.

– Слишком, блядь, долго тут проторчал.

– Так ты что, правда *родился* в Ирландии?

– А я тебе о чем толкую. Я же лепрекон. Мы же, блядь, не в Москве на свет появляемся.

– Да уж, это вряд ли.

К столику вернулся Среда: три стакана в его огромных лапах разместились безо всякого труда.

– Тебе «Сазерн камфорт» с кокой, друг мой Бешеный Суини, мне – «Джек Дэниелз». А *это* тебе, Тень.

– Что это такое?

– А ты попробуй.

Напиток был темно-золотистого цвета. Тень отхлебнул: довольно странная на вкус кисло-сладкая жидкость. Напиток был алкогольный, и отдушка – весьма необычная. Немного похоже на тюремную бражку, которую настаивают в мешке для мусора из смеси гнилых фруктов, хлеба, воды и сахара, но только слаще, и вкус куда более странный.

– Ну, – сказал Тень, – попробовал. Так что это такое?

бросил в самого Ронана, но попал в колокол и разбил его (Суини раздражали громкие звуки). Попав во власть наложенного на него проклятия (Ронан обрел его впасть в безумие от любого резкого звука и обещал ему смерть от копья – в отместку за смерть певчего), Суини превратился в своеобразного «птице-человека», обретая в приступы безумия способность летать, но утрачивая собственно человеческие качества.

⁸ Пряная и сладкая фруктовая настойка (ваниль, корица, сахар, апельсин, лимон, банан, персик, возможны варианты) на кукурузном виски, придуманная во второй половине XIX века нью-орлеанским барменом по имени Мартин Уилкс Херон. Традиционно используется при приготовлении коктейлей.

– Мед, – ответил Среда. – Медовое вино. Напиток героев. Напиток богов.

Тень еще раз осторожно пригубил из своего стакана. Да, кажется, медом действительно пахнет. Но не одним только медом.

– На вкус – вроде как на огуречный рассол похоже. Вино из сладкого огуречного рассола.

– На вкус – вроде как моча пьяного диабетика, – согласился Среда. – Терпеть не могу эту гадость.

– Тогда зачем ты мне ее принес? – резонно поинтересовался Тень.

Среда в упор уставился на него своими разноцветными глазами. Один наверняка стеклянный, подумал Тень, только вот неясно, какой именно.

– Я дал тебе испить меда потому, что так велит традиция. А сейчас настали такие времена, что чем чаще мы обращаемся к традиции, тем лучше. Это скрепит нашу сделку.

– Мы не заключали никакой сделки.

– Как бы не так. Теперь ты работаешь на меня. Ты обязан меня защищать. Перевозить с места на место. Исполнять разовые поручения. В случае необходимости – но только в случае крайней необходимости – набьешь морду тем, кому давно следовало набить морду. В случае моей смерти ты обязан отбыть по мне бдение – хотя сильно сомневаюсь, что дело до этого дойдет. Со своей стороны я заверяю, что позабочусь об удовлетворении всех твоих нужд.

– Он тебе мозги парит, – потеряв заросший рыжей щетиной подбородок, сказал Бешеный Суини. – Он жулик.

– Просто клейма ставить негде, – сказал Среда. – Именно по этой причине кто-то и должен за мной приглядывать.

Песня в музыкальном автомате закончилась, разговоры смолкли сами собой, и на секунду в баре воцарилась полная тишина.

– Кто-то мне говорил, что если все разом замолчали, значит сейчас либо без двадцати чего-нибудь, либо двадцать минут чего-то.

Суини ткнул пальцем вверх и в сторону: над барной стойкой висела еще одна крокодильях башка, с безразличным видом сжимавшая в массивных челюстях циферблат. Часы показывали 11:20.

– Ну вот, – сказал Тень. – Хрен его знает почему, но именно так оно и есть.

– Я знаю почему, – тут же подхватил Среда. – Допивай свой мед.

Тень опрокинул стакан и осушил его в один прием.

– Может, имело бы смысл подавать его со льдом? – поинтересовался он, поставив стакан на стол.

– Как бы хуже не вышло, – отозвался Среда. – Жуткое пойло.

– Ага, – согласился Суини. – А теперь, джентльмены, прошу простить, но у меня возникла насущная необходимость пустить долгую золотистую струйку.

Он встал из-за стола и вышел. Господи, вот это оглобля, подумал Тень, в нем же два метра с гаком.

Официантка вытерла со стола и собрала тарелки. Среда попросил ее повторить каждому – только на сей раз мед для Тени пусть будет со льдом.

– Ну, в общем, – Среда вернулся к неоконченному разговору, – таковы требования твоего работодателя.

– А как насчет моих требований к работодателю? – поднял голову Тень.

– Валяй, с удовольствием выслушаю.

Официантка принесла стаканы. Тень отхлебнул меда со льдом. И впрямь вышло хуже: лед только усиливал кислый привкус и после каждого глотка оставлял во рту неприятное послевкусие. Впрочем, успокоил себя Тень, судя по всему, градусов здесь немного. Напиваться ему сейчас не стоит. Пока не стоит.

Он набрал полную грудь воздуха.

– Ну, ладно, – начал Тень. – В общем, жизнь моя, которая три последних года была весьма далека от идеала, только что самым внезапным и явным образом сделала поворот к худшему. Есть несколько вещей, которые я должен сделать в самое ближайшее время. Во-первых, попасть на похороны Лоры. Я хочу с ней попрощаться. Уладить все ее дела. Если ты по-прежнему настаиваешь на том, что хочешь взять меня на работу, для начала я хочу получать пятьсот долларов в неделю. – Цифру он назвал первую, какая пришла в голову. Среда смотрел на него с прежним бесстрастным выражением лица. – Если все у нас с тобой пойдет нормально, через полгода поднимешь ставку до тысячи в неделю.

Он перевел дух. Это была его самая длинная речь за последние три года.

– Ты сказал, что мне, возможно, придется применять силу. Так вот, силу я буду применять только против тех людей, которые попытаются применить ее к тебе. Но калечить людей забавы ради или выгоды для не стану. У меня нет никакого желания возвращаться в тюрьму. Одного раза мне хватило вполне.

– Это понятно, – сказал Среда.

– Так что второго раза не будет, – Тень допил мед, и где-то на заднем плане в мозгу у него зашевелилась мысль: а не мед ли виной тому, что он эдак разговорился? Однако слова текли из него сами собой, как вода, что фонтаном хлещет вверх, летом, из пробитого гидранта, и при всем своем желании остановиться он уже не мог. – Ты не нравишься мне, мистер Среда, или как там тебя зовут по-настоящему. Ты мне не друг, и я тебе тоже не друг. Я понятия не имею, как ты сумел выбраться из самолета так, что я тебя не заметил, – и как ты выследил меня потом. Но деваться мне сейчас некуда. Когда работа кончится – все, разбежались. Если попытаешься меня кинуть – то же самое. А до той поры я согласен на тебя работать.

– Прекрасно, – подытожил Среда. – Значит, договорились. Контракт вступает в силу прямо сейчас.

– Что он там делает? – повернул голову Тень. На другом конце зала Бешеный Суини кормил музыкальный автомат четвертаками. Среда плюнул себе на ладонь и протянул руку. Тень пожал плечами. Потом тоже плюнул себе на ладонь и взял протянутую руку. Среда тут же начал давить. Тень ответил тем же. Через несколько секунд он почувствовал боль. А еще через несколько секунд Среда ослабил хватку – и высвободил руку.

– Хорошо, – сказал он. – Хорошо. Очень хорошо. Теперь еще стаканчик этого гребаного вонючего меда для закрепления сделки, и дело сделано.

– А мне «Сазерн камфорт» с колой, – подхватил отлепившийся наконец от музыкального автомата Суини.

Автомат начал играть «Зачем это солнце?»⁹. Интересно, как эта песня вообще попала в музыкальный автомат, подумал Тень. Редкий случай. Хотя, с другой стороны, то же самое легко можно сказать обо всем нынешнем вечере.

Тень подобрал лежащий на столе четвертак, при помощи которого чуть раньше пытался сыграть в орлянку, и зажал его между большим и указательным пальцами правой руки, поймав себя на том, сколько радости может доставить человеку одно только ощущение настоящей свежечеканенной монетки. Потом он сделал вид, что переложил ее в левую руку одним ловким движением, – а на самом деле вжал поглубже в ладонь правой. Его левая ладонь сомкнулась на воображаемом четвертаке. Потом он взял еще один четвертак, правой, точно так же, между указательным и большим пальцами, и сделал вид, что уронил его в левую руку – уронив при этом в правую, так, чтобы он ударился об уже лежавший там четвертак. Сам этот звук должен

⁹ Песня в исполнении роковой американской группы «Велвет Андерграундз», первая в ее четвертом по счету альбоме «Loaded». Для музыкального автомата в придорожном баре выбор действительно довольно странный: группа была ориентирована на экспериментальную музыку, ее первым «настоящим» продюсером с 1966 года был Энди Уорхол.

был послужить дополнительным подтверждением тому, что теперь обе монеты лежат у него в левой руке, при том, что лежали они обе в правой.

– Что, фокусы с монетами показываешь? – выкатив подбородок вперед, так что рыжая щетина встала торчком, спросил Суини. – Ну, если дело у нас дошло до фокусов с монетами, тогда смотри сюда.

Он взял со стола пустой стакан. Потом вытянул руку и достал прямо из воздуха золотую монету, большую и блестящую. И бросил ее в стакан. Потом достал из воздуха еще одну монету, подкинул ее, подставил стакан, и она звякнула о первую. Потом он вынул еще одну – из пламени горящей в настенном бра свечи, вторую – из щетины у себя на подбородке, третью – из пустой левой руки Тени, и тоже побросал их в стакан, одну за другой. Потом он пересыпал липкие монеты из стакана в карман своего пиджака – и похлопал по карману, чтобы продемонстрировать, что там пусто.

– Вот так-то, – сказал он. – Вот это я называю хорошим фокусом.

Тень, который пристально следил за каждым его движением, наклонил голову набок.

– Покажи, как ты это делаешь.

– Я это делаю, – сказал Суини с таким видом, будто выдавал самую страшную тайну на свете, – лихо и стильно. И по-другому не умею.

И беззвучно затрясся от смеха, ощерив редкие зубы и раскачиваясь на каблуках.

– Согласен, – кивнул головой Тень, – лихо и стильно. Я тоже так хочу. Если судить по той технике, что описана в моей книжке, ты, вероятнее всего, спрятал монеты в той же руке, где был стакан, а потом ронял их по одной в стакан, а нам показывал – правой рукой – одну и ту же монету.

– Загребешься с этой твоей техникой, – сказал Бешеный Суини. – По мне так проще доставать их из воздуха, и все дела.

Тут вмешался Среда:

– Твой мед, Тень. Я сохраню верность «Джеку Дэниелзу». Что же касается этого ирландского халявщика...

– Бутылочного пива, если можно, темного, – тут же подхватил Суини. – Значит, говоришь, халявщик? – Он поднял стакан с остатками коктейля и развернулся к Среде. – Да минует нас буря и да оставит нас без ущерба и в добром здравии! – возгласил он и опрокинул стакан в глотку.

– Прекрасный тост, – сказал Среда. – Жаль, бессмысленный.

Перед Тенью поставили очередной стакан с медом.

– Мне что, обязательно это пить?

– Боюсь, что так. Для закрепления сделки. Первая колом, вторая соколом, третья мелкой пташкой.

– Дерьма до кучи, – сказал Тень и опорожнил стакан двумя большими глотками. Во рту расцвел удушливый букет медового маринада.

– Ну вот и все, – сказал мистер Среда. – Теперь ты мой.

– Так как же все-таки, – вклинился Суини, – хочешь ты узнать, как я делаю этот фокус?

– Хочу, – ответил Тень. – Что, в рукаве держишь?

– В каком еще, на хрен, рукаве, – фыркнул Суини, раскачиваясь и подсакивая на месте, и сделался похож на долговязый небритый вулкан, вот-вот готовый взорваться от восторга по поводу собственного великолепия. – Все просто, как два пальца об асфальт. Побьешь меня, скажу.

Тень покачал головой.

– Я пас.

– Вот *ни фига* себе, – сказал Суини, обращаясь ко всему залу. – Старик Среда нанимает себе гориллу, а у парня керосину не хватает даже на то, чтобы кулаки из жопы вынуть.

– Я не стану с тобой драться, – повторил Тень.

Суини продолжал раскачиваться на пятках, на лбу у него выступила испарина. Он поправил козырек бейсболки. Потом вынул из воздуха очередную монету и положил ее на стол.

– Чистое золото, ежели что, – сказал он. – Победишь или проиграешь – а ты проиграешь – не важно, она твоя. Такой амбал, и кто бы мог подумать, обосрался при первом же шухере, да?

– Он тебе уже сказал, что не станет с тобой драться, – вмешался Среда. – Вали отсюда, Бешеный Суини. Бери свое пиво и оставь нас в покое!

Суини сделал шаг по направлению к Среде.

– А это не ты, часом, назвал меня халявщиком, ты, пердун старый? Ты, злобный выродок, висельник сраный! – Лицо у него побагровело от злости.

Среда примирительно выставил перед собой руки, ладонями вперед.

– Потише, Суини. Выбирай слова.

Суини смерил его взглядом. Потом проговорил мрачным тоном вусмерть пьяного человека:

– Ты труса нанял, понял? Как ты думаешь, что он станет делать, если я сейчас дам тебе в морду?

Среда повернулся к Тени.

– Все, с меня хватит, – сказал он. – Разберись с ним.

Тень встал, и ему пришлось задрать голову, чтобы посмотреть Суини в лицо: господи, сколько же росту в этакой дылде, подумал он.

– Ты пьян, – сказал он. – И здесь тебе больше делать нечего. Проваливай подобру-поздорову.

По лицу у Суини медленно расплылась блаженная улыбка.

– Ну наконец-то, – сказал он и тут же выбросил вперед тяжелый кулак.

Тень попытался уйти назад, но кулак все равно пришелся ему под правый глаз: посыпались искры, полыхнула боль.

Вот с этого драка и началась.

В том, как дрался Суини, не было ни стиля, ни особой хитрости – ничего, кроме беспорядочного воодушевления от самой драки: мощные, резкие удары наотмашь, и мазал он примерно так же часто, как попадал в цель.

Тень ушел в защиту и дрался очень аккуратно, блокируя удары Суини или уходя от них. Вокруг собрались зрители, и он ясно отдавал себе в этом отчет. Кто-то пытался протестовать, но столы моментально оказались отодвинуты к стенам, чтобы дать бойцам свободное пространство. Чувствовал Тень на себе и пристальный взгляд Среды – и его обычную недобрую ухмылку. Ежу понятно, ему устроили проверку: вот только – что проверяем?

Тюрьма научила Тень различать два вида драки: драку из разряда *я тебе глаза на жопу натяну*, где главное произвести как можно больше впечатления на публику, и драку частную, *настоящую*, стремительную и неразборчивую в средствах, которая неизменно заканчивалась буквально за несколько секунд.

– Слушай, Суини, – задохнувшись от очередного удара в корпус, проговорил Тень, – ты ради чего дерешься-то?

– Ради радости, – отозвался Суини, трезвый как стеклышко: не то и впрямь протрезвел, не то перестал притворяться пьяным. – Ради чистого, охеренного, блядского удовольствия. Разве ты не чувствуешь, как по жилам у тебя растекается радость, как сок по дереву? – Губа у него кровоточила. Как, собственно, и костяшка на кулаке у Тени.

– Так как ты все-таки делаешь этот трюк? – спросил Тень.

Он качнулся назад, ушел в сторону и принял на плечо удар, который был нацелен ему в лицо.

– Да я ж тебе сразу сказал как, в самый первый раз! – гоготнул Суини. – Только фигли объяснять – ого! Вот это по-нашему! – тому, кто ни фи́га не слышит.

Тень весь вложился в хороший прямой в корпус, и Суини опрокинулся спиной вперед на стол; пустые стаканы и пепельницы посыпались на пол. Вот тут бы его и добить.

Тень посмотрел на Среду; тот кивнул. Тень перевел взгляд на Бешеного Суини.

– Ну, хватит с тебя? – спросил он.

Суини поколебался, потом кивнул. Тень отпустил его и сделал несколько шагов назад. Суини, отдуваясь, перевел свое длинное туловище в вертикальное положение.

– А с тебя не хватит, жопа ты этакая! – взревел он. – Ты у меня сам сейчас соплями умоешься!

Он осклабился и ринулся на Тень, отведя руку для хлесткого свинга. Но тут под ногу ему попался кубик льда: улыбка тут же превратилась в отчаянную гримасу, ноги поехали вперед, а сам он грохнулся навзничь и с явственным стуком ударился затылком об пол.

Тень поставил колено ему на грудь.

– Еще раз спрашиваю, хватит с тебя? – повторил он.

– Ну, может, на сей раз и стоит с тобой согласиться, – ответил Суини, оторвав голову от пола, – потому что радости уже никакой, уткнула радость, как мальчонка обоссался, плавая в бассейне в жаркий летний день.

Он выплюнул сгусток крови, закрыл глаза и тут же захрапел: густая, хорошо темперированная каденция.

Кто-то похлопал Тень по спине. Среда сунул ему в руку бутылку пива.

На вкус оно было куда лучше меда.

* * *

Проснулся Тень на заднем сиденье седана. Солнце било прямо в глаза, голова трещала. Он неловко выпрямился и сел, потягиваясь.

За рулем сидел Среда и что-то мычал себе под нос: ни мелодии, ни ритма. В подставке для чашки – картонный стакан с кофе. Ехали они по федеральной трассе. На пассажирском сиденье никого не было.

– Как чувствуешь себя прекрасным этим, ясным утром? – не повернув головы, поинтересовался Среда.

– Где моя машина? – вопросом на вопрос ответил Тень. – Я ее напрокат взял.

– Бешеный Суини отгонит. Во исполнение сделки, которую вы с ним заключили вчера вечером. После драки.

В голове у Тени лениво зашевелились обрывки вчерашнего разговора.

– У тебя там кофе не осталось?

Среда пошарил могучей лапой под сиденьем и протянул ему через плечо непечатую бутылку минералки.

– Держи. Страшная вещь обезвоживание. Сейчас это тебе поможет лучше, чем кофе. Как попадетса заправка, остановимся, купим чего-нибудь на завтрак. И привести себя в порядок тебе тоже не мешает. А то вид такой, как будто тебя вчера козел драл.

– Кошки драли, – поправил его Тень.

– Козел, – повторил Среда. – Долговязый такой козли́на, душной и смрадный, и с огромными зубищами.

Тень свернул на бутылке крышку и запрокинул голову. В кармане у него звякнуло что-то тяжелое. Он сунул руку в карман и вынул монету размером с доллар. Тяжелую и темно-желтую.

На заправке Тень купил гигиенический набор; в него входили бритвенный станок, упаковочка крема для бритья, расческа и одноразовая зубная щетка, к которой был прикреплен крохотный тюбик зубной пасты. Потом пошел в мужской туалет и посмотрел на себя в зеркало.

Под глазом у него красовался синяк, он осторожно надавил на кожу пальцем, и тут же почувствовал острую боль, губа тоже распухла.

Тень умылся с местным жидким мылом, потом намылил лицо и побрился. Почистил зубы. Намочил волосы и зачесал назад. Вид у него по-прежнему был так себе.

Что скажет Лора, когда увидит такую рожу, подумал он, но тут же вспомнил, что Лора теперь уже никогда ничего не скажет, и увидел, как его лицо в зеркале дрогнуло – но лишь на долю секунды.

Он вышел из туалета.

– Дерьмово выгляжу, – сказал Тень.

– С чего бы это? – поддакнул Среда.

Среда как раз вывалил перед кассой охапку всякой снеди и расплатился и за нее и за бензин: он суетился, то вытаскивал пластиковую карточку, то опять прятал и открывал бумажник с наличными – к вящему раздражению мрачно жующей жвачку дамочки за кассовым аппаратом. Тень стоял и смотрел, как дрожат у Среды руки, как он мямлит и извиняется через каждые два слова. Он вдруг показался ему очень старым. Кассирша вернула ему деньги, взяв карточку, потом протянула ему чек и взяла деньги, потом снова вернула деньги и взяла другую карту. Среда уже едва не плакал: несчастный старик, окончательно запутавшийся в непостижимом мире кредитных карт.

Они вышли из теплого помещения наружу, и изо рта тут же повалил пар.

Потом снова тронулись в путь, и по обе стороны от машины поплыли бурые осенние луга и унылые голые деревья. Две черные птицы, усевшиеся на телеграфную линию, проводили их долгим взглядом.

– Слушай, Среда.

– Ну?

– Если я правильно понимаю, за бензин ты ей так и не заплатил.

– Как-как?

– Если я не ошибаюсь, она еще и приплатила тебе за удовольствие принять столь важную персону на своей заправке. Как ты думаешь, до нее уже дошло, что к чему?

– До нее это никогда не дойдет.

– Так кто ты есть на самом деле? Сшибаешь пару долларов за счет ловкости рук?

– Так точно, – кивнул Среда. – И этим я тоже охотно занимаюсь. Среди прочего.

Он перестроился, чтобы обогнать грузовик. Небо было унылое, равномерного серого цвета.

– Будет снег, – сказал Тень.

– Ага.

– Насчет Суини. Он что, и правда показал мне, как делать этот фокус с золотыми монетами?

– Конечно.

– Ничего не помню.

– Само вспомнится. Мы долго вчера сидели.

На лобовое стекло упали несколько снежинок и тут же растаяли.

– Тело твоей жены выставлено сейчас в похоронном бюро Уэнделла, – сказал Среда. – После обеда его собираются везти на кладбище.

– Откуда ты знаешь?

– Позвонил, справился, пока ты был в сортире. Знаешь, где похоронное бюро Уэнделла?

Тень кивнул. Снежинки вертелись перед лобовым стеклом и закладывали головокружительные пируэты.

– Сверни здесь, – сказал Тень.

Машина скатилась с федеральной трассы, мимо мотелей, сбившихся в кучку к северу от Игл-Пойнта.

Да, прошло три года. Незнакомые вывески, и огней стало больше. Когда они ехали мимо «Силовой станции», Тень попросил Среду сбавить ход. «ЗАКРЫТО НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК, – гласила написанная от руки и вывешенная на двери табличка, – В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ».

Налево, на Мейн-стрит. Мимо тату-салона, за ним армейский рекрутский центр, «Бургер Кинг», далее – аптека Ольсена, знакомая и ничуть не изменившаяся – и наконец желтый кирпичный фасад похоронного бюро Уэнделла. Неоновая надпись в витрине: «ДОМ УСПОКОЕНИЯ». Под вывеской – каменные надгробия, не тронутые резцом каменотеса, безликие и безымянные.

Среда вырулил на парковку.

– Хочешь, зайду с тобой? – спросил он.

– Да нет, не стоит.

– Хорошо, – все та же недобрая усмешка. – Да и у меня есть чем заняться, пока прощаюсь с женой. Номера я сниму для нас обоих в мотеле «Америка». Как закончишь, приходи туда.

Тень вышел из машины и проводил ее взглядом. Потом вошел в здание. В сумеречном коридоре пахло цветами и мастикой, так что запах формальдегида едва угадывался. В дальнем конце коридора был вход в «Часовню успокоения».

Тень поймал себя на том, что вертит в руке золотую монету, судорожно перебрасывая ее вверх-вниз по ладони. Этот прохладный тяжелый кружочек в руке почему-то его успокаивал.

Возле двери в самой дальней части коридора висел листок с именем его жены. Он вошел в «Часовню успокоения». Почти всех, кто был в комнате, он знал в лицо: несколько коллег Лоры по работе, кое-кто из друзей.

Его тоже узнали, все до единого – это было видно по выражению лиц. Но – ни улыбки, ни приветствия.

В дальнем конце комнаты был небольшой подиум, на нем кремового цвета гроб с расставленными вокруг цветами: алыми, желтыми, белыми и темно-красными, кровавого пурпурного оттенка. Он сделал шаг вперед. Лорино тело было видно уже отсюда. Ближе подходить ему не хотелось; развернуться и уйти он не решался.

Человек в черном костюме – Тень решил, что это работник похоронного бюро, – сказал:

– Сэр, не желаете ли вы сделать запись в книге соблезнований и воспоминаний? – и указал ему на лежавшую на маленьком пюпитре книгу в кожаном переплете.

Почерк у него был очень хороший. Он вывел «ТЕНЬ» и поставил дату, а потом, очень медленно, приписал рядом «(БОБИК)», откладывая тот момент, когда нужно будет идти в дальний конец комнаты, где люди и кремовый гроб, а в гробу – этот предмет, который никакого отношения к Лоре не имеет.

В дверь вошла маленькая женщина и замешкалась на пороге. Медно-рыжие волосы, очень черное и очень дорогое платье. *Вдовий траур*, подумал Тень: с этой женщиной он был знаком давным-давно. Одри Бертон, жена Робби.

В руках у Одри был букетик фиалок, перехваченный внизу полоской серебряной фольги. Такие букетики в июне собирают дети, подумал Тень. Вот только сейчас для фиалок был не сезон.

Она двинулась через комнату к гробу Лоры. Тень пошел следом.

Лора лежала с закрытыми глазами, сложив на груди руки. На ней был строгий синий костюм – Тень его раньше не видел. Длинные русые волосы убраны со лба. Да, это его Лора, и в то же время не она; потом он понял, что чужой ее делает неподвижная, напряженная поза. Лора даже во сне и нескольких минут не могла полежать тихо.

Одри положила букетик весенних фиалок на грудь Лоры. Потом пожевала губами – и плюнула, с силой, в мертвое лицо.

Плевков попал Лоре на скулу и тут же начал стекать к уху.

Одри уже шла к дверям. Тень догнал ее.

– Одри! – он окликнул ее.

– Тень! Ты что, из тюрьмы сбежал? Или они тебя сами выпустили?

На секунду ему показалось, что она на транквилизаторах. Голос уж больно глухой и ровный.

– Выпустили, вчера. Я свободный человек, – сказал Тень. – А теперь объясни мне, в чем дело?

Она остановилась в сумеречном коридоре.

– Ты насчет фиалок? Это были ее любимые цветы. Мы с ней с детства ходили их собирать.

– Я не про фиалки.

– Ах, так *вот* ты о чем. – Она вытерла с уголка рта невидимую каплю. – Мне кажется, и так все ясно.

– Не ясно, Одри. Мне – не ясно.

– Тебе что, ничего не сказали? – Тон у нее был совершенно ровный, бесстрастный. – Твоя жена умерла с членом моего мужа во рту, Тень.

Он вернулся назад, в часовню. Плевков кто-то успел вытереть.

После обеда – Тень поел в «Бургер Кинге» – были похороны. Кремовый гроб с телом Лоры предали земле на маленьком общем кладбище на краю города: неогороженный холмистый участок, луговая трава и перелески, сплошь усеянные черными гранитными и белыми мраморными надгробиями.

На кладбище он ехал на уэнделловом катафалке, вместе с матерью Лоры. Судя по всему, миссис МакКейб склонна была считать, что в смерти Лоры виноват Тень.

– Если бы ты был здесь, – сказала она ему, – ничего этого бы не случилось. Вообще не понимаю, зачем она вышла за тебя замуж. Я ей говорила. Предупреждала ее, не раз и не два. Но кто теперь слушает, что говорят матери, а, я вас спрашиваю? – Она помолчала, потом пристально взгляделась в его лицо. – Ты что, дрался?

– Да, – ответил он.

– Варвар, – подытожила она, плотно сжала губы, задрала голову, так что все ее многочисленные подбородки заходили ходуном, и принялась глядеть в стену, прямо перед собой.

К немалому удивлению Тени, Одри Бертон тоже пришла на похороны, хотя держалась в тени. Закончилась краткая служба, гроб опустили в холодную землю. Люди начали расходиться.

Тень остался стоять у могилы: засунув руки в карманы, дрожа, глядя в глубокую яму.

Небо у него над головой было серо-стального цвета, безликое и плоское, как зеркало. Время от времени срывался снег, невесомыми блеклыми хлопьями.

Что-то он такое хотел сказать Лоре и готов был ждать до тех пор, пока в голове у него не прояснится, и он не вспомнит, что именно. Мир вокруг начал понемногу терять свет и цвет. Ноги у Тени затекли, лицо и руки горели от холода. Он снова сунул руки в карманы, пытаясь хоть немного согреться, и пальцы сомкнулись на золотой монете.

Он подошел к могиле.

– Это тебе, – сказал он.

На гроб уже бросили несколько лопат земли, но места в могиле было еще предостаточно. Он бросил золотую монету Лоре, а потом набросал сверху немного земли, чтобы уберечь золото от алчности могильщиков. Тень отряхнул землю с рук и сказал:

– Спи спокойно, Лора, – а потом добавил: – Мне очень жаль, что все так вышло.

Потом повернулся к городским огням и пошел обратно в Игл-Пойнт.

До мотеля было мили две, не меньше, но после трех лет в тюрьме сама возможность идти и идти вперед, даже бесконечно долго, была – как подарок. Если идти все время на север, попадешь на Аляску, а там можно свернуть и пойти обратно, на юг, в Мексику, и даже еще того дальше. До самой Патагонии или до Огненной земли.

Рядом остановилась машина. Стекло поползло вниз.

– Подвезти тебя, Тень? – спросила Одри Бертон.

– Не надо, – ответил он. – От тебя мне ничего не надо.

Он продолжил идти в прежнем темпе. Одри ехала рядом, на скорости три мили в час. В лучах фар танцевали снежинки.

– Мне все время казалось, что она моя лучшая подруга, – сказала Одри. – Мы болтали с ней каждый день. Если у нас с Робби случалась драчка, она узнавала об этом самая первая – и мы отправлялись с ней в «Чи-Чи», чтобы поговорить о том, какие мужики свиньи. И все это время она трахалась с ним за моей спиной.

– Прощу тебя, Одри, ехала бы ты отсюда!

– Я просто хочу, чтобы ты понял: для того, что я сделала, у меня были свои причины, причем довольно веские.

Он промолчал.

– Эй! – крикнула она. – Эй, ты! Я с тобой разговариваю!

Тень повернулся.

– Ты что, хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты была права, когда плюнула Лоре в лицо? Или что меня это совсем не задело? Или что после всего, что ты мне рассказала, я ее возненавидел и перестал по ней тосковать? Не бывать этому, Одри!

Еще с минуту она молча ехала рядом. Потом сказала:

– Как оно там, в тюрьме, а, Тень?

– Прекрасно, – ответил он. – Ты бы там себя чувствовала просто как дома.

Она ударила ногой по газам, мотор взревел, и машина умчалась.

Едва фары скрылись из виду, мир погрузился во тьму. Сумерки успели перерасти в ночь. Тень все ждал, когда же, наконец, от ходьбы станет теплее, когда тепло потечет по заледеневшим рукам и ногам. Но ничего подобного с ним не происходило.

Как-то раз, в тюрьме, Космо Дей по прозвищу Ловкий назвал маленькое тюремное кладбище, расположенное позади больницы, костяным садом, и образ этот застрял у Тени в голове. В ту же ночь ему приснился сад, залитый лунным светом, с белыми скелетообразными деревьями, ветви у которых заканчивались скрюченными пальцами, а корни уходили глубоко в могилы. На деревьях в приснившемся ему костяном саду росли плоды, и в этих плодах крылась какая-то опасность, но, проснувшись, он так и не смог вспомнить ни того, что это были за плоды, ни того, почему держаться от них следовало как можно дальше.

Мимо пронеслись машины. Жаль, что тут нет тротуара, подумал Тень, и тут же загнулся обо что-то невидимое в темноте и растянулся во весь рост, одной рукой угодив в придорожную канаву, так что она на несколько дюймов ушла в ледяную грязь. Он поднялся на ноги, вытер руки о штанины, выпрямился, нелепо и неловко, как чучело, и успел только сообразить, что рядом кто-то есть, – словно ко рту и к носу прижали что-то мокрое, и он задохнулся от едкого химического запаха.

На этот раз канава показалась ему уютной и теплой.

* * *

Виски ломило так, будто к черепу их приколотили кровельными гвоздями. Руки были связаны за спиной: судя по ощущениям, чем-то вроде ремня. Он был в машине, на обшитом кожей автомобильном сиденье. Поначалу ему показалось, что у него нелады с пространственным восприятием, но потом он понял, что – нет, другое сиденье действительно отстоит от его собственного именно на *такое* расстояние.

Рядом с ним кто-то сидел, но повернуться и посмотреть, кто именно, он не мог.

Жирный молодой человек на противоположной стороне салона этого невероятного лимузина достал из бара банку диетической колы и с хрустом открыл ее. Длинное черное пальто из какого-то шелковистого материала, на вид – лет двадцать, не больше: на щеках полноценные зрелые угри. Увидев, что Тень пришел в себя, он улыбнулся.

– Привет, Тень, – сказал он. – Мой тебе совет: постарайся не действовать мне на нервы.

– Договорились, – сказал Тень. – Не буду. Если можно, посадите меня у мотеля «Америка», рядом с федеральной.

– Врежь ему, – сказал парнишка человеку, который сидел слева от Тени. Удар пришелся в солнечное сплетение, Тень задохнулся и сложился пополам. Потом выпрямился, как мог медленно.

– Я же сказал, не действуй мне на нервы. А ты действуешь. Постарайся отвечать коротко и в тему, не то я просто порешу тебя на хер, и все. Или, может, даже не убью. А скажу ребятам, чтобы они, блядь, переломали тебе все кости до единой. А их, между прочим, двести шесть штук. Так что постарайся не действовать мне на нервы.

– Понял, – сказал Тень.

Лампочки, вделанные в потолок лимузина, поменяли цвет с фиолетового сперва на синий, потом на зеленый и наконец на желтый.

– Ты работаешь на Среду, – продолжил молодой человек.

– Да, – ответил Тень.

– Какого хера ему здесь нужно? В смысле, что он задумал? У него должен быть какой-то план. Какой у него план?

– Я начал работать на мистера Среду сегодня утром, – сказал Тень. – Я у него вроде как на посылках.

– То есть ты хочешь сказать, что не знаешь?

– Я хочу сказать, что не знаю.

Парень расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана серебряный портсигар. Открыл его и предложил сигарету Тени:

– Куришь?

Тень хотел было попросить, чтобы ему развязали руки, но потом передумал:

– Нет, спасибо.

Судя по всему, в портсигаре были не сигареты, а самокрутки, и когда паренек закурил, щелкнув матовой черной «Зиппо», запах у дыма был – как от горелой проводки.

Парнишка глубоко затянулся и задержал дыхание. Потом выпустил немного дыма изо рта и снова втянул его носом. Такое впечатление, что он репетировал этот номер перед зеркалом прежде чем предьявить его публике, подумал Тень.

– Если ты мне соврал, – сказал парнишка, и голос его прозвучал как будто из другой комнаты, – я тебя, блядь, грохну. Ты меня понял?

– Да, вы уже говорили об этом.

Парнишка затянулся еще раз.

– Значит, говоришь, остановились в мотеле «Америка»? – Он постучал по водительскому стеклу. Окошко открылось. – Эй, там. Мотель «Америка», возле федеральной. Надо высадить там нашего гостя.

Водитель кивнул, стекло вновь поднялось.

Мерцающие оптоволоконные огоньки в салоне лимузина время от времени меняли цвет, пробегая по одной и той же не слишком яркой гамме. Тени показалось, что вместе с ними мерцают и глаза жирного молодого человека, и цвет напоминает зеленоватое свечение допотопного компьютерного монитора.

– А скажи-ка ты Среде вот что, приятель. Скажи ему, что его дело прошлое. И его давно списали в утиль. Он старый. Скажи ему, что будущее за нами, и нам насрать на него и ему подобных. Его место в мусорном баке древней истории, а такие люди, как я, поедут в будущее на лимузинах, по суперскоростному шоссе.

– Я передам, – сказал Тень.

У него начала кружиться голова. Будем надеяться, что не стошнит, подумал он.

– Передай ему, что мы, блядь, перепрограммировали реальность. Передай, что язык – это вирус, вера – операционная система, а молитвы – ебанный спам. Передай ему все это слово в слово, а не то я замочу тебя на хер, – мягко, сквозь дым, сказал парнишка.

– Я понял, – ответил Тень. – Можете высадить меня прямо здесь. Остаток пути пройду пешком.

Молодой человек кивнул.

– Приятно с тобой говорить, – сказал он. Дым явно действовал на него умиротворяюще. – И запомни: если мы тебя, блядь, не уебашим, то просто потрем, и все дела. Ты понял? Один клик, и ты переписан единичками и ноликами, в случайном порядке. И операция «восстановить» не предусмотрена. – Он постучал по водительскому окошку. – Он выходит прямо здесь, – потом повернулся к Тени и ткнул пальцем в свою самокрутку. – Синтетическая жабья кожа, – сказал он. – Вот, научился народ синтезировать буфотенин¹⁰, слыхал об этом?

Лимузин остановился, дверь открылась. Тень кое-как выбрался наружу. Путы у него на руках перерезали. Тень обернулся. Салон превратился в единое клубящееся облако дыма, сквозь которое мерцали два огонька, и цвет у них теперь был медно-красный, красивый такой цвет, как глаза у жабы.

– Речь у нас идет о доминирующей, на хрен, парадигме, Тень. Остальное неважно. Да, кстати, прими соболезнования, насчет твоей старушки.

Дверца захлопнулась, и лимузин тихо тронулся с места. Тень стоял ярдах в двухстах от мотеля. Он двинулся по направлению к гостинице, вдыхая холодный воздух, мимо красных, желтых и голубых огней, рекламирующих все мыслимые и немыслимые разновидности фаст-фуда, которые только может представить себе человек, если, конечно, он задался целью представить себе гамбургер; и до мотеля «Америка» Тень добрался без приключений.

¹⁰ *Буфотенин* – наркотическое галлюциногенное вещество, по действию на человеческую психику сходное с ЛСД. Добывается из кожной слизи жабы буфо-буфо.

Глава третья

*Каждый час ранит. Последний – насмерть.
Старая поговорка*

За стойкой в мотеле «Америка» сидела худая барышня. Она сказала Тени, что друг его уже зарегистрировал, и протянула ему прямоугольный пластиковый ключ от номера. Блеклая блондинка, чем-то неуловимо похожая на грызуна. Сходство это делалось особенно наглядным, когда барышне что-то не нравилось: улыбка же явно шла ее внешности на пользу. Она отказалась называть Тени номер комнаты, в которой поселился Среда, и настояла на том, что сама позвонит постояльцу и скажет, что его гость уже прибыл.

Среда вышел из двери в дальнем конце холла и кивнул Тени.

– Как прошли похороны?

– Прошли, – ответил Тень.

– Не хочешь говорить об этом?

– Не хочу, – подтвердил Тень.

– Ну и ладно, – осклабился Среда. – И без того в последнее время болтовни вокруг стало слишком много. Слова, слова, слова. Этой стране явно пошло бы на пользу, если бы люди научились страдать молча.

Среда отвел его в свой номер, который оказался напротив комнаты Тени. Номер был сплошь завален картами: карты разложены на кровати, карты пришпилены к стенам. На всех Среда уже успел что-то начертить яркими фломастерами: флуоресцирующий зеленый, режущий глаз розовый, веселенький оранжевый.

– Меня только что взял в заложники какой-то жирный парень, – сказал Тень. – Он велел тебе передать, что твое место на свалке истории, тогда как сам он и ему подобные будут ездить на лимузинах по суперскоростным автострадам бытия. Что-то вроде этого.

– Вот сопля зеленая, – отреагировал Среда.

– Ты его знаешь?

Среда пожал плечами.

– Знаю, кто он такой и откуда взялся. – Он тяжело опустил на единственный в комнате стул. – А вот ключа у них нет, – продолжил Среда. – Гребаный ключ им в руки не дается. Сколько времени тебе еще придется оставаться в этом городе?

– Не знаю. Может, с неделю. Надо будет, наверное, уладить Лорины дела. Решить, что делать с квартирой, избавиться от ее одежды и так далее. Мамаша ее, конечно, будет кипятком ссать, но так ей и надо.

Среда кивнул тяжелой косматой башкой.

– В общем, чем быстрее ты со всем этим разберешься, тем быстрее нас не будет в Игл-Пойнте. Спокойной ночи.

Тень пересек холл. Его комната была точной копией комнаты Среды, вплоть до идиотской картинки с закатом, пришпиленной над кроватью. Он заказал себе пиццу с сыром и мясным фаршем, потом набрал ванну, вылив в воду все гостиничные пузырьки с шампунем, чтобы вода вспенилась.

Он был слишком большой и не мог лечь в гостиничной ванне в полный рост, так что он в нее сел и постарался получить максимум удовольствия. Тень пообещал себе ванну, как только выйдет из тюрьмы, Тень свое слово держит.

Пиццу принесли вскоре после того, как он вышел из ванной, и Тень ее съел, запив банкой рутбира¹¹.

Тень лежал в постели и думал: *В первый раз сплю в постели, как свободный человек*, но мысль эта радовала его куда меньше, чем ожидалось. Он не стал задерживать занавески, смотрел через окно на огоньки проезжающих машин, витрины фастфудов напротив, и его грела мысль о том, что там расположен совсем другой мир, и что человек по имени Тень свободен идти в этом мире, куда ему заблагорассудится.

Человек по имени Тень мог бы, конечно, лежать сейчас и в собственной постели, подумал он, в квартире, где он жил вместе с Лорой, – в постели, в которой он спал вместе с Лорой. Но от одной только мысли о том, что лежать там пришлось бы в одиночку, в окружении ее вещей, ее запахов, ее жизни, ему делалось больно...

Не ходи туда, сказал себе Тень. И решил думать о чем-нибудь другом. Например, о фокусах с монетами. Тень отдавал себе отчет в том, что хорошим фокусником ему никогда не стать: не такой он человек. Он не сможет заговаривать публике зубы, чтобы она между делом заглядывала наживку, карточные фокусы он тоже не любил, как не любил доставать бог весть откуда бумажные цветы. Ему просто нравилась ловкость рук, особенно когда в этих руках были монеты. Он начал вспоминать все те способы, которыми мог заставить монету исчезнуть, и это напомнило ему о той монете, которую он бросил в могилу Лоры, а потом откуда-то из глубины возник голос Одри и принялся рассказывать о том, что Лора умерла с членом Робби во рту, и в сердце у Тени снова свила себе гнездышко маленькая пакостная боль.

Каждый час ранит. Последний – насмерть. От кого он это слышал?

Он вспомнил, что сказал на сей счет Среда, и улыбнулся, против собственной воли: Тень сто раз слышал, как люди советуют друг другу не сдерживать обуревающие их чувства, выплеснуть эмоции, дать боли уйти. Тень подумал, что и в пользу противоположной тактики наверняка можно сказать много дельного. Если достаточно долго и достаточно глубоко держать свои чувства под спудом, очевидно, рано или поздно вообще перестанешь чувствовать что бы то ни было.

Сон пришел сам, так что Тень даже не заметил.

Он шел...

Он шел по комнате, которая была больше, чем целый город, и куда ни бросишь взгляд, везде были статуи, резные скульптуры и грубо вылепленные идолы. Он остановился возле женской фигуры: голые висячие груди плоско лежат на животе, вокруг пояса – плетенка из отрубленных человеческих рук, сама она держит в обеих руках по острому ножу, а вместо головы у нее поднимаются из шеи две переплетшиеся змеи, выгнувшиеся, готовые впитаться друг другу в глотку. Было в этой статуе что-то жутко отталкивающее, какая-то глубокая, отчаянная противостоительность. Тень попятился.

Он пошел дальше. Каменные глаза тех статуй, у которых были глаза, казалось, следили за каждым его шагом.

Потом, во сне, до него дошло, что у каждой статуи есть имя, и что оно горит на полу, у ее подножия. Седой мужчина с ожерельем из зубов на шее и барабаном в руках, звался *Левкоттиос*¹²; женщина с широкими бедрами, у которой из зияющей промежности сыпались чудовищного вида существа, была *Хубур*¹³; человек с бараньей головой и золотым шаром в руках был *Хершеф*¹⁴.

¹¹ *Root beer* – газированный напиток из корнеплодов с экстрактом американского лавра, анисом, мускатным маслом и другими ингредиентами. В продаже с конца XIX века.

¹² *Левкеттиос* (*Левцетиос*, *Луцетиос*) – галльское божество (большая часть посвячительных надписей обнаружена в восточных галльских областях, в особенности в местностях, которые населяло племя вангионов), которое и римлянами, и самими галлами ассоциировалось с Марсом. Имя можно приблизительно перевести как «Светлый», «Белый», «Белобог».

¹³ *Умму-Хубур* – видимо, одно из культовых имен вавилонской богини Тиамат, связанной с водами (преимущественно,

К нему, во сне, обращался голос, взвинченно-вычурный, отчетливо и внятно произносивший каждый звук, – но видеть он никого не видел.

– Все это боги, давно забытые людьми, боги, которые, вероятнее всего, уже умерли. Только сухая ткань мифов сохранила их. Они ушли, ушли совсем, и только их образы и имена до сих пор остаются с нами.

Тень свернул за угол и оказался в другой комнате, еще большей, чем первая. Прямо перед ним были отполированный до блеска коричневый череп мамонта и маленькая женщина с изуродованной левой рукой, одетая в крашенную охрой меховую накидку. Далее шли три женщины, вырезанные из единой гранитной глыбы и сросшиеся у пояса: лица у них были не проработаны, словно резали их наспех и кое-как, зато груди и гениталии мастер выполнил с любовью и знанием дела; еще там была бескрылая птица неизвестной породы, в два раза выше Тени, с клювом, как у стервятника, и человеческими руками; и так далее, и тому подобное.

Голос прорезался снова, с навязчивой интонацией классного наставника:

– А это боги, о которых теперь вообще никто не помнит. Даже их имена стерлись из памяти. Народы, которые им молились, забыты точно так же, как их боги. Изваяния низвержены давным-давно и разбиты. Последние жрецы умерли, никому не передав своих тайн... Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но в конечном счете можно убить и ее.

Откуда-то из глубины залы накатил слитный шум, то ли шепот, то ли шорох, который начал отдаваться в разных частях пространства, и от которого Тень охватило чувство необъяснимого и невыразимого ужаса. Его обуяла паника, он заметался по зале, в которой жили боги, самый факт существования которых был забыт, – боги с лицами осьминогов, боги в виде мумифицированных рук, падающих скал, лесных пожаров...

Он пришел в себя: сердце колотилось как бешеное, лоб в испарине, сна ни в одном глазу. Красные цифры на электронном будильнике показывали три минуты второго. В окно попадал свет от неоновой вывески мотеля, которая оказалась прямо над его комнатой. Тень встал и, пошатываясь, пошел в крохотную гостиничную ванную. Помочился, не включая света, и вернулся в спальню. Только что приснившийся сон все еще стоял перед глазами, но было непонятно, чего он так испугался и по какой причине.

Свет, что лился в комнату через окно, был довольно тусклым, но глаза Тени успели привыкнуть к темноте. На краешке его кровати сидела женщина.

Он узнал ее. Он узнал бы ее даже в толпе из тысячи, сотни тысяч других женщин. На ней по-прежнему был темно-синий костюм, в котором ее похоронили.

Говорила она шепотом, но шепот был ему знаком.

– Ты, наверное, хочешь спросить, – начала Лора, – что я здесь делаю?

Тень не ответил.

Он сел на единственный в комнате стул, помолчал, а потом спросил наконец:

– Это ты?

– Да, – ответила она. – Мне холодно, бобик.

– Ты умерла, девочка моя.

– Да, – сказала она. – Да. Я знаю. – Она положила ладонь на кровать, рядом с собой. –

Иди сюда, посиди со мной, – попросила она.

– Нет, – сказал Тень. – Я уж лучше здесь как-нибудь. Нам с тобой надо кое-что выяснить.

– Это насчет того, что я мертвая?

морскими или смешанными, пресно-солеными) и первородным хаосом.

¹⁴ *Хершеф (Харшаф)* – локальное египетское водное божество с головой барана, ассоциируется чаще всего с Гором или Амоном.

– Можно и так сказать. Но меня скорее беспокоит то, как именно ты умерла. Вы умерли – ты и Робби.

– А, – сказала она, – ты об этом.

Тень почувствовал – или это ему только показалось? – запах тлена, цветов и формальдегида. Его жена – его бывшая жена... нет, поправил он сам себя, его *покойная* жена – сидела на кровати и не моргая смотрела на него.

– Бобик, – сказала она, – не мог бы ты – в общем, если тебе не сложно, не мог бы ты найти мне сигарету?

– Мне казалось, ты бросила курить.

– Бросила, – согласилась она. – Но я теперь уже не очень-то переживаю насчет здорового образа жизни. Глядишь, успокоюсь немного. Там, в холле, стоял автомат.

Тень натянул джинсы и майку и вышел, босой, в холл. Ночной портье, средних лет мужчина, сидел за стойкой и читал роман Джона Гришема. Тень купил в автомате пачку «Вирджинии слимз». И попросил у портье коробку спичек.

– Вы в номере для некурящих, – сказал портье. – Так что будьте добры, открывайте окно, когда курите. – Он протянул Тени спичечный коробок и пластмассовую пепельницу с логотипом мотеля «Америка».

– Будет сделано, – кивнул Тень.

Он вернулся в комнату. Лора успела лечь на спину, прямо поверх скомканного покрывала. Тень открыл окно и отдал ей сигареты и спички. Пальцы у нее были холодные. Она чиркнула спичкой, и он увидел, что ногти, которые обычно были у нее в безукоризненном состоянии, облуплены и обломаны, и под ними – грязь.

Лора прикурила, затянулась и задула спичку. Потом затянулась еще раз.

– Ничего не чувствую, – сказала она. – Наверное, зря я это.

– Мне очень жаль, – сказал Тень.

– Мне тоже, – ответила Лора.

Когда она затягивалась, огонек разгорался, и он видел ее лицо.

– Значит, – сказала она, – тебя все-таки выпустили.

– Да.

Огонек из темно-красного стал оранжевым.

– Спасибо тебе еще раз. Не стоило тебя во все это впутывать.

– Брось ты, – сказал он. – Это был мой выбор. Вполне мог отказаться.

Интересно, подумал он, а почему ты ее совсем не боишься? Только что сон про музей напугал тебя до смерти, а вот ходячий труп – ничуть не беспокоит.

– Ага, – подхватила она. – Мог, конечно. Дубина ты моя стоеросовая.

Дым вился у ее лица. В тусклом свете сигареты она казалась ему очень красивой.

– Хочешь узнать, что было у нас с Робби?

– В общем, да.

Она затушила сигарету в пепельнице.

– Ты был в тюрьме, – начала она. – А мне нужно было хоть с кем-то поговорить. Нужна была жилетка, в которую я могла выплакаться. Тебя же не было. А мне было плохо.

– Извини. – Тень обратил внимание, что с голосом у нее что-то не так, вот только неясно, что именно.

– Да ладно. Ну, началось все с малого – кофе вместе попить. Поговорить о том, что мы устроим, когда ты выйдешь. Как будет здорово, когда ты вернешься. Ты же знаешь, ты ему нравился, по-настоящему. Ему хотелось, чтобы ты снова устроился к нему на работу.

– Я знаю.

– А потом Одри уехала на неделю в гости к сестре. Было это через год, нет, через тринадцать месяцев после того, как тебя посадили. – Голос у нее был абсолютно ровным, лишенным

всякого выражения; каждое слово – глухое и плоское, будто камушки падают в глубокий колодец, один за другим. – Робби зашел в гости. И мы напились. И трахнулись на полу в спальне. Классно было. Просто здорово.

– Вот об этом ты мне лучше не рассказывай.

– Правда? Ну, извини. Когда умираешь, все становится без разницы. Ну, понимаешь, вроде как фотографии смотришь. И, в общем, как-то все равно.

– Мне не все равно.

Лора прикурила еще одну сигарету. Движения у нее были быстрые и отточенные, никакой скованности. Тень даже на мгновение засомневался – а мертвая ли она на самом деле. Вдруг это какой-то сложносочиненный фокус.

– Ну да, – продолжила она. – Понятно. В общем, начался у нас с ним роман – хотя мы его так и не называли, мы вообще это никак не называли – и длился он почти два года.

– Ты собиралась от меня уйти? К нему?

– Это еще зачем? Ты – мишка мой здоровенный. Ты – мой бобик. Ты меня так выручил. Я все три года тебя ждала. Я тебя люблю.

Фраза *Я тоже тебя люблю* едва не вырвалась у него наружу, но он вовремя остановился. Никогда я больше этого тебе не скажу. Никогда.

– А что произошло той ночью?

– Это когда я погибла?

– Да.

– Ну, мы с Робби собирались обсудить вечеринку, которую устроим по случаю твоего возвращения. Такая классная была задумка. И я ему сказала: все, хватит. Совсем хватит. Ты вернешься, и по-другому быть никак не может.

– М-да. И на том спасибо.

– Не за что, милый, – по лицу у нее пробежала тень улыбки. – В общем, мы опять выпили, расчувствовались. Так здорово было. Такая дурка на нас напала. Я была пьяная в дребадан. А он нет, не очень. Ему еще машину надо было вести. Мы ехали домой, и тут я заявила, что на прощанье сделаю ему минет, с большим и светлым чувством, а потом расстегнула ему брюки и сделала минет.

– Зря ты это.

– И не говори. Нечаянно плечом переключила передачу на нейтралку, он попытался меня оттолкнуть, включить передачу и выжать сцепление, но машину уже повело, и тут раздался сильный хруст, и я помню, что мир вокруг начал кружиться и вертеться, и я подумала: сейчас я умру. И – полное спокойствие. Это я точно помню. Вообще никакого страха. А после я уже ничего не помню.

Потянуло чем-то вроде паленой пластмассы. Да это же фильтр у нее горит, понял Тень. Лора, судя по всему, ничего не замечала.

– А здесь ты что делаешь, Лора?

– А что, жена не имеет права зайти проведать мужа?

– Ты умерла. Сегодня днем я был у тебя на похоронах.

– Ага. – Она кивнула и уставилась перед собой в пустоту. Тень встал, подошел к ней, вынул у нее из пальцев крохотный окурочек и выбросил его в окно.

– И что?

Она попыталась встретиться с ним взглядом.

– Не то чтобы я много нового узнала по сравнению с тем, что знала, пока была живая. А большую часть из того, что узнала, словами не выскажешь.

– Когда человек умирает, он, как правило, остается лежать в могиле, – сказал Тень.

– Правда? Ты действительно так считаешь, бобик? Я раньше тоже так думала. А теперь уже не слишком в этом уверена. Хотя... – она выбралась из постели и подошла к окну. Ее

лицо при свете неоновой вывески было таким же красивым, как раньше. Лицо женщины, ради которой он отправился в тюрьму.

Сердце у него болело так, словно кто-то стиснул его в кулаке и давит, давит...

– Лора...

Она даже не посмотрела на него.

– Ты впутался в очень скверную историю, Тень. И влипнешь ты по самое нехочу, если хоть кто-нибудь не возьмется за тобой присматривать. Я буду за тобой присматривать, Тень. И – спасибо тебе за подарок.

– Какой подарок?

Она потянулась к карману блузки и вынула золотую монету, ту самую, которую он сегодня днем бросил ей в могилу. На монету налипла земля.

– Наверное, лучше подвесить ее на цепочку. Очень мило с твоей стороны.

– Всегда пожалуйста.

И тут она повернулась и посмотрела ему прямо в лицо – глазами, которые, казалось, одновременно видели его насквозь и вообще ничего не видели.

– Мне кажется, в нашей с тобой истории есть целый ряд тем, которые нам следует непременно обсудить.

– Девочка моя, – сказал он ей. – Ты же мертвая.

– Ну да, с этим, конечно, не поспоришь, – она помолчала. – Ладно. Мне пора. Будет лучше, если я уйду сейчас.

Легко и естественно она повернулась, положила Тени руки на плечи и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его на прощанье, точно так же, как всегда его целовала, когда они расставались.

Он неловко нагнулся, чтобы чмокнуть ее в щеку, но она быстро повернула голову и прижалась губами к его губам. От нее едва уловимо пахло формалином.

Язык Лоры скользнул Тени в рот. Он был сухой и холодный, от него пахло сигаретным дымом и желчью. Если до этой секунды у Тени были сомнения насчет того, что его жена мертва, теперь от них не осталось и следа.

Он отодвинулся.

– Я люблю тебя, – сказала она, все так же просто. – Я не дам тебя в обиду. – Она двинулась к двери. Во рту у него остался странный привкус. – Тебе надо немного поспать, бобик, – сказала она. – И постарайся не впутываться лишний раз в неприятности.

Она отворила дверь в холл. Лампы дневного света безжалостно констатировали: Лора была – мертвец мертвецом. Хотя, с другой стороны, кто в их свете выглядит иначе?

– Мог бы попросить меня остаться, – сказала она каменно-холодным голосом.

– Это вряд ли, – ответил Тень.

– Еще попросишь, милый, – сказала она. – Прежде чем все это кончится. Ты меня об этом еще попросишь. – Она повернулась и пошла по коридору прочь.

Тень выглянул из дверного проема и посмотрел ей вслед. Ночной портье, который читал роман Джона Гришма, едва поднял голову, когда она проходила мимо него. На туфли у нее налип толстый слой кладбищенской глины. А потом она исчезла.

Тень выдохнул, очень медленно. Сердце, сбиваясь с ритма, отчаянно колотилось у него в груди. Он пересек холл и постучался к Среде – и в тот же самый момент его охватило пренебрежительное чувство, словно по коже полоснули черные крылья, словно огромная черная ворона пролетела сквозь него, потом через холл – и вылетела наружу.

Среда открыл дверь – совершенно голый, если не считать обернутого вокруг пояса белого гостиничного полотенца.

– Какого лешего тебе надо? – спросил он.

– Хотел кое о чем рассказать, – сказал Тень. – Может, конечно, мне это приснилось, – но только не приснилось мне это: может, я надыхался дымом от синтетической жабьей кожи, что курил тот жирный парень, или, может, у меня поехала крыша...

– Ладно, ладно. Валяй, что там у тебя, – сказал Среда. – Видишь ли, я тут, типа, несколько занят.

Тень заглянул в комнату. На кровати кто-то лежал и смотрел на него. Простыня натянута до самых плеч, чтобы прикрыть маленькие грудки. Блеклая блондинка, остренькая, как у крыски, мордашка. Тень понизил голос.

– Я только что видел свою жену, – сказал он. – Там, в номере.

– В смысле, призрак? Ты видел призрак?

– Нет. Не призрак. Она была настоящая. И – это была она. Мертвая, конечно, но никакое это было не привидение. Я до нее дотрагивался. Она меня поцеловала.

– Понятно, – Среда повернулся к лежавшей у него в постели женщине. – Я сейчас вернусь, дорогая.

Они пошли в номер к Тени. Среда включил свет. Покосился на сигаретный окурок в пепельнице. Почесал грудь. Соски у него были темные – соски старика, – а волосы на груди совершенно седые. На одном боку – белый шрам. Он понюхал воздух и передернул плечами.

– Ну ладно, – сказал он. – Значит, тебе явилась мертвая жена. Напугался?

– Есть немного.

– Тоже понятно. У меня от мертвецов всегда мороз по коже. И что дальше?

– Я готов уехать из Игл-Пойнта. С квартирой и прочим пускай разбирается Лорина мамаша. Она все равно меня терпеть не может. Так что едем, как только скажешь.

Среда ухмыльнулся.

– Славные новости, сынок. Утром и тронемся. А теперь тебе надо немного поспать. Если боишься, что сразу не заснешь, – у меня в номере есть немного виски. Будешь?

– Да нет. Обойдусь.

– Тогда не беспокой меня больше. Ночь у меня впереди долгая и многотрудная.

– Доброй ночи, – сказал Тень.

– Именно что доброй, – кивнул Среда и притворил за собой дверь.

Тень сел на койку. В воздухе по-прежнему пахло табачным дымом и формальдегидом. Досадно, что он даже и погоревать по Лоре, как подобает, не в состоянии: теперь, когда она исчезла, он понял, что и впрямь испугался ее, и что оплакивать умершего куда лучше, чем встречаться с ним по ночам. Да и потосковать по ней – самое бы время. Он выключил свет, вытянулся на кровати и стал думать о Лоре, какой она была до того, как он угодил в тюрьму. О времени сразу после свадьбы, о том, какие они тогда были молодые и глупые, как они были счастливы и как не могли друг от друга оторваться.

Тень не плакал столько лет, что ему уже давно стало казаться: он забыл, как это делается. Он не плакал даже когда умерла мать.

И вот теперь зашелся короткими, болезненными спазмами, и впервые со времен далекого-далекого детства он плакал, пока не заснул.

Прибытие в Америку

813 год н. э.

Они шли по зеленому морю по звездам и линии берега, а если от берега оставалось одно воспоминание, а ночное небо застили тучи и сгущалась тьма, их вела вера, они молились Отцу Всех, чтобы он позволил им снова увидеть землю.

Дорога на этот раз не легла им скатертью, пальцы, оцепенев, превратились в крючья, а в костях поселилась дрожь, которую невозможно было выжечь оттуда даже вином. По утрам они просыпались с бородами, покрытыми инеем, и до той поры, покуда солнце их не отогревало, выглядели стариками, поседевшими прежде времени.

К тому времени, как они добрались до зеленой земли на западе, зубы уже начали шататься, а глаза глубоко запали в глазницы. И тогда люди сказали: «Мы далеко-далеко от домов и очагов наших, от морей, знакомых нам, и земель, которые любим. Здесь, на краю света, наши боги забудут о нас».

Их вождь забрался на вершину высокого утеса и стал насмехаться над тем, как мало в них веры: «Отец Всех сотворил этот мир, – прокричал он. – Он вылепил его своими руками из раздробленных костей и мяса Имира, деда своего. Мозг Имира он забросил на небо, и стали облака, а соленая кровь его стала морем, по которому мы сюда плыли. И если он создал весь мир, неужто вы не поняли, что и эту землю тоже создал он? И если мы умрем здесь как мужчины, неужто не допустит он нас в залу свою?»

И тогда они обрадовались и стали смеяться. А потом дружно взялись за работу и возвели из расщепленных древесных стволов большой дом, и окружили его частоколом из заостренных бревен, хотя, насколько им было известно, кроме них других людей вокруг не было.

В день, когда постройка была закончена, случилась буря: в полдень небо сделалось черным, как ночью, от горизонта до горизонта заплясали белые росчерки пламени, удары грома были настолько сильными, что люди едва не оглохли, а корабельный кот, которого возили с собой на удачу, забился под выгашенную на берег ладью. Буря удалась на славу – мощи и злости в ней хватило бы на несколько бурь – и люди смеялись, хлопали друг друга по спине и говорили: «Громовик тоже с нами в этой чужой земле», – и они возблагодарили бога, и возрадовались, и пили, пока у них не закружилось в головах.

А ночью, в дымной полумгле большой залы, сказитель пел им старые песни. Он пел об Одице Отце Всех, который самого себя принес самому же себе в жертву – с той доблестью и отвагой, с какой потом встречали смерть другие его жертвы. Девять дней Отец Всех провисел на мировом древе, истекая кровью от нанесенной копьем раны в боку. И спел он им обо всех тех вещах, которые Отец Всех постиг в муках своих: девять имен, девять рун и дважды девять заклятий. Когда речь дошла до копья, пронзившего тело Одина, сказитель закричал от боли, точно так же, как и сам Отец Всех возопил в муках своих, и все они содрогнулись, представив себе эту боль.

На следующий день, который как раз пришелся на день Отца Всех, они обнаружили скрэлинга, маленького человека с длинными волосами, черными как вороново крыло, и с кожей, как жирная красная глина. Он говорил слова, которых ни один из них не в состоянии был понять – даже сказитель, а тот когда-то плывал на корабле, что прошел чрез Геркулесовы столпы, и потому знал купеческое наречие, внятное всем людям, живущим в Средиземноморье. Чужак был одет в меха и перья, а в волосы его были вплетены маленькие кости.

Они привели его в свой большой дом и дали ему поесть жареного мяса, и дали крепкого питья для утоления жажды. Они покатывались со смеху, когда ноги у чужака начали заплетаться, а сам он начал петь песни, и голова его качалась и падала на грудь, и все это с полрога меда. Они дали ему выпить еще, и вскоре он уже лежал под столом, закрывши рукой голову.

И тогда они подняли его на руки – по человеку на каждое плечо, по человеку на ногу, – и четверо мужчин превратили его в коня об осьми ногах, и подняли его на плечи, и понесли во главе процессии к высокому ясеню, что стоял на холме, над бухтой, а потом они захлестнули ему шею веревкой и повесили сушиться на ветру, принесли его в жертву Отцу Всех, повелителю виселиц. Тело скрэлинга закачалось на ветру, лицо почернело, язык вывалился, глаза вылезли из орбит, пенис напрягся так, что на него можно было бы повесить кожаный шлем, а люди веселились и кричали, и гордились тем, что от них отправилась на небеса такая славная дань.

А когда на следующий день два огромных ворона прилетели к трупам скрэлинга, опустились каждый на свое плечо, и стали клевать ему глаза и щеки, люди поняли, что Отец Всех принял их жертву.

Зима была долгой, и людей мучил голод, но их согревала мысль о том, что весной они отправят корабль обратно в северные земли, и корабль привезет сюда поселенцев – и женщин. Когда стало совсем холодно и дни сделались короче, несколько человек отправились на поиски деревни скрэлингов, в надежде отыскать еду – и женщин. Не нашли они ровным счетом ничего, кроме старых костровищ и проплешин от маленьких стойбищ.

Как-то раз, в самой середине зимы, когда солнце висело на небе далекое и холодное, как потускневшая серебряная монетка, они заметили поутру, что останки скрэлинга исчезли с ясеня. А после полудня пошел снег, огромными, неспешно падающими хлопьями.

Люди из северных земель затворили ворота своей маленькой крепости и укрылись за деревянной стеной.

Военный отряд скрэлингов напал на них в ту же ночь: пять сотен против трех десятков. Они перебрались через стену, и за следующие семь дней убили тридцать человек тридцатью разными способами. И мореходы исчезли – исчезли из истории, исчезли из памяти своего собственного народа.

Стену скрэлинги снесли, дом сожгли. Ладью, перевернутую кверху килем и стоявшую на галечнике подальше от воды, они сожгли тоже, в надежде, что у бледнолицых чужаков был всего один такой корабль, и вот он сгорел, и больше ни один норманн никогда не высадится на их берег.

А было это за сто с лишним лет до того, как Лейф Счастливый, сын Эрика Рыжего, заново открыл эти земли и назвал их Винландом. Когда он прибыл, его боги уже ждали его на берегу: Тюр, однорукый, седой Один, бог виселиц, и Тор, громовик.

Они были на берегу.

Они ждали.

Глава четвертая

*Пусть освещают мне в окно
Ночные поезда,
Волшебные и добрые
Ночные поезда.*

«Ночные поезда», народная песня

Тень и Среда позавтракали в «Деревенской кухне», через дорогу от мотеля. На дворе было восемь часов утра, и мир был туманен и сыр.

– Ты по-прежнему готов уехать из Игл-Пойнта? – спросил Среда. – Если да, то сперва мне нужно сделать пару звонков. Сегодня пятница. Пятница – день бездельный. Женский день. А завтра суббота. Пора за работу.

– Я готов, – ответил Тень. – Ничто меня здесь не держит.

Среда навалил себе в тарелку целую гору мясной нарезки. Тень ограничился парой ломтиков дыни, рогаликом и сливочным сыром. Расположились они в отдельной кабинке.

– Так ты говоришь, ночью тебе приснился странный сон, – сказал Среда.

– Н-да, – согласился Тень, – действительно странный.

Утром, когда он вышел из номера, грязные следы Лоры, ведущие от его номера через холл ко входной двери, были отчетливо видны на полу.

– Да, кстати, – вскинулся Среда, – а откуда вообще такое имя: Тень?

Тень пожал плечами:

– Такое вот имя.

За окном подернутый дымкой мир превратился в карандашный эскиз с дюжиной оттенков серого и разбросанными кое-где расплывчатыми пятнами электрического красного и чистого белого цвета.

– А как ты потерял глаз?

Среда заправил в рот с полдюжины ломтей бекона, прожевал и тыльной стороной руки вытер с губ жир.

– Да не терял я его, – ответил он. – Я точно знаю, где он и что с ним.

– Ладно, что делаем дальше?

Вид у Среды сделался задумчивый. Он съел еще несколько ярко-розовых ломтиков ветчины, вынул из бороды кусочек мяса и бросил его обратно в тарелку.

– А делаем мы вот что. Завтра вечером у нас встреча с несколькими именитыми персонами – каждой в своей области. Ты, кстати, особо перед ними не тушуйся. Встреча назначена в одном из самых значимых мест во всей стране. Потом выпьем с ними и угостим их ужином. Я тут затеваю одно предприятие, и мне нужна их поддержка.

– А где находится это самое значимое место во всей стране?

– Увидишь, мальчик мой. Одно из самых значимых. Единого мнения на сей счет не существует. Своих коллег я об этой встрече уже известил. По дороге заскочим в Чикаго, надо подзапастись деньжатами. Нам предстоят серьезные представительские расходы, на которые моей нынешней наличности явно не хватит. Потом двинем в Мэдисон, – Среда расплатился за завтрак и они направились через дорогу, к стоянке у мотеля. Среда перебрал Тени ключи от машины.

Тень вырулил на трассу и выжал газ.

– Будешь по нему скучать? – спросил Среда. Он рылся в папке, битком набитой картами.

– По городу? Нет. Я ведь и не жил здесь никогда по-настоящему. В детстве вообще никогда подолгу не задерживался на одном месте, а когда приехал сюда, мне было уже за двадцать. Это Лорин город, не мой.

– Будем надеяться, что здесь она и останется, – сказал Среда.

– Это был сон, – сказал Тень. – Мы же договорились.

– Ну и правильно, – поддакнул Среда. – Здравый подход. Ты хоть трахнул ее, ночью-то? Тень задержал дыхание. Потом выдохнул и сказал:

– Не твое собачье дело. Нет, не трахнул.

– А хотелось?

Тень на это вообще ничего не ответил. Он ехал на север, по направлению к Чикаго. Среда усмехнулся и занялся своими картами: он то разворачивал их, то свертывал снова, время от времени большой серебряной шариковой ручкой делая пометки в желтом линованном блокноте.

Наконец занятие это ему надоело. Он отложил ручку, бросил папку с картами на заднее сиденье.

– Что приятно в тех штатах, куда мы направляемся, – сказал Среда, – ну, там, в Миннесоте, Висконсине и все такое, так это женщины. Самый тот тип, который мне нравился в молодые годы. Кожа белая, глаза голубые, волосы такие светлые, что почти совсем белые, винного цвета губы и округлые полные груди, с прожилками, как в добром сыре.

– В молодые годы, и только-то? – отозвался Тень. – А мне показалось, нынче ночью ты тоже времени зря не терял.

– Так точно, – Среда улыбнулся. – Хочешь узнать, в чем секрет моего успеха?

– Деньги платишь?

– Фу, пошлость какая! Нет, все дело в личном обаянии. Простом и неотразимом.

– Ну, обаяние дело нехитрое. Оно либо есть, либо нет, чужого, как говорится, не займешь.

– Ну, как раз чарам-то можно и выучиться, – заметил Среда.

Тень настроил радио на ретро-волну и стал слушать песни, которые были в ходу еще до того, как он появился на свет. Боб Дилан пел о том, что скоро будет ливень, и Тень подумал: интересно, этот ливень уже прошел или только еще собирается. Дорога впереди была пуста, и кристаллы льда сверкали в лучах утреннего солнца, как бриллианты.

Чикаго подкрадывался незаметно, как головная боль. Сперва они ехали по сельской местности, потом понемногу маленькие придорожные городки переросли в неряшливые приземистые пригороды, а те как-то сами собой превратились вдруг в огромный город.

Они остановились у крепко сбитого многоквартирного дома, выкрашенного в черный цвет. Дорожка к подъезду расчищена от снега. Они зашли в подъезд, и Среда нажал на самую верхнюю кнопку старенького, с желобками, интеркома. Никакой реакции. Он нажал снова. Потом, пробы ради, начал нажимать на все кнопки подряд, пытаясь вызвонить других жильцов – с тем же результатом.

– Да сломанный он, – сказала на ходу спускавшаяся по лестнице сухонькая старушка. – Не работает. Мы в службу звонили, говорим, когда чинить придешь, а ему что, он в Аризону съехал, легкие лечить.

Говорила она с довольно-таки сильным акцентом. Восточноевропейским, как показалось Тени.

Среда отвесил ей низкий поклон.

– Зоря, дорогая моя, ты не поверишь, но выглядишь ты – просто глаз не оторвать, свет ты мой ясный! Ни чуточки не постарела.

Старушка смерила его взглядом.

– Не желает он тебя видеть. И я тебя видеть не желаю. Ты горевестник.

– Это просто потому, что если новости того не стоят, я к вам не приезжаю.

Старушка фыркнула. На ней было старое красное пальто, застегнутое на все пуговицы, в руках – пустая авоська. Она подозрительно покосилась на Тень.

– А это еще что за дылда? – спросила она у Среды. – Опять бандита нанял?

– Милостивая госпожа, как можно! Этого джентльмена зовут Тень. Да, он работает на меня, но исключительно для вашего же блага. Тень, позволь тебе представить: очаровательная мисс Зоря Вечерняя.

– Очень приятно, – сказал Тень.

Старуха уставилась на него птичьим глазом.

– Тень, – повторила она. – Славное имя. Когда тени становятся долгими, наступает мой час. А ты – длинная тень. – Она смерила его взглядом с головы до ног и улыбнулась. – Можешь поцеловать мне руку, – и она протянула ему холодную ладошку.

Тень наклонился и поцеловал ее худые пальцы. На среднем – большой перстень с янтарем.

– Славный мальчик, – проговорила она. – Пойду, куплю овощей. Я, понимаешь, единственная в этом доме, кто приносит хоть какие-то деньги. Сестры не гадают. Это все оттого, что говорят они только правду, а правду люди слушать не хотят. Правда – штука скверная, от нее у людей душа не на месте, и в другой раз они уже не придут. А я-то вру, как воду лью, и говорю им то, что они хотят услышать. Так что на хлеб в этом доме зарабатываю я одна. Вы что, и на ужин собираетесь остаться?

– Если нам будет дозволено, – тут же встрял Среда.

– Тогда давайте деньги, еды будет больше, – сказала она. – Гонору мне хватает, но на мякине меня не проведешь. У сестер гонору побольше, чем у меня. А больше всех, конечно – у *него*. Так что давайте деньги, а им об этом не говорите.

Среда расстегнул бумажник, сунул в него руку и вынул двадцатку. Зоря Вечерняя тут же выхватила купюру у него из пальцев, но взгляда не отвела. Он достал еще одну двадцатку и тоже отдал ей.

– Вот и ладно, – сказала она. – Как баре есть будете. А теперь идите по лестнице на самый верх. Зоря Утренняя уже проснулась, но третья наша сестрица спит себе, так что шуму особо не подымайте.

Тень и Среда пошли вверх по темной лестнице. Площадка третьего этажа была сплошь завалена черными пластиковыми мешками с мусором, от которых шел запах гнилых овощей.

– Они что, цыгане? – спросил Тень.

– Зоря и ее семейство? Попал пальцем в небо. Нет, они не *Rom*. Они русские. Типа, славяне.

– Так ведь она же гадалка.

– Мало ли на свете гадалок! Я и сам балуюсь иногда, под настроение. – К последнему лестничному пролету Среда уже пыхтел как паровоз. – Что-то я начал терять форму.

На самой верхней площадке оказалась одна-единственная дверь, выкрашенная в красный цвет и с глазком посередине.

Среда постучался. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, уже сильнее.

– Иду! Иду! Слышу я вас! Слышу! – защелкали замки, задвигались по полозьям засовы, лягнула цепочка. Красная дверь со скрипом отворилась.

– Кто здесь? – мужской голос, старческий и прокуренный насквозь.

– Старый друг, Чернобог. С компаньоном.

Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка. В темноте Тень разглядел седую голову: человек внимательно их разглядывал.

– Что ты здесь забыл, Вотан?

– Во-первых, удовольствие видеть тебя и говорить с тобой. Ну, а еще есть у меня кое-какая информация. Как там говорится?.. Ах да, было наше, станет ваше.

Дверь распахнулась. За ней стоял плотно сбитый коротышка, одетый в несвежий купальный халат: волосы – перец с солью, морщинистое лицо. Светло-серые потертые штаны в полоску – и тапочки. В толстых мощных пальцах была зажата сигарета без фильтра, которую он курил, пряча огонек в кулак. Как ээк, подумал Тень. Или как профессиональный солдат. Хозяин квартиры протянул Среде левую руку.

– Ну тогда добро пожаловать, Вотан.

– Теперь меня зовут Среда, – ответил тот, рукопожатием на рукопожатие.

Короткая улыбка, сверкнули желтые прокуренные зубы.

– Да уж, – сказал хозяин квартиры. – Обхохочешься. А это кто?

– Мой партнер. Тень, познакомься, это мистер Чернобог.

– Ну, здорово! – сказал Чернобог и пожал Тени левую руку. Руки у него были шершавые и загрубелые, а кончики пальцев – настолько густого желтого цвета, будто он вымачивал их в растворе йода.

– Как поживаете, мистер Чернобог?

– Хреново поживаю. Нутро болит, спину ломит, а по утрам от кашля наружу выворачивает.

– Ну что вы стоите в дверях? – раздался женский голос. Тень заглянул через плечо Чернобога и увидел еще одну старушку, еще более субтильную и хрупкую, чем сестра, – вот только волосы у нее до сих пор были длинными и золотистыми. – Я Зоря Утренняя, – сказала она. – Нечего стоять в прихожей. Проходите, присаживайтесь. Я принесу вам кофе.

За дверью была квартира, в которой пахло вареной капустой, кошачьим туалетом и сигаретами без фильтра; их провели через крошечную прихожую мимо нескольких закрытых дверей в гостиную на том конце коридора и усадили на огромный древний диван, набитый конским волосом, потревожив по дороге престарелого серого кота, который вытянулся, встал и проследовал, нога за ногу, на дальний конец дивана, где и улегся, смерив каждого по очереди взглядом, – после чего закрыл глаза и вновь отошел ко сну. Чернобог уселся в кресло напротив.

Зоря Утренняя отыскала пустую пепельницу и поставила ее перед Чернобогом.

– Какой кофе вы предпочитаете? – спросила она у гостей. – У нас его пьют черным, как ночь, и сладким, как грех.

– Звучит превосходно, мэм, – сказал Тень и посмотрел в окно, на стоящие напротив здания.

Зоря Утренняя вышла. Чернобог посмотрел ей вслед.

– Вот это женщина, я понимаю, – сказал он. – Не то что ее сестры. Одна – просто гарпия, а другая только и знает, что спать целыми днями.

Ногу в тапочке он водрузил на длинный приземистый кофейный столик, в центре которого красовалась инкрустированная шахматная доска, сплошь в подпалинах от сигарет и отпечатках кофейных чашек.

– Ваша жена? – спросил Тень.

– Никому она не жена, – старик посидел с минуту молча, разглядывая мозолистые руки. – Да нет. Мы все тут родственники. И приехали сюда все вместе, в старые-стародавние времена.

Чернобог вынул из кармана халата пачку сигарет без фильтра. Среда тут же достал узкую золотую зажигалку и дал ему прикурить.

– Сперва мы приехали в Нью-Йорк, – начал Чернобог. – Наши соотечественники всегда едут только в Нью-Йорк. А потом перебрались сюда, в Чикаго. И дела пошли из рук вон. Даже там, на родине, люди про меня почти совсем забыли. А здесь я и вовсе – дурное воспоминание. Знаешь, чем я занялся, когда приехал в Чикаго?

– Нет, – честно ответил Тень.

– Нашел работу в мясной промышленности. На бойне. Когда бычок оказывается на пандусе, там его ждет забойщик. То есть я. А знаешь, почему нас называют забойщиками? Потому

что в руках у меня кувалда, и ею я шарашу скотину по лбу. Бац! В этом деле главное – сильные руки. Понял? Потом тушу цепляют, поднимают и перерезают горло. Прежде чем отрезать голову, надо спустить кровь. Самые сильные люди на всех бойнях – это мы, забойщики. – Он откинул рукав халата и согнул в локте руку, так что под старческой кожей заиграл и впрямь довольно приличный бицепс. – Хотя, конечно, одной силой не обойдешься. Тут нужен поставленный удар. Иначе ты скотину разве что оглушишь, а то, чего доброго, она может еще и разбуяниться. А потом, в пятидесятые, нам выдали пневмопистолеты. Приставляешь его быку к башке и – бац! бац! Тут, казалось бы, кто угодно может скотину забить. Ан нет! – Он всадил воображаемый штырь в голову воображаемой корове. – Тут тоже нужна техника.

Он улыбнулся, вспомнив былое, и во рту у него блеснул стальной зуб.

– Опять досаждаешь людям своими рассказами про то, как убивал коров? – Зоря Утренняя внесла на красном деревянном подносе кофе в маленьких расписных эмалированных чашечках. Она раздала каждому по чашке и села рядом с Чернобогом.

– Зоря Вечерняя ушла в магазин, – сказала она. – Скоро вернется.

– Мы встретились внизу, – подхватил Среда. – Говорит, в гадалки подалась.

– Да-да, – кивнула Зоря Утренняя, – сумерки – самое время для лжи. А из меня какая лгунья, так что и в гадалки я не гожусь. А сестричка наша, Зоря Полночная, та вообще врать не умеет.

Кофе оказался еще крепче и слаще, чем Тень ожидал.

Он извинился и вышел в туалет – крохотную, похожую на чулан комнатку, в которой висело несколько пожелтевших фотографий мужчин и женщин, застывших в неестественных викторианских позах. Казалось, едва успел наступить полдень, но дневной свет уже пошел на убыль. В гостиной беседа тем временем перешла на повышенные тона. Он вымыл руки в ледяной воде дурно пахнущим обмылком.

Когда Тень вернулся в гостиную, Чернобог стоял на ногах.

– От тебя одни неприятности! – кричал он. – И ничего, кроме неприятностей! И слушать тебя не желаю! И вообще, проваливай из моего дома!

Среда по-прежнему сидел на диване, потягивал кофе и гладил серого кота. Зоря Утренняя стояла на вытертом ковре, нервически перебирая пряди своих длинных светлых волос.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Тень.

– Главная проблема – это *он!* – закричал Чернобог. – Он главная проблема! Скажи ему, что ничто на свете не заставит меня ввязываться в его делишки! И вообще пусть убирается отсюда! Убирайтесь оба!

– Прошу тебя, – мягко сказала Зоря Утренняя. – Прошу тебя, потише, ты же разбудишь Зорю Полночную.

– Ты не лучше его, тоже спишь и видишь, чтобы я ввязался во все это безумие! – продолжал кричать Чернобог. Вид у него был такой, будто он вот-вот разрыдается. Столбик пепла сорвался с его сигареты и упал на ветхий ковер.

Среда встал, подошел к Чернобогу и положил ему руку на плечо.

– Послушай меня, – миролюбиво сказал он. – Во-первых, никакого это не безумие. Другого выхода у нас нет. Во-вторых, там будут все. Ты же не хочешь остаться в одиночестве, а, что скажешь?

– Ты меня знаешь, – сказал Чернобог. – Ты знаешь, что творили эти руки. Тебе нужен не я, тебе нужен мой брат. А его нет.

Дверь открылась, и сонный женский голос спросил:

– Случилось что-нибудь?

– Нет-нет, сестренка, ничего не случилось, – засуетилась Зоря Утренняя. – Спи спокойно, – и тут же обернулась к Чернобогу. – Вот видишь? Видишь, что ты натворил? А ну-ка иди и сядь на место. Садись, я говорю!

На секунду показалось, что Чернобог сейчас ввяжется с ней чуть ли не в драку; но тут весь его пыл вдруг улетучился. Вид у него сделался больной и несчастный – и очень одинокий.

Все трое вернулись в неряшливую гостиную. По стенам, сантиметрах в тридцати от потолка, шло ровное никотиновое кольцо, похожее на венчик ржавчины в старой ванне.

– Ты или не ты, какая разница, – невозмутимо продолжил, обращаясь к Чернобогу, Среда. – Если это имеет отношение к твоему брату, значит, и к тебе это тоже имеет отношение. Уж в этом с вами, дуалистическими существами, никому из нас не равняться, правильно я говорю?

Чернобог ничего ему на это не ответил.

– Кстати, о Белобоге, о нем ничего не слышно?

Чернобог покачал головой и перевел взгляд на Тень:

– У тебя есть брат?

– Нет, – ответил Тень. – По крайней мере, мне об этом ничего не известно.

– А вот у меня есть. Говорят, как две капли воды. Понимаешь? Когда мы были молоды, волосы у него, ну, они белые, понимаешь, очень светлые, и глаза голубые, вот люди и говорили, что он – хороший брат. А у меня волосы темные, темнее даже, чем у тебя, и я, значит, нехороший, понимаешь? Я плохой брат. А теперь вот сколько времени прошло, волосы у меня поседели. У него, кстати, тоже – тоже наверняка поседели. И если сейчас поставить нас рядом – как понять, кто был светлый, кто темный?

– Вы с ним дружили? – спросил Тень.

– Дружили? – переспросил Чернобог. – Да нет. Это как ты себе представляешь? У нас и интересы были совершенно разные.

В конце коридора раздался какой-то шум. Вошла Зоря Утренняя.

– Ужин будет через час, – сказала она и вышла.

Чернобог вздохнул.

– Она уверена, что прекрасно готовит, – сказал он. – Где она выросла, там кухарки готовили. А теперь – нету кухарок. И ничего нету.

– Так не бывает, – вмешался Среда. – Всегда остается хоть что-то.

– Опять ты, – обернулся на него Чернобог. – Не желаю тебя слушать.

Он повернулся к Тени:

– Ты в шашки играешь? – спросил он.

– Да, – ответил Тень.

– Вот и славно. Значит, сыграешь со мной в шашки. – Он снял с каминной полки деревянную коробку с шашками и вытряхнул их на столик. – Я буду играть черными.

Среда дотронулся до руки Тени:

– Не стоит, знаешь, лучше не делай этого, – сказал он.

– А что такого-то? Я и сам не прочь, – сказал Тень. Среда пожал плечами и вынул из небольшой стопки пожелтевших журналов старый номер «Ридерз дайджест».

Коричневые пальцы Чернобога закончили расставлять шашки, и игра началась.

Потом Тень много раз будет ловить себя на том, что вспоминает эту игру. А по ночам она ему даже снилась. Плоские круглые кусочки дерева, которыми он играл, были грязно-желтого цвета, номинально – белого. Те, что у Чернобога – тусклого, выцветшего черного. Первый ход должен был сделать Тень. Ему снилось, что во время игры никто вообще ничего не говорил, и слышны были только громкие щелчки, когда шашки опускались на доску, или шорох дерева о дерево, когда их передвигали с одного поля на другое.

Первые пять-шесть ходов оба игрока передвигали передние шашки в центр доски, оставив задние ряды нетронутыми. Между ходами случались паузы, долгие, как в шахматах: оба сидели, смотрели на доску и думали.

Тень играл в шашки и в тюрьме: так проще было убить время. В шахматы ему тоже приходилось играть, но он был не из тех, кто любит все рассчитывать на несколько ходов вперед, просто по складу характера. Ему больше нравилось, когда получается в нужный момент найти единственно правильное решение. А в шашки можно выиграть и так – иногда.

Раздался щелчок: Чернобог поднял одну из черных фишек и перепрыгнул ею фишку белую. Старик снял с доски шашку Тени и положил ее на столик, рядом.

– Первая кровь. Ты проиграл, – сказал Чернобог. – Партия.

– Да нет, – не согласился Тень. – До конца еще далеко.

– Тогда, может, поставишь что-нибудь на кон? Мелочь какую-нибудь, просто для интереса.

– Нет, – Среда поднял голову, оторвавшись от колонки «Юмор в мундире». – Никаких ставок.

– Я не с тобой играю, слышишь, ты, дед. Я с ним играю. Так как же, мистер Тень, замажем игру?

– А о чем вы здесь спорили, когда я пришел? – спросил Тень.

Чернобог поднял кустистую бровь.

– Твой хозяин хочет, чтобы я к нему присоединился. И помогал в этой его дурацкой затее. А я скорее сдохну, чем соглашусь.

– Хотите ставку? Пожалуйста. Если я выиграю, вы работаете с нами.

Старик поджал губы.

– Ну, может, я и соглашусь, – сказал он. – Но только при одном условии. Если ты согласишься на мою ставку.

– Какую?

На лице у Чернобога не дрогнул ни один мускул.

– Если выиграю, вышибу тебе мозги. Кувалдой. Сперва ты встанешь на колени. Потом я ударю тебя, один раз. И больше ты не встанешь. – Тень поднял глаза на старика, пытаясь понять по лицу, что у того на уме. Старик не шутил. Совсем не шутил: в глазах у него явственно читалась внезапно вспыхнувшая жажда не то боли, не то смерти, не то возмездия.

Среда захлопнул журнал.

– Хватит пороть чушь! – сказал он. – Не стоило нам вообще сюда приезжать. Тень, идем отсюда!

Потрявоженный серый кот встал, перебрался на стол и остановился рядом с игровой доской. Оценив расположение шашек, он спрыгнул на пол и, высоко задрвав хвост, удалился.

– Нет, – сказал Тень. Смерти он не боялся. В конечном счете, жить ему было незачем. – Хорошая ставка. Я ее принимаю. Если вы игру выиграете, я дам вам возможность вышибить мне мозги одним ударом молота, – и передвинул следующую шашку на соседний квадратик, у самого края доски.

Больше никто не сказал ни слова, но Среда к отложенному «Ридерз дайджест» так и не притронулся. Он сидел и смотрел на игру, обоими глазами, настоящим и искусственным, и лицо его было абсолютно бесстрастным.

Чернобог взял у Тени еще одну шашку. Тень взял две шашки Чернобога. Из коридора донесся запах готовящейся пищи: непривычный. Не все составляющие этого запаха были Тени по вкусу, но его вдруг охватило отчаянное чувство голода.

Они передвигали шашки, по очереди, черные и белые. Суматоха размена, потом – расцветает вдруг дамка, в два раза выше обычной шашки: более не скованные необходимостью двигаться только вперед и вбок, по одной клетке за раз, дамки имеют право скользить по доске в любую сторону, и оттого становятся вдвойне опасней. Они дошли до последнего предела, и поэтому обретают право идти туда, куда им заблагорассудится. У Чернобога было три дамки, у Тени – две.

Чернобог прошелся по доске одной из своих дамек, сметя все оставшиеся в живых шашки Тени, покуда две другие его дамки заперли обе дамки противника.

Потом Чернобог провел четвертую дамку, вернулся на свою сторону доски, туда, где томились две запертые дамки Тени, и, без тени улыбки, взял обе. Партия.

– Ну вот, – сказал Чернобог. – Теперь осталось только вышибить тебе мозги. И на колени ты встанешь сам, добровольно. Мне это нравится.

Он вытянул старческую сморщенную руку и похлопал Тень по плечу.

– Но обед-то еще не готов, время у нас есть, – поднял глаза Тень. – Хотите еще одну партию? На тех же условиях?

Чернобог прикурил очередную сигарету, вынув спичку из кухонного коробка.

– Что значит, на тех же условиях? Ты что, хочешь, чтобы я убил тебя дважды?

– На настоящий момент у вас право на один удар, не больше и не меньше. Вы же сами говорили, что не все в этом деле зависит от силы, нужен навык. Ну и вот, если вы и на этот раз выиграете, у вас будет право на два удара.

Чернобог насупился.

– Один удар, и все, одного удара вполне достаточно. Это целое искусство, – левой рукой он похлопал себя по бицепсу правой, попутно сбросив в ладонь пепел с кончика сигареты.

– Это было много лет назад. Если навык ушел, вы меня всего лишь покалечите, не более. Сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз взмахнули молотом на чикагской скотобойне? Тридцать лет? Сорок?

Чернобог промолчал. Плотнo сомкнутые губы – как серый шрам через нижнюю часть лица. Он побарабанил пальцами по столешнице, явно пытаясь поймать какой-то свой ритм. Потом начал заново расставлять на доске шашки.

– Играем, – сказал он. – Ты опять за светлые. А я – темный.

Тень двинул вперед первую шашку. Чернобог двинул свою. И Тень вдруг понял, что Чернобог сейчас будет пытаться разыграть ту же самую партию, которую только что довел до победы, и что именно на этом его и можно поймать.

На сей раз Тень играл совершенно отчаянно. Он легко велся на самые простенькие комбинации, делал ходы не задумываясь, не давая себе ни секунды на размышление. И на сей раз на лице у него сияла улыбка, и с каждым ходом, который делал Чернобог, улыбка эта сияла все ярче и ярче.

Вскоре Чернобог уже не просто передвигал по полям шашки, он лупил ими о деревянную доску со всей дури, так, что остальные шашки подпрыгивали на своих черных квадратиках, а столик ходил ходуном.

– А вот тебе! – рявкнул Чернобог, сметя с доски очередную шашку Тени и с грохотом поставив на нужное поле свою собственную, черную. – Вот тебе. Что ты на это скажешь?

Тень ничего на это не сказал: он просто улыбнулся, перепрыгнул через шашку, которую только что поставил Чернобог, а потом еще через одну, и еще, и через четвертую тоже, рассчитив от черных шашек весь центр доски. Потом взял из стопки битых шашек одну белую и положил на свою сверху, обозначив только что проведенную дамку.

После этого осталось только провести зачистку: игра была сделана буквально через несколько ходов.

– Ну что, третью, для ровного счета? – спросил Тень.

Но Чернобог просто сидел и смотрел на него, и глаза у него были как два стальных наколенника. А потом вдруг расхохотался и ударил обеими руками Тень по плечам:

– А ты мне нравишься! – заорал он. – Тебе палец в рот не клади!

Но тут Зоря Утренняя просунула в дверь голову и сказала, что ужин готов и чтобы они убрали со стола свои шашки и стелили скатерть.

– Столовой у нас в доме нет, – сказала она. – Так что извините. Мы едим прямо здесь.

На стол поставили подтарельники. Потом каждый получил по маленькому расписному подносу, на котором лежал потускневший столовый прибор. Подносы надлежало класть на колени.

Зоря Вечерняя принесла пять деревянных плошек и положила в каждую по неочищенной разварной картофелине, которую затем залила доброй порцией отчаянно красного борща. Сверху она шлепнула по ложке сметаны – и раздала плошки по рукам.

– Я думал, нас будет шестеро, – сказал Тень.

– Зоря Полуночная еще спит, – сказала Зоря Вечерняя. – Еду мы ей оставляем в холодильнике. Как проснется, так и поест.

Картошка оказалась рассыпчатой, борщ – кислым, и на вкус больше напоминал маринованную свеклу.

На второе подали жесткое, как подметка, тушеное мясо с каким-то овощным гарниром – овощи, похоже, варили так долго и усердно, что различить в этом месиве исходные растительные компоненты было решительно невозможно.

Засим последовали капустные листья, фаршированные смесью риса с рубленным мясом, и капустные листья эти были настолько толстыми и жилистыми, что разрезать их, не разбросав при этом по ковру рис и мясо, тоже было нелегко. Тень сидел и гонял сей кулинарный изыск по тарелке.

– Мы тут в шашки сыграли, – сказал Чернобог, отсадив от куска тушеного мяса очередную порцию. – С этим вот молодым человеком. Он выиграл партию, я выиграл партию. Поскольку он выиграл, я согласился отправиться с ним и Средой и поддержать их в этом безумном начинании. А поскольку выиграл я, то, когда все это кончится, мне придется молодого человека убить ударом молота.

Обе Зори со скорбным видом закивали.

– Экая жалость! – сказала Тени Зоря Вечерняя. – Если бы я взялась вам погадать, наверняка напророчила бы долгую и счастливую жизнь и кучу детишек.

– Вот поэтому из тебя и получилась хорошая гадалка, – подхватила Зоря Утренняя. Вид у нее был сонный донельзя, будто она и так уже засиделась много дольше привычного для нее времени. – Врешь ты лучше нас всех вместе взятых.

Ужин кончился, а чувство голода у Тени так и не прошло. В тюрьме еда была – дрянь, но и в тюрьме кормили лучше, чем здесь.

– Славная трапеза, – сказал Среда, который только что с видимым удовольствием очистил свою тарелку. – Дамы, огромное вам спасибо. А теперь, боюсь, мне придется взять на себя смелость и попросить вас порекомендовать нам какую-нибудь приличную гостиницу неподалеку.

При этих его словах вид у Зори Вечерней сделался обиженным донельзя.

– А с чего это вам вздумалось идти в гостиницу? – вскинулась она. – Или мы вам не друзья?

– Я никоим образом не собирался беспокоить вас... – начал Среда.

– Да какое уж тут беспокойство, – перебила его Зоря Утренняя, перебирая рукой свои волосы – невероятно, неуместно золотые, – и зевнула. – Ты можешь лечь в комнате Белобога, – ткнула она пальцем в Среду. – Она все равно стоит пустая. Что же до вас, молодой человек, постелем вам на диване. Честное слово, спать будете, как убитый.

– Как мило с вашей стороны, – сказал Среда. – А что, мы, пожалуй, примем ваше приглашение.

– И заплатишь ты мне за это ровно столько, сколько собирался оставить в гостинице, – торжествующе подытожила, кивнув, Зоря Вечерняя. – Сто долларов.

– Тридцать, – сказал Среда.

– Пятьдесят.

– Тридцать пять.

– Сорок пять.

– Сорок.

– По рукам. Сорок пять долларов. – Зоря Вечерняя потянулась через стол и пожала Среде руку. И тут же начала убирать со стола.

Зоря Утренняя зевнула так отчаянно, что Тени на секунду показалось, что она вот-вот свернет себе челюсть, сказала, что отправляется спать прямо сейчас, а то еще чего доброго уснет за столом с пирогом вместо подушки, – и пожелала всем спокойной ночи.

Тень помог Зоре Вечерней отнести тарелки и плошки на крохотную кухню. К его удивлению, под раковиной оказалась допотопная посудомоечная машина, в которую он всю свою ношу и загрузил. Зоря Вечерняя заглянула ему через плечо, поцокала языком и изъяла из машины все деревянные плошки.

– Эти в раковину, – сказала она.

– Извините.

– Да пустяки. Пойдем-ка лучше обратно, у нас еще пирог, – ответила она.

Пирог – яблочный – оказался покупным и разогретым в микроволновке: и очень, очень вкусным. Они, все четверо, съели его с мороженым, после чего Зоря Вечерняя выгнала всех из гостиной и постелила Тени на диване – выглядело все очень уютно.

Когда они вышли в коридор, Среда повернулся к Тени.

– Что такое ты сделал там, в комнате – в смысле, с шашками? – спросил он.

– А что такого?

– Сильный ход. Ты, конечно, большую глупость сваял, просто огромную. Но ход хороший. Спи спокойно.

Тень почистил зубы, умылся холодной водой в маленькой ванной, вернулся в гостиную, выключил свет и заснул еще до того, как его голова коснулась подушки.

Тени снились взрывы: он вел грузовик по минному полю, и по обе стороны от машины рвались заряды. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, и он чувствовал, как по лицу течет кровь.

Потом кто-то начал в него стрелять.

Одна пуля пробила ему легкое, другая раздробила позвоночник, третья ударила в плечо. Каждый удар он чувствовал по отдельности, а потом упал на рулевое колесо.

Последний взрыв раздался уже в полной тьме.

Наверное, все это мне снится, думал Тень, оставшись один в темноте. *Кажется, я уже умер, только что.* Он вспомнил, как в детстве ему говорили, что если умрешь во сне, то и на самом деле тоже умрешь, и как он в это верил. Но мертвым он себя не чувствовал. Он приоткрыл глаза: на пробу.

В маленькой гостиной, у окна, спиной к нему стояла женщина. Сердце у него оборвалось, застыло на секунду, потом пошло снова.

– Лора? – спросил он.

Она обернулась, обрамленная лунным светом.

– Извини, – сказала она. – Я не хотела тебя будить.

У нее был мягкий восточноевропейский акцент.

– Я сейчас уйду.

– Да нет, ничего страшного, – сказал Тень. – Ничуть вы меня не разбудили. Просто сон приснился.

– Да-да, – подхватила она. – Ты вскрикивал – и стонал. Мне даже захотелось и в самом деле тебя разбудить, но потом я подумала – нет, не надо, пусть будет все как есть.

В тусклом лунном свете волосы у нее казались совершенно бесцветными. На ней была белая ночная сорочка с высоким, под самое горло, кружевным вырезом: длинная настолько, что подол лежал на полу. Тень сел, окончательно проснувшись:

– Вы – Зоря Полу... – он замялся. – Ну, та из сестер, которая все время спит.

– Да, я Зоря Полуночная. А тебя зовут Тень, правильно? Так мне тебя назвала Зоря Вечерняя, когда я проснулась.

– Правильно. А на что такое вы там смотрели, в окне?

Она подняла на него глаза, а потом поманила рукой – к себе, к окну. Пока он надевал джинсы, она стояла к нему спиной. Он подошел. Комната была маленькая, но шел он к ней, казалось, целую вечность.

Сколько ей лет, сказать было совершенно невозможно. Кожа ровная, без морщин, темные глаза, длинные ресницы, волосы – седые и длинные, до самого пояса. Лунный свет превратил дневные цвета в призраки, пародии на самих себя. Она была самой высокой из трех сестер.

Она подняла руку вверх, к ночному небу.

– Вот на это я и смотрела, – сказала она, указывая на большой ковш. – Видишь?

– Ursa Major, – сказал он. – Большая Медведица.

– Да, можно и с этой точки зрения на нее взглянуть, но в тех местах, откуда я приехала, привыкли к другой точке зрения. Я хотела пойти, посидеть на крыше. Составишь мне компанию?

Она подняла раму и, как была, босая, выбралась на пожарную лестницу. В окно ворвался ледяной ветер. В глубине души у Тени шевелилось какое-то смутное беспокойство, но в чем, собственно, дело, он понять не мог; поколебавшись секунду, он надел свитер, носки и туфли и последовал за ней на ржавую пожарную лестницу. Она ждала, выдыхая в холодный ночной воздух облачка пара. Он пошел за ней вверх, на крышу, глядя, как ступают со ступеньки на заледеневшую ступеньку ее босые ноги.

Ветер налетал кинжальной остроты порывами, ее сорочка липла к телу, и Тени вдруг стало неудобно оттого, что он смотрит на нее, а под рубашкой на ней совсем ничего нет.

– Вам не холодно? – спросил он, когда они добрались до верхней площадки, но ветер тут же унес его слова прочь.

– Что-что?

Она наклонилась к нему совсем близко. Запах ее дыхания был уютным и теплым.

– Я говорю: вам не холодно?

Вместо ответа она подняла палец: *погоди* – и перескочила, легко и быстро, через парапет, на плоскую крышу дома. У Тени это получилось несколько менее ловко – а она уже шла по крыше туда, где лежало пятно тени от водонапорного бака. Там стояла скамейка, и она села, а он сел рядом. Бак экранировал ветер, и Тень был ему за это весьма признателен.

– Нет, – сказала она, – холодно мне не бывает. Это время – мое: ночь для меня – что глубокая темная вода для рыбы.

– Должно быть, ночь – ваше любимое время суток, – сказал Тень, понимая, что сморозил глупость, но ничего более умного в голову ему не пришло.

– У каждой из моих сестер свое время. Зоря Утренняя – хозяйка зари. Там, на родине, она отворяла ворота, чтобы отец мог выехать из них на своей... – ой, слово забыла, ну, вроде машины, только запряжена лошадьми.

– Колесница?

– Да, на колеснице. Отец выезжал из ворот на своей колеснице. А Зоря Вечерняя отворяла ему ворота в сумерках, когда он к нам возвращался.

– А вы?

Она помолчала. Губы у нее были полные, но очень бледные.

– А я отца никогда не видела. Я спала.

– Это что, болезнь такая?

Она не ответила. И ее как будто передернуло легкой дрожью – если то была дрожь, если он вообще мог что-то разглядеть в темноте.

– Так ты хотел знать, на что я смотрела?

– На Большой Ковш.

Она подняла руку, чтобы указать на созвездие, и ветер снова облепил ее тело тонким полотном сорочки. На секунду сквозь белый хлопок проступили соски, настолько четко, что каждый маленький пупырышек на ареоле стал виден ясно, как днем. Тень пробила дрожь.

– Ее называют Повозкой Одина. И Большой Медведицей. Там, откуда мы приехали, верят в то, что есть нечто такое, не бог, но нечто наподобие бога, очень плохое, и он прикован к небу цепями, между этих звезд. И если он сорвется с цепей, то сожрет весь свет. И поэтому три сестры должны постоянно смотреть на небо, весь день и всю ночь. Если он сорвется с цепей, этот небесный зверь, то миру конец. *Пф!* – и нет его.

– И что, люди действительно в это верят?

– Раньше верили. Давным-давно.

– И вы пытались рассмотреть между звездами это чудище?

– Ну, что-то вроде того. Да, пыталась.

Он улыбнулся. Если бы не этот холод, подумал он, было бы полное впечатление, что я сплю и вижу сны. Потому что в действительности такого просто не бывает.

– А можно задать вам вопрос: сколько вам лет? Судя по всему, обе сестры гораздо старше вас.

Она кивнула.

– Я самая младшая. Зоря Утренняя родилась на восходе солнца, Зоря Вечерняя на закате, а я – в полночь. Я полуночная сестра: Зоря Полуночная. Ты женат?

– Моя жена умерла. Погибла на прошлой неделе в автомобильной катастрофе. Вчера были похороны.

– Мне очень жаль.

– А вчера ночью она приходила повидаться со мной. – Выговорить эти слова оказалось легче легкого: в этой темноте, в этом лунном свете они уже не казались настолько невероятными, как днем.

– Ты спросил ее, что ей нужно?

– Нет. В общем, нет.

– А стоило, пожалуй. Самый правильный вопрос, который нужно задавать мертвым. Иногда они отвечают. Зоря Вечерняя сказала, что ты играл с Чернобогом в шашки?

– Ага. И он выиграл право расколоть мне череп молотом.

– В былые времена людей для этого уводили высоко в горы. На самые кручи. И разбивали голову камнем. В честь Чернобога.

Тень огляделся. Нет, на крыше, кроме них, никого не было.

Зоря Полуночная рассмеялась.

– Глупый, да нет его здесь! К тому же, ты ведь тоже выиграл свою партию. И он не сможет нанести свой удар, пока это все не кончится. Он сам так сказал. Ты поймешь, когда настанет этот миг. Как те коровы, которых он убивал. Они всегда все понимали заранее. А иначе – какой бы во всем этом был смысл?

– У меня такое чувство, – сказал ей Тень, – словно я попал в какой-то другой мир, в котором действует совершенно иная логика. Свои правила. Как будто спишь и понимаешь, что есть тут такие правила, которые ни в коем случае нельзя нарушать. Даже если ты понятия не имеешь, что это за правила. И я просто пытаюсь под них подстроиться, понимаете?

– Понимаю, – сказала она и взяла его за руку: ладонь у нее была холодная как лед. – Один раз тебе уже дали защиту. Дали тебе само солнце. Но ты его уже потерял. Отдал его. А

я могу тебе предложить защиту куда более слабую. Вместо отца – дочь. Но всякая помощь – в помощь. Ведь правда?

Холодный ветер перебирал ее белые волосы, то и дело забрасывая прядки на лицо.

– Мне теперь с вами что, драться предстоит? Или в шашки играть?

– Тебе даже целовать меня и то не придется, – ответила она. – Просто возьми у меня луну, и все.

– Как?

– Возьми луну.

– Я не понимаю.

– Смотри, – сказала Зоря Полуночная. Она подняла левую руку и расставила большой и указательный пальцы так, что луна оказалась словно бы зажатой между ними. И – как будто сорвала ее с ветки, быстрым ловким движением. На долю секунды ему и впрямь показалось, что она сняла луну с неба, но – нет, луна сияла на прежнем месте, а когда Зоря Полуночная раскрыла ладонь, между большим и указательным пальцами у нее оказался серебряный доллар с профилем Свободы.

– Красивый номер, – сказал Тень. – Даже и заметить не успел, когда и как вы его переправили в ладонь. И на последнем этапе тоже – не уследил.

– Я никуда ее не переправляла, – сказала она. – Я просто взяла ее, и все. А теперь отдам тебе, для сохранности. Держи. И никому не отдавай.

Она вложила ему доллар в правую руку и свела пальцы. Монета была совершенно ледяная на ощупь. Зоря Полуночная подалась вперед, опустила ему пальцами веки и поцеловала, легонько, по разу в каждый глаз.

Тень проснулся на диване, одетым. В узком косом луче солнечного света, который пробивался через окно, танцевали пылинки.

Он встал и подошел к окну. При дневном освещении комната показалась ему куда более тесной.

Еще с прошлой ночи в нем жила какая-то мысль и не давала ему покоя, и вот теперь, после того как он высунулся в окно и огляделся по сторонам, мысль эта предстала перед ним со всей ясностью. За окном не было никакой пожарной лестницы; не было ни балкона, ни ржавых металлических ступеней.

И тем не менее в руке у него был зажат – плотно зажат – серебряный доллар 1922 года, с профилем Свободы, гладкий и блестящий, словно его только что отчеканили.

– А, встал уже! – Дверь приоткрылась и в образовавшейся щели показалась голова Среды. – Вот и славно. Кофе будешь? Сейчас пойдём грабить банк.

Прибытие в Америку

1721 год

Самое важное, что необходимо понять в американской истории, – *записал мистер Ибис в свой толстый, в кожаном переплете дневник*, – есть совершенно фиктивный, выдуманный ее характер: перед нами не более чем набросок, сделанный карандашом для детей или для прочей не слишком разборчивой публики. По большей части она остается неосмысленной, неотрефлексированной, неизученной – это скорее некритическая репрезентация факта, нежели сам факт. Иначе говоря, изящная словесность, – *продолжил он, помедлив немного, дабы обмакнуть перо в чернильницу и собраться с мыслями*, – примером которой может служить история о том, что первопроходцами в Америке были пилигримы, которые приехали сюда в поисках мест, где они могли бы свободно исповедовать свою веру; о том, как они приехали сюда, взрастили хлеб свой и детей своих, и заполнили пустую землю.

По правде говоря, американские колонии были местом, где могли бесследно раствориться разного рода отбросы общества – и заставить забыть о себе. В те дни, когда в Лондоне за кражу двенадцати пенни можно было отправиться на виселицу, на Тайбернское дерево о трех вершинах¹⁵, Америка стала символом милосердия, возможности получить еще один шанс. Впрочем, условия перевозки заключенных были таковы, что некоторые предпочитали честно прыгнуть с безлистого ствола и станцевать на воздушном паркете, пока не кончится сей быстрый танец. Приговор так и звучал: ссылка. Ссылка на пять, на десять лет, пожизненная.

Вас продавали капитану корабля, и в трюмах судна, набитого битком, точь-в-точь как невольничье, вы совершали путешествие либо в Северо-Американские колонии, либо в Вест-Индию; там капитан продавал вас в качестве сервента¹⁶ человеку, который выбивал из вашей шкуры каждое вложенное пенни, пока не истек срок контракта. Но зато вам по крайней мере не приходилось ждать смертной казни в английской тюрьме (ибо тюрьма в те времена представляла собой место, где человек дожидался освобождения, ссылки или повешения: к отсидке никого не приговаривали), а потом пред вами открывался новый мир, полный неисследованных возможностей. Имелась в вашем распоряжении еще и возможность подкупить капитана, с тем чтобы он отвез вас обратно в Англию до истечения срока контракта. Попадались люди, которые именно так и поступали. И если власти ловили вас на обратном пути – или если находился старый враг или старый друг, который числил за вами должок, а потом вы попадались ему на глаза, и он сообщал об этом куда следует, – вас просто вешали, не моргнув глазом.

Все это напомнило мне, – *продолжил он, помедлив немного для того, чтобы заново наполнить вделанную в стол чернильницу, достав для этой цели из шкафчика бутылку с умбровыми чернилами, а потом обмакнув еще раз в чернильницу перо*, – о жизненном пути Эсси Трегован, которая появилась на свет в продуваемой всеми ветрами корнуольской горной деревушке, на юго-западе Англии, где семейство ее обитало с незапамятных времен. Отец у нее был рыбак, а кроме того – поговаривали – был у него и еще один промысел: развешивать в самые бурные ночи на самых опасных скалах фонари и заманивать тем самым корабли на

¹⁵ *Тайберн* – деревушка в графстве Мидлсекс, неподалеку от Лондона (ныне Лондон, район Мраморной Арки), возле которой в 1571 году была сооружена знаменитая «тройная» виселица (хотя преступников казнили на этом месте еще начиная с XII века). Виселица представляла собой треугольник из положенных горизонтально, на трех опорах, деревянных перекладин, благодаря чему и получила в народе прозвище «трехногого коня» (то есть «единические» коннотации в контексте «Американских богов» вполне возможны) или «трехногого табурета». Бытовали также такие эвфемизмы, как «дерево о трех вершинах», «прогуляться в Тайберн», «сплясать тайбернскую джигу» и т. д.

¹⁶ *Сервент*, *законтрактрованный работник* (*indentured servant*) – человек, обязанный в течение оговоренного срока выполнять ту или иную работу до полной выплаты долга, получая при этом от хозяина только стол, кров и одежду. Транспортировка через Атлантику «тянула» по меркам XVII–XVIII веков лет на пять работы «по контракту» – для вольнонаемных лиц. Осужденные на «отправку» преступники работали дольше.

риффы, в надежде поживиться выброшенным на берег грузом. Мать Эсси работала в услужении у местного сквайра кухаркой, и Эсси с двенадцати лет тоже поступила туда на работу, судомойкой. Она была маленькая и тощая, с огромными карими глазищами и темно-каштановыми волосами; работница из нее была так себе, зато она вечно была тут как тут, стоило только появиться в доме человеку, способному рассказать добрую историю или сказку: про пикси¹⁷ и спригганов¹⁸, про черных болотных собак и девушек-тюленей из Пролива. Сам сквайр над подобными суевериями только смеялся, но прислуга каждую ночь выставляла за порог фарфоровое блюдечко с самым что ни на есть цельным молоком – для пикси.

Прошло несколько лет, и Эсси перестала быть маленькой и тощей; везде, где нужно, тело ее налилось и округлилось, как волны на зеленом море, карие глаза так и брызгали искрами смеха, а волосы вились и разлетались прядями по сторонам. Особенный огонь загорался в ее глазах, когда где-то поблизости появлялся Бартломью, восемнадцатилетний сын сквайра, который как раз об эту пору вернулся домой из Рагби¹⁹; вот она и отправилась однажды ночью к стоящему камню на краю леса, и оставила на этом камне кусок хлеба, который Бартломью надкусил, но не доел, – а перед тем отрезала прядь собственных волос и обмотала этот хлеб волосами. И надо же такому случиться, что на следующий же день, когда она выгребала золу из камина в спальне у Бартломью, он сам подошел и заговорил с ней, и смотрел на нее более чем выразительно, и глаза у него были – опасные глаза, синие-синие, как небо перед бурей.

Очень опасные у него были глаза, говорила потом Эсси.

Недолгое время спустя Бартломью уехал в Оксфорд, а Эсси выгнали из дому вон, как только ее положение сделалось очевидным. Впрочем, ребенок родился мертвым, и в качестве знака особого благорасположения к матери Эсси – а та была очень хорошей кухаркой – жена сквайра уговорила-таки мужа вернуть бывшую горничную на ее самое первое место, в судомойки.

Однако любовь Эсси к Бартломью обернулась ненавистью ко всему его семейству; не прошло и года, как она обзавелась новым ухажером, человеком с весьма сомнительной репутацией. Жил он в соседней деревне и звали его Джозайя Хорнер. И вот однажды ночью, когда вся семья отошла ко сну, Эсси встала и отворила заднюю дверь, чтобы впустить в дом своего любовника. И пока все спали, он обчистил дом.

Сразу возникло подозрение, что к ограблению причастен кто-то из домашних, потому что этот кто-то должен был открыть дверь изнутри (а жена сквайра точно помнила, как сама затворяла засов), а также иметь представление о том, где сквайр держал столовое серебро и где находится ящик, в котором лежали золотые монеты и векселя. И все же Эсси настолько отчаянно все отрицала, что ее совершенно ни в чем не подозревали до тех самых пор, пока мистера Джозайю Хорнера не задержали в эксетерской лавчонке при попытке обналичить один из принадлежавших сквайру векселей.

Дело Хорнера слушалось на местном выездном заседании суда присяжных, который и постановил, выражаясь довольно жестким, но точным языком того времени, *списать его со счетов*, а вот над Эсси судья сжалился – в силу ее нежного возраста, а также густых кашта-

¹⁷ *Пикси* (они же *пикси* или *пигзи*) – персонажи корнуолльской и девонширской низовой мифологии, местный вариант «маленького народца». Отличаются заостренными на концах ушами, носят зеленую одежду и остроконечные шляпы. Как правило, обитают на заболоченных пустошах. Любят лошадей: катаются на них, заплетают им гривы. Знатоки кладов, в особенности тех, что спрятаны в приморских пещерах или под водой, в ручьях. Очень музыкальны, любят танцевать.

¹⁸ *Спригганы* – еще одна разновидность корнуолльского «маленького народца», хотя именно спригганы обладают способностью превращаться в великанов и иногда считаются духами древних гигантов. Как правило, обитают в развалинах и на курганах, где охраняют зарытые клады. Обладают крайне уродливой внешностью. В отличие от пикси не расположены к людям: насылают бури и град, крадут детей и оставляют вместо них подмешанной.

¹⁹ *Рагби* – одна из старейших (основана в 1567 г. Олренсом Шерифом, поставщиком овощей ко двору Елизаветы I) британских частных школ, расположена в одноименном городе в графстве Уорвикшир. Выпускниками этой школы в разные годы были Невилл Чемберлен, Томас и Мэтью Арнольды, Руперт Брук и Салман Рушди.

новых волос – и приговорил ее к семи годам ссылки. Отправить в Америку ее должны были на судне под названием «Нептун», командовал которым некий капитан Кларк. Итак, Эсси держала путь в Каролину; однако по дороге туда она – по предварительному умыслу – вступила в сговор с вышеупомянутым капитаном, коего и убедила отвезти ее обратно в Англию в качестве собственной капитана Кларка законной супруги, а также доставить ее в дом капитановой матери, в городе Лондоне, где ее решительно никто не знал. Обратное путешествие, после того как живой груз был обменян на табак и хлопок, прошел под знаком полного и счастливого согласия любящих сердец; капитан и его новообетенная невеста, подобно двум голубкам или паре порхающих бабочек, были не в силах друг от друга оторваться и едва ли не ежеминутно обменивались нежными прикосновениями, маленькими подарками и ласковыми словами.

По прибытии в Лондон капитан Кларк поселил Эсси в доме своей матери, которая обращалась с ней так, как подобает обращаться с молодой женой сына. Восемь недель спустя «Нептун» отправился в очередное плавание, и прекрасная новобрачная с каштановыми волосами на прощанье помахала с пирса мужу. После чего юная особа вернулась в дом свекрови и там, воспользовавшись отсутствием пожилой женщины, присвоила отрез шелка и серебряную кружку, где почтенная дама хранила пуговицы; прикарманив вышеперечисленные предметы, Эсси растворилась в лондонских трущобах.

За последующие два года Эсси сделалась профессиональной воровкой, специалисткой по магазинным кражам, чьи широкие юбки скрывали великое множество различных прегрешений, состоявших по большей части из краденых отрезков шелка и кружев, – и жила она полноценной насыщенной жизнью. Из всех превратностей судьбы Эсси умудрялась выходить как ни в чем не бывало и благодарила за это тех самых существ, о которых ей рассказывали еще в детстве, а именно пикси (чье влияние распространялось и на город Лондон, в этом она была свято уверена), и каждый вечер выставляла за окошко деревянную миску с молоком, пусть даже все ее товарки и покатывались над ней со смеху; хорошо смеется тот, кто смеется последним: товарки рано или поздно подхватывали сифон или триппер, а Эсси по-прежнему отличалась самым что ни на есть цветущим здоровьем.

Она уже год как стеснялась своего двадцатого дня рождения, когда судьба нанесла ей коварный удар: она сидела в трактире «Перекрещенные вилки» в Белл-ярде, позади Флит-стрит, и вдруг туда вошел молодой человек, прямиком из университета, и уселся поближе к огоньку. Ого! Этакое каплуна грех не ощипать, думает про себя Эсси, садится с ним рядом и начинает рассказывать ему о том, какой он замечательный – а одной рукой уже гладит ему колено, в то время как другая ее рука, куда более осторожно, отправляется на поиски карманных часов. И вдруг он смотрит ей прямо в глаза, и сердечко у нее подпрыгивает в груди, а потом падает в бездну, потому что глаза у него той самой пронзительной голубизны, какая бывает в небе перед бурей, и вот уже мастер Бартломью называет ее по имени.

Ее отвезли в Ньюгейт по обвинению в том, что она самовольно вернулась из ссылки. Выслушав обвинительный приговор, Эсси не удивила ровным счетом никого из присутствующих, представив в качестве последнего аргумента в свою защиту вздувшийся живот: впрочем, городские матроны, к помощи которых обычно прибегали в такого рода случаях (как правило, диагноз не подтверждался), все-таки испытали порядочный шок, когда им против воли пришлось-таки признать, что Эсси и впрямь ждет ребенка, назвать отца которого Эсси отказалась наотрез.

Смертный приговор был повторно заменен ссылкой, на сей раз пожизненной.

Теперь она отправилась в путь на «Русалке», трюмы которой набили двумя сотнями ссыльных, и было там людям тесно, как откормленным свиньям в телеге, по дороге на рынок. Дизентерия и лихорадка свирепствовали всюду; места не хватало даже на то, чтобы сесть, не говоря уже о том, чтобы лечь; в кормовой части трюма умерла родами женщина, а поскольку людей в трюм набили столько, что даже передать ее тело к люку не было никакой возможно-

сти, то и ее саму, и ребенка просто выпихнули наружу в крохотный кормовой порт, прямиком в бурное зеленое море. Эсси и сама была на восьмом месяце, и просто удивительно, как она умудрилась сохранить ребенка – тем не менее она его сохранила.

Всю оставшуюся жизнь ее будут преследовать ночные кошмары: ей будет сниться время, которое она провела в трюме «Русалки», она будет просыпаться с криком и чувствовать в глотке затхлую трюмную вонь.

«Русалка» бросила якорь в Норфолке, в Вирджинии, и контракт Эсси был выкуплен «мелким плантатором», специализировавшимся на выращивании табака фермером по имени Джон Ричардсон, у которого жена умерла от родильной горячки через неделю после того, как произвела на свет ребенка, и которому по этой причине нужна была разом кормилица и прислуга, способная выполнять все работы по дому.

Вот так и вышло, что новорожденный сынишка Эсси, которого она назвала Энтони, в память, по ее словам, о покойном муже, отце несчастного младенца (она отдавала себе отчет в том, что опровергнуть ее утверждение здесь некому, да к тому же, кто знает, вдруг она и в самом деле встречалась некогда с каким-нибудь Энтони), сосал материнскую грудь вместе с Филлидой Ричардсон, и хозяйский ребенок всегда получал грудь первым, так что девочка выросла здоровой, высокой и стройной, а вот собственный сын Эсси, который получал только то, что осталось, выдался хилым и рахитичным.

И вместе с молоком Эсси дети, по мере того как росли, впитывали ее сказки: о стукачках²⁰ и синих колпачках²¹, которые живут в шахтах; о Букке²², самом пакостном из всех корнуолльских духов, гораздо более опасном, чем рыжеволосые, с курносими носами пикси, – для которого первую пойманную рыбу всегда оставляют на камнях в зоне прилива, а в поле, в пору созревания пшеницы – свежеспеченную ковригу хлеба, чтобы обеспечить добрый урожай; рассказывала она им и про яблоневого деда – про старые яблони, которые время от времени, когда к ним возвращается память, умеют разговаривать, и которые нужно подкармливать первым сидром, полученным с нового урожая, и сидр этот нужно лить им в корни на самом повороте года – если, конечно, хочешь, чтобы и на следующий год урожай был хорошим. Она рассказывала им, мелодично, на традиционный корнуолльский лад растягивая гласные, каких деревьев следует опасаться, и пела специально для этого существующую песенку:

Ярым гневом пышет дуб,
Тяжкой думой вязнет вяз,
Те, кто ходит по ночам —
У ракитника в руках.

Она рассказывала им обо всем этом, и они верили, потому что верила она сама.

Ферма процветала, и каждую ночь Эсси Трегован выставляла на порог у задней двери фарфоровое блюдечко с молоком – для пикси. И однажды ночью, через восемь месяцев, Джон Ричардсон тихонько постучался в дверь к Эсси и попросил одарить его теми радостями, которыми только женщина может одарить мужчину, а Эсси объяснила ему, насколько глубоко

²⁰ *Стукачки (knockers)* – в корнуолльской мифологии рудничные «оловянные» гномы, которые живут в самых отдаленных (и заброшенных) местах подземных разработок и могут указать путь к богатым залежам руды тем, к кому относятся с симпатией. Как и прочие существа подобной природы, терпеть не могут навязчивого внимания со стороны людей. Не любят также свиста и крестного знамения – тем, кто злоупотребляет тем или другим, могут заморочить голову и завести в опасные места.

²¹ *Синие колпачки* – еще одна разновидность корнуолльских рудничных духов. Иногда готовы договориться с рудокопом, которому нужно отлучиться, и дать за него полную дневную выработку – за полную дневную оплату. Обманывать синих колпачков не рекомендуется.

²² *Букка* – корнуолльский аналог распространенных по всем британским островам персонажей с именами Пак, Пука, Поука и т. д. Чаще всего встречается в прибрежных районах (приношения Букке положено оставлять на берегу моря), насылает бури и грозы. Впрочем, встречается также и в шахтерском фольклоре.

задело и шокировало ее подобное предложение, поскольку кто она есть в этом доме – всего лишь сервентка, и положение у нее, несчастной вдовы, ничуть не лучше рабского, и вот мужчина, которого она так уважала, смотрит на нее как на какую-нибудь шлюху; а замуж сервентки выходить не имеют никакого права; да как ему только в голову пришло так издеваться над бедной девушкой, этого она понять не в состоянии – и ее прекрасные карие глаза наполнились слезами, и вот уже Джон Ричардсон просит у нее прощения, а закончилась эта сцена тем, что прямо здесь, в коридоре, у двери, в жаркую летнюю ночь, он встал перед Эсси Трегован на одно колено и предложил считать, что с этой минуты срок ее контракта истек, и тут же попросил ее выйти за него замуж. И после этого, хотя выйти за него замуж она согласилась, Эсси до самой свадьбы не провела с ним ни одной ночи – а после свадьбы перебралась из своей каморки на чердаке в хозяйскую спальню в передней части дома; и хотя некоторые друзья и знакомые фермера Ричардсона, а также их жены, перестали с ним здороваться, когда он в следующий раз приехал в город, гораздо большее число его друзей и знакомых придерживалось мнения, что новая миссис Ричардсон – чертовски привлекательная женщина, и что Джонни Ричардсону очень повезло, раз он отхватил этакий лакомый кусочек.

Через год она родила еще одного ребенка, тоже мальчика, но только светловолосого, точь-в-точь как его отец и единокровная сестра – и мальчика назвали Джоном, в честь отца.

Все трое детей ходили по воскресеньям в местную церковь, послушать заезжего проповедника, а еще в местную школу, чтобы научиться читать и считать, вместе с другими детьми с других окрестных ферм; а кроме того, Эсси не забывала им рассказывать о самых важных тайнах на свете, то есть о тайнах, связанных с пикси, рыжеволосыми людьми, глаза и одежда у которых зеленые, как вода в реке, а носы курносые, а сами они смешные, и глаза у них раскосые, но если им вдруг придет такая охота, они так тебя закружат-запутают, что забудешь, где твой дом и как тебя зовут, если, конечно, у тебя в кармане не окажется на такой случай щепотка соли или кусочек хлеба. Когда дети ходили в школу, у каждого из них в одном кармане была щепотка соли, а в другом кусочек хлеба, древние символы жизни и земли – просто на всякий случай, для уверенности, что они вернуться домой целыми и невредимыми: и они всегда возвращались, целыми и невредимыми.

Дети росли меж зеленых вирджинских холмов и выросли высокими и сильными (хотя Энтони, первый ее сын, всегда был слабее и бледнее двоих других, и в большей мере подвержен болезням и скверному расположению духа), семейство Ричардсонов жило счастливо; и Эсси любила своего мужа так, как только могла. Они жили как муж и жена десять лет кряду, а потом как-то раз у Джона Ричардсона развилась зубная боль, да такая сильная, что он упал с лошади. Его отвезли в ближайший город и вырвали зуб; но было уже слишком поздно, и его, стонущего и почерневшего лицом, свело в могилу заражение крови – и схоронили Джона Ричардсона под его любимой ивой.

И пришлось вдове Ричардсон управляться с фермой, пока двое детей и наследников мужа не встанут на ноги: она командовала рабами и сервентами, и раз в два года собирала урожай табака; вечером под Новый год она поливала сидром корни яблонь, а в пору созревания хлебов относилась в поле каравай свежесдобитого хлеба и никогда не забывала выставить на заднее крыльцо блюдечко с молоком. Ферма процветала, и за вдовой Ричардсон закрепилась репутация крепкого орешка, который торгуется за каждый пенни, но товар поставляет всегда самый отменный и даже не пытается ради пущей выгоды сбывать с рук третий сорт.

И еще десять лет все шло прекрасно; а потом настал плохой год, когда Энтони, ее сын, зарезал Джонни, своего единоутробного брата, в отчаянной ссоре из-за того, что дальше будет с фермой, и за кого нужно выдать замуж Филлиду; и были такие люди, которые говорили, что брата он убивать не собирался, что удар был дуровой и только по случайности оказался слишком глубоким – а были и такие, что придерживались противоположной точки зрения. Энтони ударился в бега, предоставив матери самой хоронить сына рядышком с мужем. И были

такие люди, которые говорили, что он удрал в Бостон, а были и такие, которым казалось, что он подался к югу, сама же Эсси придерживалась мнения, что он сел на корабль и уплыл в Англию, где нанялся в армию короля Георга и воюет теперь с мятежными шотландцами. Как бы то ни было, с исчезновением обоих сыновей ферма превратилась в пустыню, и в пустыню унылую, и Филлида бледнела и чахла с каждым днем, так, словно сердце ее было разбито, и как ни старалась мачеха, что ни говорила девушке, ничто не могло вернуть на ее уста улыбку.

Но из разбитого сердца каши не сварить, ферме нужен хозяин, и со временем Филлида вышла замуж за Гарри Сомза, который по профессии был корабельный плотник, но устал скитаться по морям и уже давно мечтал о деревенской жизни, и чтоб была своя ферма, точь-в-точь такая, как та, в Линкольншире, на которой он когда-то вырос. И невзирая на то, что ферма Ричардсонов мало напоминала линкольнширскую ферму, Гарри Сомз находил в ней вполне достаточное для счастья число совпадений. У Филлиды и Гарри родилось пятеро детей; выжили трое.

Вдова Ричардсон тосковала по своим сыновьям и по мужу она тоже тосковала, хотя от него теперь осталось разве что смутное воспоминание – о светловолосом человеке, который хорошо к ней относился. Детишки Филлиды прибегали к Эсси слушать сказки, и она рассказывала им про Черных Псов с Пустоши, про Череп и Кости, про Яблоневого Деда, но все это было им совсем неинтересно; а хотелось им сказок про Джека – про Джека и бобовое зерно, про Джека Победителя Великанов или про Джека, Джекова кота и короля. Она любила этих детишек так, будто они были ее плоть и кровь, хотя ей иногда и случалось называть их именами давно умерших людей.

Стоял месяц май, она вынесла стул в задний сад, чтобы нарвать горошка и почистить его на солнышке, ибо даже в роскошной вирджинской жаре холод теперь проникал ей в самые кости, совсем как иней – в волосы на голове, и лишней толике тепла она теперь всегда была рада.

Пока вдова Ричардсон перебирала горох, ей пришла мысль о том, как было бы здорово прогуляться еще хоть разок по болотистым пустошам и иссеченным солеными ветрами скалам родного Корнуолла, и еще ей вспомнилось, как она, совсем еще маленькая девочка, сидела на галечнике и ждала, когда вернется из серых морских далей отцовский корабль. Ее руки, утратившие былую ловкость, с распухшими суставами, лущили стручки, ссыпали налитые горошины в глиняную миску, а пустые стручки роняли в фартук, в ямку между коленями. Потом ей вспомнилось то, о чем она уже давным-давно не вспоминала: жизнь, которая канула в лету. Как эти вот самые пальцы, такие ловкие в былые времена, вытягивали из карманов кошельки и переправляли в укромные места отрезки шелка; а потом она вспомнила того стражника в Ньюгейтской тюрьме, который сказал ей, что дело ее будет слушаться еще месяца через три, не раньше, и что виселицы она сможет избежать, если на суде выяснится, что она беременна, и что красавица она – просто пальчики оближешь; и как она повернулась к стене и смело задрала юбки, в единый миг возненавидев и этого охранника, и себя саму, но прекрасно отдавая себе отчет в том, что он прав; и как чувство набухающей внутри нее жизни означало, что ей еще какое-то время удастся обманывать смерть...

– Эсси Трегован? – произнес незнакомый голос.

Вдова Ричардсон подняла голову, прикрыв глаза рукой от яркого майского солнышка.

– А мы что, с вами знакомы? – спросила она. Она не слышала, как он подошел к ней.

Человек был одет во все зеленое: пыльно-зеленые узкие панталоны, зеленая курточка, темно-зеленый сюртук. Он скалил во весь рот, волосы у него были морковно-рыжего цвета, а глаза – раскосые невероятно. Было в этом человеке что-то такое, отчего ей было радостно на него смотреть, и к этому добавлялось смутное чувство исходившей от него угрозы.

– Можно сказать и так, – сказал человек, – можно сказать и так.

Он посмотрел на нее раскосыми глазами сверху вниз, и она тоже сощурилась и попыталась отыскать в этой круглой физиономии хоть что-то знакомое. По виду он годился в ровесники любому из ее внуков, но назвал-то он ее старым именем, да и в голосе у него была знакомая ей с детства картавинка, сродни далеким корнуольским пустошам и скалам.

– Так вы из Корнуолла? – спросила она.

– Так точно, и зовут меня кузен Джек, – ответил рыжеволосый. – Или, скорее, раньше меня так звали, а теперь я обретаюсь в этом новом мире, где никто не удосужится выставить наружу для честного человека чуть-чуть молока или эля – или коврижку хлеба, когда поспевают хлеба.

Старуха поправила на коленях миску с горохом.

– Если вы тот, про кого я думаю, – сказала она, – то я с вами не в ссоре.

Было слышно, как где-то в глубине дома Филлида честит экономку.

– Да и я с тобой не ссорился, – сказал с оттенком грусти в голосе рыжеволосый, – хотя это именно ты привезла меня сюда, ты и еще горстка тебе подобных, в эту землю, где на волшебство ни у кого нет времени, и где нет места для пикси и прочих в том же роде.

– Вы часто помогали мне, в былые дни, – сказала она.

– И помогали, и мешали, – сказал раскосый незнакомец. – Мы – как ветер. Мы дуем в обе стороны.

Эсси кивнула.

– Возьмешь меня за руку, Эсси Трегован?

И он протянул ей руку. Она была сплошь веснушчатая, и хотя глаза у Эсси были уже не те, она успела разглядеть каждый рыжий волосок на тыльной стороне его ладони, отливавший золотом в послеполуденном солнце. Она закусила губу. А потом – нерешительно – вложила в его руку свою, пронизанную синими старческими жилками.

Она была еще теплая, когда ее нашли, – хотя жизнь уже утекла из ее тела, и гороха она успела вылущить едва ли половину.

Глава пятая

*Жизнь – это дама в расцвете лет,
У мистера Смерть – нездоровый вид:
Она ждет вас дома и варит обед,
Он в подворотне с кастетом стоит.*

У. Э. Хенли²³. Жизнь – это дама в расцвете лет

Утром в воскресенье проснулась, чтобы попрощаться с ними, одна только Зоря Утренняя. Она взяла у Среды сорок пять долларов и настояла на том, что непременно должна выписать ему расписку в получении денег – размашистым, с завитушками, почерком, на обороте просроченного талона на скидку при покупке безалкогольных напитков. Вид у нее в утреннем свете был совершенно кукольный – тщательный макияж на старушечьем лице, высоко заколотые золотые волосы.

На прощанье Среда поцеловал ей руку.

– Благодарю вас за гостеприимство, сударыня, – сказал он. – Вы и ваши очаровательные сестры по-прежнему лучезарны, как свет небесный.

– Ах ты, старый пакостник! – ответила она и погрозила ему пальцем. А потом обняла. – Береги себя. Мне бы очень не хотелось услышать о тебе дурные вести.

– Мне бы тоже очень этого не хотелось, милая моя.

Тени она пожалала руку.

– Вы очень понравились Зоре Полуночной, – сказала она. – И мне тоже.

– Благодарю вас, – поклонился Тень. – Спасибо за ужин.

– Так вам понравилось? – Она вздернула бровь. – Тогда заходите еще.

Среда и Тень пошли вниз по лестнице. Тень сунул руку в карман. Серебряный доллар был тут как тут, холодный и гладкий. С такой большой и тяжелой монетой ему еще ни разу не приходилось работать. Классический зажим в ладони; затем он выбросил руку перед собой, и монета как будто сама прыгнула в переднюю позицию – как тут и была, и держал он ее легко и незаметно, едва-едва прижав по гуртам мизинцем и указательным пальцем.

– Ловко, – кивнул Среда.

– Я только учусь, – сказал Тень. – Техническими навыками более или менее овладел. Труднее всего заставить людей смотреть на твою другую руку.

– Правда, что ли?

– Ага, – кивнул Тень. – Отвлекать внимание.

Он согнул средний и безымянный пальцы, просунув их под монету, и перевел ее на тыльную сторону ладони, чуть-чуть ослабив при этом зажим. Монета выскользнула у него из руки, ударилась о ступеньку и остановилась на полпролета ниже. Среда наклонился и поднял ее.

– Если тебе делают подарок, – сказал Среда, – подарок надо беречь. С такими вещами, как эта, вообще нужно быть очень осторожным. И пореже выпускать из рук. – Он принялся рассматривать доллар, сначала орла на аверсе, потом, на реверсе, – лик Свободы. – Да-да, госпожа Свобода. Красотка, а, как тебе кажется?

Он подбросил монету вверх, закрутив ее щелчком в сторону Тени, который тут же ее поймал и «убрал» – по всей видимости уронив в левую руку, хотя на самом деле она осталась в правой, после чего левая его рука подчеркнута «сунула» монету в карман. Доллар, между тем, остался сиять в его правой руке. Прохладная тяжесть монеты действовала на него успокаивающе.

²³ Уильям Эрнест Хенли (1849–1903) – британский поэт, критик и издатель, прототип Долговязого Джона Сильвера из романа Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (в возрасте 12 лет у Хенли, больного костным туберкулезом, отняли левую ногу).

– Госпожа Свобода, – вздохнул Среда. – Иностранка, как и большая часть тех богов, которых так почитают американцы. В данном случае француженка. Хотя французы, оберегая чувствительность американских граждан, и прикрыли ее роскошную грудь, когда делали этот подарок. Свобода, – продолжил он, сморщив нос при виде лежавшего на нижней ступеньке использованного презерватива и с видимым отвращением отодвинув его ногой в сторону. – Кто-нибудь ведь может и поскользнуться на этой штуке. И шею себе сломать, – пробормотал он, отвлекшись на секунду от главной темы. – Все равно, что шкурка от банана, только на вкус похуже, и с иронической начинкой. – Он толчком распахнул входную дверь, и в глаза им ударил солнечный свет. – Свобода! – рокотал Среда, пока они шли к машине. – Это шлюха, которую нужно употреблять на подстилке из трупов.

– Ты действительно так считаешь? – поинтересовался Тень.

– Цитата, – отмахнулся Среда. – Из какого-то француза. Вот кому они поставили памятник в Нью-Йоркской гавани: шлюхе, которая любила трахаться на куче мусора. Держи-держи свой факел, дорогуша, повыше его поднимай, а в подоле-то у тебя снуют крысы, а по ноге твоей ползет вниз струйка холодной малафьи.

Он отпер машину и ткнул Тени пальцем на пассажирское место.

– А я считаю, что она и впрямь красавица, – сказал Тень, зажав монету в кулаке. Серебряный лик Свободы немного напоминал ему лицо Зори Полночной.

– Вот она, – сказал Среда, вырвав с подъездной дорожки, – извечная дурь человеческая. Гнаться за сладкой плотью, не отдавая себе отчета в том, что это не более чем изящная оболочка, упаковка для костей. Корм для червей. И по ночам ты трешься о червячий корм. Никого не хотел обидеть.

Тень еще ни разу не видел Среду таким возбужденным. Значит, подумал он, вот как обстоят дела: фазы экстравертности сменяются у моего нового босса периодами полного спокойствия.

– Так ты, значит, не американец? – спросил Тень.

– А кто американец? – тут же вскинулся Среда. – Американцев по происхождению в природе не существует. Вот об этом-то я тебе и толкую, – он глянул на часы. – До закрытия банков нам с тобой нужно убить еще несколько часов. Кстати, здорово это ты вчера, с Чернобогом. Рано или поздно я бы и сам его уломал, но ты поставил его под знамена так легко и изящно, как у меня самого ни за что бы не вышло.

– Правда, самого меня потом за это убьют.

– Не факт. Как ты сам изволил совершенно справедливо заметить, он стар, удар у него уже не тот, и для тебя это может закончиться всего лишь, скажем, возможностью остаться парализованным до конца твоих дней. Безнадежным калекой. Так что у тебя есть на что надеяться – если, конечно, мистер Чернобог переживет грядущие лихие времена.

– А в этом есть какие-то серьезные сомнения? – поднял голову Тень. Он откровенно передразнил манеру Среды: и очень себе в этой роли не понравился.

– Серьезнее, твою мать, некуда, – сказал Среда, вырвав на парковку возле банка. – Вот, – обернулся он к Тени, – банк, который я намереваюсь ограбить. До закрытия еще несколько часов. Давай зайдем и поздороваемся.

Он махнул Тени рукой: выходи. Тот нехотя выбрался из машины. Если старик вознамерился совершить какую-нибудь глупость, подумал Тень, какого черта светиться перед камерами. Но любопытство подталкивало его в спину, и он пошел к дверям банка. Смотреть он старался вниз, то и дело тер нос – и вообще делал все, чтобы понадежнее спрятать лицо.

– Извините, мэ, а где у вас депозитные бланки? – обратился Среда к скучающей барышне-оператору.

– Вон там.

– Превосходно. А если я захочу оформить ночной депозит?..

– Заполняйте ту же самую форму, – она улыбнулась. – Вы знаете, где автомат для ночных депозитов? Слева от главной двери, дорогуша, прямо в наружной стене.

– Премного благодарен.

Среда зацепил сразу несколько депозитных бланков и улыбнулся девушке на прощанье, после чего они с Тенью вышли на улицу.

Секунду Среда постоял на тротуаре, задумчиво почесывая бороду. Потом подошел к встроенным в стену банкомату и ночному сейф-приемнику и внимательно их осмотрел. После чего перешел через дорогу в супермаркет, где купил себе шоколадное мороженое с карамельной начинкой, на палочке, а Тени – чашку горячего шоколада. Возле входа, прямо под доской, сплошь завешанной объявлениями о сдаче квартир и о щенках-котятках, которым нужен дом и добрый хозяин, висел телефон-автомат. Среда подошел и списал номер автомата. Потом они снова перешли через дорогу.

– Чего нам не хватает, – сказал вдруг Среда, – так это снега. Доброго, основательного, лезущего людям в глаза снегопада. Будь добр, подумай ради меня о снеге, хорошо?

– Что?

– Сконцентрируйся вон на тех облаках – видишь, вон там, к западу – и представь, что они становятся все темнее и гуще. Думай о низком нависшем небе и пронизывающем ветре, прямым из самой Арктики. Думай о снеге.

– Сдается мне, толку от этого будет немного.

– Чушь собачья. В любом случае, тебе будет чем заняться, – буркнул Среда, отпирая машину. – А теперь едем в «Кинкоз»²⁴. Пошевеливайся.

Снег, подумал Тень, сидя на пассажирском сиденье и прихлебывая свой шоколад. Тяжелые, завораживающие хлопья снега кружатся в воздухе, белая мишура на фоне темно-серого неба, снег, который пахнет зимой и холодом, который иголочками колет язык и осторожными поцелуями покрывает тебе лицо перед тем, как заморозить насмерть. Двенадцать дюймов сахарной ваты, и мир превращается в волшебную сказку, и все вокруг становится прекрасным до неузнаваемости...

Среда уже давно что-то говорил, обращаясь к нему.

– Прошу прощения? – встрепнулся Тень.

– Я говорю, приехали, – повторил Среда. – По-моему, ты где-то не здесь.

– О снеге задумался, – сказал Тень.

В «Кинкоз» Среда первым делом принялся ксерокопировать банковские депозитные бланки. Потом заказал у оператора два набора по десять визитных карточек. У Тени начала болеть голова, а между лопатками на спине поселилось какое-то неприятное ощущение; должно быть, просто спал в неудобной позе, подумал он, спасибо чумурудному диванчику из чумурудной квартиры.

Среда перебрался за компьютерную стойку, сочинил письмо, а потом позвонил оператору и с его помощью вывел на печать несколько объявлений, в крупном формате.

Снег, думал Тень. Где-то там, высоко-высоко, вокруг микроскопических частичек пыли формируются идеальной чистоты ледяные кристаллы, идеальные кружевные вариации на тему фрактала. И пока эти снежные кристаллы падают вниз, они слипаются в хлопья, покрывая Чикаго роскошной белой пеленой, дюйм за дюймом...

– Держи, – сказал Среда. Он протянул Тени чашку «кинковского» кофе с плавающим на поверхности комком полурастворившихся порошковых сливок. – И хватит уже, наверно.

– Чего хватит?

– Снега. Мы же не хотим, чтобы весь этот город засыпало доверху, правда?

²⁴ Kinko's – копировальный центр с возможностью самообслуживания.

Небо снаружи было равномерного темно-серого цвета, как борт дредноута. И с этого неба – именно так – всюду сыпал снег.

– Ты же не хочешь сказать, что это сделал я? – слабым голосом сказал Тень. – В смысле, я ведь не делал ничего подобного? На самом-то деле, а?

– Пей кофе, – сказал Среда. – Дерьмовый, понятное дело, но от головной боли хоть чуть-чуть да поможет. – А потом добавил: – Хорошая работа.

Среда расплатился с «кинковским» оператором и вышел на улицу, удерживая между пальцами все свои объявления, письма и карточки. Он открыл багажник, загрузил бумаги в металлический, инкассаторского вида кейс – и закрыл его. А потом протянул Тени визитную карточку.

– Кто такой, – спросил Тень, – А. Хэддок, начальник службы безопасности, Охранная компания А1?

– Это ты.

– А. Хэддок?

– Так точно.

– А что значит это А?

– Альфредо? Альфонс? Августин? Амброуз? Выбирай сам.

– Ага, понятно.

– А меня зовут Джеймс О’Горман, – сказал Среда. – Для друзей – просто Джимми. Уловил? И у меня тоже есть карточка.

Они вернулись в машину. Среда сказал:

– Если и про А. Хэддока ты будешь думать столь же убедительно, как про снег, к вечеру у нас образуется куча ласково шуршащих банкнот, с помощью которых мы на славу угостим всех моих друзей.

– Я не хочу обратно в тюрьму.

– А тебе никто и не предлагает туда возвращаться.

– Мне кажется, мы договорились, что ничего противозаконного я делать не стану.

– А ты ничего противозаконного и не сделаешь. В какой-то мере это можно будет квалифицировать как пособничество и содействие, по предварительному, естественно, сговору с другими лицами, со вполне понятной целью получения – в дальнейшем – незаконно изъятых денежных средств, но поверь мне, выйдешь ты из этого дела, благоухая, как майская роза.

– До или после того, как этот твой славянский Чарли Атлант²⁵ проломит мне одним ударом череп?

– Глаза у него уже не те, – сказал Среда. – Может, он вообще промахнется, вчистую. А теперь нам нужно убить еще какое-то количество времени: видишь ли, банки, они по субботам закрываются ровно в полдень. Может, заодно и пообедаем?

– С удовольствием, – сказал Тень. – Я просто умираю с голоду.

– Знаю я тут одно местечко, – Среда выкрутил руль и принялся мурлыкать довольно бойкую мелодию, Тени решительно незнакомую. Снег шел уже всюду, роскошными белыми хлопьями, точно такими, как представлял себе Тень – и он вдруг почувствовал нелепый прилив гордости. Умом он, конечно, понимал, что не имеет к этому снегу никакого отношения, точно

²⁵ *Charles Atlas*, урожденный Анджело Сицилиано (1892–1972) – создатель системы бодибилдинга. Добился весьма впечатляющих результатов в наращивании рельефной мышечной массы, при том, что в юности был, по его собственным словам, «лядащим слабаком». Принял псевдоним «Чарльз Атлант» после того, как один из приятелей сказал ему, что он похож на статую Атланта, венчающую отель на Кони-Айленде; в 1922 году псевдоним превратился в официальные имя и фамилию. Впоследствии позировал для множества статуй, стал образцом для подражания для нескольких поколений бодибилдеров (включая Арнольда Шварценеггера) и вошел в американскую мифологию через посредство стандартного сюжета (неоднократно использованного в рекламных компаниях, сериях комиксов и т. д.) о «лядащем слабаке», для которого очередное унижение становится поводом для того, чтобы изменить себя.

так же, как то, что серебряный доллар, лежавший у него в кармане, – не луна, и луной никогда не был. И все-таки...

Они остановились возле большого, похожего на ангар здания. Вывеска гласила, что здешний шведский стол (ешь-сколькo-влезет) обойдется в четыре девяностo девять с человека.

– Люблю я эту забегаловку, – сказал Среда.

– Что, кухня хорошая? – спросил Тень.

– Да нет, не так чтобы очень, – отозвался Среда. – Но атмосфера здесь просто незабываемая.

Атмосфера, которая была так мила сердцу Среды, – как выяснилось после обеда (Тень съел жареную курицу, очень даже неплохо приготовленную) – относилась к торговому комплексу, занимавшему всю заднюю часть помещения: в самом центре зала висел транспарант с извещением о том, что именуется сие предприятие «Постоянно действующей распродажей обанкротившихся и ликвидированных компаний».

Среда удалился к машине и вернулся с маленьким чемоданчиком, с которым и проследовал в мужской туалет. Тень прикинул, что в детали задуманной Средой аферы его так или иначе рано или поздно посвятят, вне зависимости от его собственного на сей счет мнения, так что он просто отправился на прогулку между стеллажами, разглядывая выставленные на распродажу товары: коробки с кофе «исключительно для использования в кофейных машинах, принадлежащих авиакомпаниям», выводок черепашек-ниндзя, гарем Зен-Королев-Воинов, плюшевых мишек, которые, если подключить их к сети, принимались выстукивать на ксилофоне патриотические мелодии, банки с тушенкой, галоши и бахилы, пастилу, подарочные часы президентской кампании Билла Клинтона, миниатюрные искусственные рождественские елки, солонки и перечницы в форме зверушек, частей тела, фруктов и монахинь, а также – Тени он больше всего понравился – набор для изготовления снеговика под названием «просто добавь морковку», в который входили пластмассовые глаза-угольки, трубка из кукурузного початка и пластмассовая же шляпа.

Думал Тень о том, как можно отвести человеку глаза так, что он и впрямь поверит, будто луна сошла с неба и превратилась в серебряный доллар, – и что может заставить женщину вылезти из могилы и идти потом через весь город, чтобы просто поговорить.

– Правда, замечательное местечко? – спросил Среда, появившийся из мужского туалета. Руки у него были мокрые, и он вытирал их на ходу носовым платком. – У них там кончились бумажные полотенца, – пояснил Среда. Он успел переодеться. Теперь на нем была темно-синяя куртка, такие же брюки, синий вязаный галстук, плотный синий джемпер, белая сорочка и черные туфли. Выглядел он точь-в-точь как сотрудник охранной компании, о чем Тень его тут же известил.

– И знаете, что я вам на это скажу, молодой человек, – проговорил в ответ Среда, подцепив с полки коробочку с плавающими пластмассовыми аквариумными рыбками («*Не сдохнут никогда – и кормить не надо!*»), – у вас замечательная интуиция. Как, кстати, насчет Артура Хэддока? Славное имя – Артур.

– И главное – редкое.

– Ну, на тебя не угодишь. Тогда сам придумывай. Давай-ка двигать обратно в город. Наше банковское ограбление не терпит отлагательств, а после него у меня появится некоторое количество карманных денег.

– Порядочные люди, – сказал Тень, – деньги на карманные расходы берут в банкоматах.

– Знаешь, тебе это может показаться странным, но примерно это я как раз и собираюсь сделать.

Машину Среда поставил на парковке у супермаркета, напротив банка. Извлек из багажника металлический кейс, планшет с бумагодержателем и наручники. Наручниками он пристегнул кейс к собственному левому запястью. Снег валил по-прежнему. Среда надел на голову

синюю фуражку и прицепил к нагрудному карману куртки эмблему на липучке. И на кокарде, и на эмблеме красовался один и тот же логотип: А1, СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ. В бумагодержатель он вставил пачку депозитных бланков. И – как-то вдруг съежился, в мгновение ока превратившись в потертого бывшего полицейского, с пивным животиком и горестной складкой у рта.

– Ну вот, – сказал он, – ступай теперь, купи чего-нибудь поесть, а потом задержись у телефона-автомата. Если кто-нибудь начнет задавать вопросы, скажи, что ждешь звонка от подружки, у которой сломалась машина.

– И почему, спрашивается, ей взбрело в голову звонить мне именно сюда?

– А тебе откуда знать, почему ей в голову взбрело именно это?

Среда нацепил пару выдавших виды розовых меховых наушников. Закрыв кейс. Снежинки уже начали оседать на фуражке и наушниках.

– Как видец? – поинтересовался он.

– Нелепый, – ответил Тень.

– Нелепый?

– Ну, или, может быть, просто дебилный, – подумав, добавил Тень.

– Ммм. Нелепый и дебилный. То, что нужно, – улыбнулся Среда. Из-за этих дурацких наушников ему отчего-то и впрямь хотелось верить, он был забавный и – милый. Он перебежал через дорогу и двинулся по направлению к банку; Тень, в свою очередь, зашел в супермаркет и принялся за ним наблюдать.

Среда прилепил к банкомату большую красную бумажку с извещением о том, что аппарат не работает. Щель сейфа для ночных депозитов он заклеил красной же лентой, а сверху пристроил выведенное на принтере объявление. Тень с нарастающим чувством удивления прочел:

ИЗВЕЩАЕМ ВАС О ТОМ, ЧТО В ДАННОЕ ВРЕМЯ ПРОВОДЯТСЯ РАБОТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА РАБОТЫ С КЛИЕНТАМИ. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА.

Закончив оформлять сцену, Среда развернулся на сто восемьдесят градусов и встал лицом к улице. Вид у него был замерзший и несчастный до крайности.

К банкомату подошла какая-то девушка. Среда покачал головой и объяснил, что аппарат не работает. Она выругалась, извинилась за то, что выругалась, и побежала дальше.

Подъехал автомобиль, из автомобиля вышел мужчина, в руках у него были маленький серый мешочек и ключ. Тень стоял и смотрел, как Среда рассыпается перед этим человеком в извинениях, потом подставляет ему планшет, чтобы тот расписался, изучает его депозитную карточку, старательно, едва ли не высунув язык, выписывает квитанцию, путается в том, какую именно бумажку отдать клиенту – оригинал или копию, – и наконец открывает свой большой металлический кейс и кладет туда серый мешочек.

Клиент дрожал и переминался с ноги на ногу в ожидании, пока престарелый банковский служащий покончит со всей этой канцелярской чепухой и сам он сможет оставить свои ценности на хранение, вернуться в теплый салон машины и рвануть дальше, по своим делам; наконец, он получил свою квитанцию, прыгнул в машину и умчался.

Среда перешел через дорогу, согнувшись под тяжестью металлического кейса, и купил себе в супермаркете стаканчик кофе.

– День добрый, молодой человек, – покровительственно усмехнулся он, проходя мимо Тени. – Что, не май месяц на дворе, да?

После чего вернулся на свой боевой пост и принялся собирать серые мешочки и конверты у людей, которые в этот стылый холодный вечер спешили отдать на хранение свои сбережения и ценности: славный старый служака в смешных розовых наушниках.

Тень купил себе несколько журналов – «Терки хантинг», «Пипл» и «Уикли уорлд ньюс», последний только из-за очаровательной фотографии снежного человека на обложке – и снова выглянул через витрину наружу.

– Могу я вам чем-то помочь? – обратился к нему средних лет чернокожий мужчина с седыми усами. Судя по всему, здешний менеджер.

– Да нет, спасибо большое. Я тут звонка жду. У подружки машина сломалась.

– Аккумулятор, скорее всего, – кивнул менеджер. – Народ вечно забывает, что эти штуки работают года три, не больше. Ну, четыре. И стоят-то гроши.

– Она мне сейчас все расскажет, – поднял на него глаза Тень.

– Ладно, громила, удачи тебе, – сказал менеджер и вернулся обратно в супермаркет.

Снег превратил все происходившее на улице в сценку внутри хрустального шара, где каждая деталь видна отчетливо, как под микроскопом.

Тень стоял и смотрел, и ему становилось все интереснее. Голосов через улицу и через стекло он, естественно, слышать не мог, и впечатление было такое, будто он смотрит изысканный немой фильм, целиком построенный на пантомиме и выразительной игре актеров: и главным героем здесь был суровый старый служака, может быть, немного неуклюжий, но зато безукоризненно честный и преисполненный самых благих намерений. Каждый человек, который отдавал ему свои деньги и шел дальше, чувствовал себя чуть-чуть счастливее, чем до встречи с ним.

А потом к банку подъехала полицейская машина, и сердце у Тени ушло в пятки. Среда приложил два пальца к козырьку фуражки и подошел к патрульной машине. Он сперва что-то сказал, потом поздоровался с обоими полицейскими через открытое окно и принялся рыться в карманах, пока не выудил из них визитную карточку и письмо, которые тут же протянул им в окошко. И – отхлебнул глоток кофе.

Зазвонил телефон. Тень снял трубку и изо всех сил постарался сделать так, чтобы голос у него звучал как можно более устало.

– Служба безопасности А1, – сказал он.

– Могу я поговорить с А. Хэддоком? – спросил сидящий на другой стороне улицы в патрульном автомобиле полицейский.

– Анди Хэддок на проводе, – небрежно уронил Тень.

– Да-да, мистер Хэддок, это полиция беспокоит, – сказал ему коп с той стороны дороги. – Вы отправляли сотрудника к Первому Иллинойскому банку, на угол Маркет и Второй?

– Ну да. Так точно. Джимми О’Гормана. А что, намечаются какие-то проблемы, офицер? Джим прилично себя ведет? Он, случаем, не выпимши?

– Да нет, никаких проблем, сэр. С вашим сотрудником все в совершенном порядке. Просто хотел удостовериться, что все идет как надо.

– Послушайте, офицер, передайте Джиму, что если он еще раз попадет на том, что прикладывается к бутылке в рабочее время, мы его уволим. Вы меня поняли? К чертовой матери. Без выходного пособия. У нас в А1 с этим шутки плохи.

– Видите ли, сэр, я не считаю, что должен передавать ему что бы то ни было в этом роде. Он прекрасно справляется со своей работой. Мы и подъехали только потому, что, как правило, такого рода операции осуществлять должны двое сотрудников. Оставлять одного невооруженного сотрудника с такой суммой денег просто опасно.

– Вот только не надо меня учить, хорошо? А еще того лучше – расскажите это жлобам из Первого Иллинойского. Я своих ребят под это дело подставляю, офицер. Хороших ребят. Таких же, как вы, офицер! – Тень начинал входить в образ. Он просто чувствовал, как буквально на глазах превращается в Анди Хэддока, что в пепельнице перед ним лежит изжеванная дешевая сигара, а на столе громоздится куча бумаг, с которыми нужно разобраться до ухода

со службы, что у него дом в Шомберге и любовница, которая живет в маленькой квартирке на Лейк-Шор-драйв. – Знаете, мне кажется, вы очень способный молодой человек, офицер, э-э...

– Майерсон.

– Офицер Майерсон. В общем, если захотите подработать на выходные или если вам придет в голову идея уйти из полиции – по любым причинам, – позвоните мне в А1, хорошо? У вас есть моя карточка?

– Так точно, сэр.

– Не теряйте ее, – сказал Анди Хэддок. – В общем, жду вашего звонка.

Патрульная машина тронулась с места, и Среда потопал по снегу обратно, туда, где уже выстроилась небольшая очередь из людей, жаждущих отдать ему деньги.

– Ну что, все у нее в порядке? – спросил менеджер, высунувшись на минутку из-за стеклянной двери. – У этой вашей подружки?

– Аккумулятор, как и следовало ожидать, – пожал плечами Тень. – Стой тут теперь и жди ее.

– Женщины, – развел руками менеджер. – Надеюсь, ваша хотя бы стоит того, чтобы ее ждали.

Спустились зимние сумерки, тусклый вечерний свет начал понемногу переплавляться в ночь. Зажглись фонари. Людей, которые отдавали Среде свои ценности, становилось все больше. Внезапно, словно повинуясь какому-то сигналу, Среда подошел к стене, снял все свои наклейки и быстрым шагом двинулся через дорогу, через снежную кашу, по направлению к стоянке. Тень подождал еще минуту и пошел следом.

Среда расположился на заднем сиденье. Он уже успел открыть металлический кейс и методично раскладывал его содержимое – аккуратными стопками.

– Трогай, – сказал он. – Едем в отделение Первого Иллинойского на Стейт-стрит.

– Дубль два, что ли? – спросил Тень. – Тебе не кажется, что два раза подряд испытывать удачу – это уже слишком?

– А кто тебе сказал про дубль два? – ощерился Среда. – Мы туда едем, чтобы совершить несколько банковских операций.

Пока Тень вел машину, Среда сидел на заднем сиденье, горстями доставал из депозитных мешочков купюры, оставляя в неприкосновенности чеки и квитанции по кредитным картам; из некоторых конвертов он тоже вынимал наличные, хотя и не изо всех подряд. Деньги он бросал обратно в кейс. Тень притормозил у банка, метрах в пятидесяти от входа, с гарантией не попасть в поле обзора камер наружного наблюдения. Среда выбрался из машины и принялся заталкивать конверты в щель ночного приемника. Потом открыл ночной сейф и покидал туда серые мешочки. И закрыл сейф.

Он сел на пассажирское сиденье.

– Двигай на I-90, – сказал он. – Смотри на указатели. Мы едем на запад, в сторону Мэдисона.

Тень тронулся с места.

Среда оглянулся на оставшийся позади банк.

– Ну вот и все дела, молодой человек! – радостно проговорил он. – Это окончательно собьет их с толку. Конечно, если нужны по-настоящему большие деньги, подобную операцию следует производить в воскресенье, в половине пятого утра, когда ночные клубы и бары скидывают ночную выручку. Попался тебе нужный банк и нужный парень с хорошей суммой денег – знаешь, они подбирают таких здоровенных честных ребят, а иногда еще приставляют к ним пару горилл для порядка, вот только ребята эти как правило звезд с неба не хватают – и ты вполне можешь унести в клюве четверть миллиона долларов. За один вечер работы.

– Если все настолько просто, – буркнул Тень, – почему не каждый второй в этой стране зашибает деньги именно таким образом?

– В занятии этом тоже есть определенный риск, – сказал Среда, – в особенности в половине пятого утра.

– Хочешь сказать, что копы в это время становятся особенно подозрительными?

– Да нет. А вот гориллы – становятся. И события могут пойти по довольно странному сценарию.

Он пробежал пальцами по пачке пятидесятидолларовых купюр, добавил сверху пачку двадцаток, потоньше первой, и протянул обе пачки Тени.

– Держи, – сказал он. – Твой первый недельный заработок.

Тень, не пересчитывая, сунул деньги в карман.

– Значит, именно этим ты и занимаешься? – спросил он. – Это и есть твой способ зарабатывать деньги?

– Время от времени, не более того. Только в тех случаях, когда за короткое время нужно найти большую сумму денег. Как правило, я получаю деньги от людей, которые даже не отдают себе отчета в том, что их кинули, которые никогда не жалуется и всегда готовы выстроиться в очередь, чтобы я кинул их еще раз, если мне случится опять проезжать мимо.

– Этот парень, Суини, помнится, назвал тебя жуликом.

– Правду сказал. Но к этой профессии мой способ жить ничуть не сводится. И тебя, Тень, эта сторона моей биографии касаться будет в последнюю очередь.

Снаружи стояла ночь: снег кружил в свете фар и бился о лобовое стекло. Зрелище было завораживающее.

– Эта страна – единственная в мире, – сказал вдруг в полной тишине Среда, – которая никак не может взять в толк, что такое она собой представляет.

– Как-как?

– Все остальные отдают себе отчет в том, кто они и что они. Кому, спрашивается, придет в голову отправляться на поиски сердца Норвегии? Или там – где живет душа Мозамбика. Они и так знают, кто они такие.

– И что дальше?

– Да нет, ничего, просто мысли вслух.

– Значит, ты успел объехать полсвета, я правильно понимаю?

Среда ничего ему на это не ответил. Тень посмотрел на него.

– Нет, – вздохнул Среда. – Нет. Нигде-то я не был.

Они остановились на бензоколонке; Среда отправился в туалет, в темно-синей униформе и с чемоданчиком в руке, а вышел оттуда в шикарном, с иголки светлом костюме, коричневых туфлях и слегка укороченном, по колено, коричневом же пальто, сшитом, судя по всему, в Италии.

– А когда мы доберемся до Мэдисона – что будет дальше?

– Свернем на хайвей-четырнадцать, на запад, к Спринг-Грин. Встреча у нас назначена в месте под названием Дом-на-Скале. Ты когда-нибудь там бывал?

– Не доводилось, – сказал Тень. – Только рекламные щиты видел.

В этой части обитаемого мира рекламные щиты Дома-на-Скале были повсюду: что именно в них рекламировалось, было не совсем понятно, однако по всему Иллинойсу, по всей Миннесоте и по всему Висконсину, а пожалуй, подумал Тень, и вплоть до самой Айовы, забыть о существовании Дома-на-Скале у едущего по дороге человека никак не получится. Щиты Тень видел и даже давал себе труд над ними задуматься. Интересно, этот дом и вправду торчит на самой вершине скалы? И что в этой скале такого интересного? А в доме? Впрочем, надолго его обычно не хватало, и он выбрасывал все это из головы. Не тот он был человек, чтобы его привлекали придорожные достопримечательности.

С федеральной трассы они съехали в Мэдисоне, проследовали мимо забранного в строительные леса купола нового законодательного собрания штата (еще одна великолепная картинка внутри полного кружащихся снежинок стеклянного шара) и начали плутать по каким-то местного значения дорогам. После того как примерно час подряд им попадались городишки с названиями вроде Чернозем, они свернули на узкое боковое ответвление меж двух запыленных снегом каменных ваз, обвитых похожими на ящериц драконами. Обсаженная деревьями парковка была почти пуста.

– Скоро совсем закроются, – сказал Среда.

– Так и что это за место? – спросил Тень, пока они шли через парковку к приземистому, неказистому на вид зданию.

– Придорожная достопримечательность, – ответил Среда. – Одна из самых-самых. И следовательно, место магическое.

– Не понял.

– Проще некуда, – сказал Среда. – В других странах, из века в век, люди постепенно распознавали свои магические места. Это мог быть какой-нибудь природный объект, ну, или обычное место, но только – необычное. До них доходило, что в такого рода местах происходит нечто важное, что это – словно бы некий фокус, канал, окно в Вечность. Ну, и они строили в таком месте храм или собор, или просто круг из поставленных на попа камней, или... ну, в общем, ты понял.

– В Штатах тоже церквей хоть отбавляй, – сказал Тень.

– В каждом городе. А то и в каждом квартале. И в нашем смысле толку от них примерно столько же, сколько от зубокабинетов. Нет, в Соединенных Штатах людям, конечно, тоже случается слышать зов, по крайней мере некоторым: живет человек, живет, и вдруг до него доходит, что к нему обращаются некие высшие силы из глубин неведомых, и он подпрыгивает с места и сооружает из пивных бутылок уменьшенную копию какого-нибудь чуда света, которое сам в глаза не видел, или воздвигает гигантское гнездилище летучих мышей, причем в какой-нибудь такой части страны, где летучих мышей отродясь не водилось. Придорожные достопримечательности: людей вдруг начинает с сумасшедшей силой тянуть в некое место, в котором – будь это в какой-нибудь другой стране мира – им бы и впрямь удалось пообщаться с той частью их же собственной души, которая не от мира сего; и там они покупают себе хот-дог, болтаются какое-то время по округе, и чувствуют удовлетворение, объяснить которое словами они не в состоянии – и глубокую неудовлетворенность где-то внутри, там, куда вообще не привыкли заглядывать.

– Теории у тебя, конечно, иногда бывают просто убойные, – сказал ему на это Тень.

– Какие, на хрен, теории? Чистой воды практика, молодой человек, – вскинулся Среда. – Уж к настоящему-то моменту тебе давно следовало это понять.

Из нескольких билетных окошек открыто было лишь одно.

– Продажа билетов прекращается через полчаса, – сказала кассирша. – У нас, понимаете, чтобы все как следует обойти, часа два нужно, не меньше.

Среда заплатил за билеты наличными.

– А где скала? – спросил Тень.

– Под домом, – ответил Среда.

– А дом где?

Среда поднес палец к губам, и они пошли дальше. Где-то впереди пианола мучила мелодию, в которой смутно угадывалось Равелево «Болеро». Больше всего дом оказался похож на перестроенное в конструктивистском стиле холостяцкое логово шестидесятых: стены из дикого камня, на полах ковровые, а еще на удивление уродливые грибообразные люстры из цветного стекла. На второй этаж вела винтовая лестница: там обнаружилась еще одна комната, сплошь уставленная какими-то дурацкими сувенирами.

– Говорят, выстроил этот дом злой брат-близнец Фрэнка Ллойда Райта, – сказал Среда. – По имени Фрэнк Ллойд Ронг²⁶.

И хихикнул над собственной шуткой.

– Я уже видел эту надпись на футболке, – сказал Тень.

Потом они снова поднимались и спускались по лестницам, пока не очутились в длинной-предлинной комнате, сплошь из стекла, которая подобно игле торчала над безлистным черно-белым пейзажем, расстилавшимся в нескольких сотнях метров внизу. Тень стоял и смотрел, как падает, закручиваясь гигантскими спиралями, снег за окном.

– Это и есть Дом-на-Скале? – с несколько озадаченным видом спросил он.

– Ну да, более или менее. Это Зал Бесконечности, часть дома, хотя именно эту часть построили несколько позже, чем все остальное. Но в целом ответ отрицательный, поскольку мы с тобой, молодой человек, даже близко еще не подошли к тому, что этот дом в состоянии нам предложить.

– Следовательно, если верить твоей теории, – сказал Тень, – самое святое место во всей Америке – это «Мир Уолта Диснея».

Среда нахмурился и погладил бороду.

– Уолт Дисней скупил несколько апельсиновых рощ в центре Флориды и выстроил на их месте городок для туристов. Никакой магии в этом нет и не было. Вот разве что в Диснейленде, каким он был изначально. Там кое-что могло и проклюнуться, в довольно странной форме, и вытянуть оттуда эту магию было бы непросто. Хотя есть во Флориде такие места, из которых магия едва ли не фонтаном бьет. Нужно только смотреть как следует, чтобы видеть. Ну а что касается русалок из Вики Вачи²⁷... Иди за мной, сюда.

Повсюду в доме звучала музыка: резковатая и нестройная, то и дело сбивающаяся с ритма и такта. Среда вынул пятидолларовую купюру и вставил ее в разменный аппарат, который выплюнул ему взамен пригоршню медных жетонов. Один он запустил в сторону Тени, который поймал металлический кружок и, заметив, что на него смотрит какой-то мальчонка, зажал жетон между указательным и большим пальцами и – заставил бесследно исчезнуть. Мальчик тут же подбежал к матери, которая разглядывала одного из вездесущих Санта Клаусов – «НАС ШЕСТЬ С ЛИШНИМ ТЫСЯЧ!» – гласила вывешенная рядом со статуей табличка, – и дернул ее за полу пальто.

Среда и Тень ненадолго вынырнули под открытое небо: дальнейший путь им указала стрелка: на Улицы Вчерашних Дней.

– Сорок лет тому назад Алекс Джордан, профиль которого красуется на том жетоне, что у тебя в руке, Тень, начал строить дом на высоком скальном выступе, посреди земельного участка, прав на который он не имел, и боюсь, даже сам он не смог бы объяснить, зачем он это делает. Со всех сторон начали съезжаться люди, чтобы посмотреть на эту стройку: были

²⁶ Не то чтобы данная игра слов была непереводима, но поскольку речь идет о реальном историческом лице, переводчик счел необходимым просто транслитерировать имена. Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright, 1867–1959) был одним из самых выдающихся американских архитекторов. В 1900–1917 годах Райт стал родоначальником так называемого «стиля прерий», название которого носит локально обусловленный характер: первые здания в этом стиле строились в основном в окрестностях Чикаго. Демонстративное использование природных материалов, вписанность невысоких, с покатыми крышами и короткими трубами, зато довольно просторных зданий в пейзаж, особый акцент на «периферийных» конструкциях (террасы, веранды, переходы) – все это дает основание считать «стиль прерий» одним из первых экологически ориентированных направлений в архитектуре XX века. Впрочем, в дальнейшем Райт работал в более чем разнообразных стилистических играх слов вполне очевидна и выходит на одну из доминирующих смысловых дихотомий романа: фамилия архитектора переводится как «правильный», «правый». Его виртуальный близнец, сохраняя имена оригинала, приобретает говорящую фамилию Wrong, «ошибочный», «неправильный».

²⁷ *Weeki Wachee* – городок в округе Эрнандо, штат Флорида. В данном случае речь идет об одном из аттракционов в карстовых пещерах Вики Вачи, где берет начало одноименная река: пещеры заполнены пресной водой, максимальная глубина полостей достигает 130 метров. Аттракцион представляет собой подводное шоу, в котором участвуют 15 переодетых русалками девушек и 4 «принца». Зрители наблюдают зрелище из-за стеклянной стены, как в океанариуме.

среди них искренне озадаченные, были просто любопытствующие, а были и такие, которым по большому счету все пофигу, и они даже понятия не имели, зачем, собственно, сюда притащились. И в конце концов он начал делать то, что сделал бы на его месте любой здравомыслящий американец его поколения и мужеска полу – он стал брать с них деньги за возможность на все это посмотреть. Не бог весть какие. По пятаку с носа, кажется. А он все строил и строил, и люди все ехали и ехали. А потом он сложил вместе все эти пятаки и четвертаки и создал нечто еще более масштабное и странное. Уровнем ниже дома он понастроил обширных помещений и заполнил их всякой всячиной, чтобы приезжим было на что посмотреть, и люди поехали смотреть на всякую всячину. Миллионы людей приезжают сюда каждый год.

– Зачем?

Но Среда только улыбнулся ему в ответ, и они ступили на тускло освещенные, обсаженные деревьями Улицы Вчерашних Дней. Из запыленных витрин на них смотрели сотни фарфоровых, с поджатыми губками викторианских кукол, похожих на массовку из не слишком затейливого фильма ужасов. Под ногами – брусчатка, над головами – темная крыша, на заднем фоне – разболтанный механический перезвон музыкальной шкатулки. Они прошли мимо стеклянного короба со сломанными куклами и гигантского музыкального автомата, забранного в стеклянный шкаф. Они прошли мимо зубоврачебного кабинета и мимо аптеки («ВОССТАНОВИТЕ СВОЮ ПОТЕНЦИЮ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ МАГНИТНЫМ ПОЯСОМ О’ЛИРИ!»).

В самом конце улицы был еще один стеклянный бокс, а внутри него – женский манекен, наряженный цыганкой-гадалкой.

– Да, кстати, – прогрохотал Среда, перекрывая механическую музыку, – негоже трогаться в путь, да и вообще начинать какое бы то ни было предприятие, не проконсультировавшись предварительно с норнами. Так что пускай эта Сивилла станет нашей Урд²⁸, правильно?

Он бросил в щель медного цвета жетон Дома-на-Скале. Цыганка неловким механическим жестом подняла руку и снова ее опустила. Из щели выползла бумажная полоска.

Среда взял ее, прочел текст, что-то проворчал себе под нос, свернул бумажку и сунул в карман.

– Может, и мне покажешь? А я тебе потом свою покажу, – предложил Тень.

– Судьба человека – дело интимное, – поджав губы, отозвался Среда. – Я твою тоже смотреть не стану.

Тень сунул в щель монетку. И взял бумажку. На ней было написано:

ЛЮБОЙ КОНЕЦ ЕСТЬ НОВОЕ НАЧАЛО
ТВОЕ СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО – НЕТ ТАКОГО
ТВОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЦВЕТ – МЕРТВЫЙ
ДЕВИЗ – КАКОВ ОТЕЦ, ТАКОВ И СЫН

Тень скорчил кислую мину. А потом свернул бумажку и тоже сунул ее во внутренний карман.

Они пошли дальше по красному коридору, мимо комнат, где на стульях стояли скрипки, альты и виолончели, которые, если бросить монетку, играли сами собой – или притворялись, что играют. Западали клавиши, звенели тарелки, шланги накачивали воздух в кларнеты и гобои. Тень с веселым изумлением обратил внимание на то, что механические руки, что манипулировали струнными инструментами, в принципе не касаются смычками струн – а струны зачастую были не натянуты, а то и вовсе отсутствовали. Интересно, подумал он, все эти звуки издает что-то вроде эоловой арфы плюс перкуссия – или это элементарная магнитофонная запись?

²⁸ Среда почему-то хочет, чтобы ему предсказали прошлое, а не будущее, потому что, согласно «Старшей Эдде», из трех сестер-норн, Урд, отвечает именно за прошлое. Настоящим распорядается Верданди, будущим – Скульд.

Судя по всему, они успели отмахать уже не одну милю, когда наконец вышли к залу под названием «Микадо», одна из стен которого представляла собой выполненный в псевдo-восточном стиле образец девятнадцатого века ночной кошмар: из глубины расписанного драконами грота на них смотрели механические барабанщики в шлемах с выступами, похожими на рога больших жуков, и отчаянно лупили при этом в большие и маленькие барабаны. Непосредственно в тот момент, когда в зал вошли Среда и Тень, барабанщики изгалялись над «Пляской смерти» Сен-Санса.

На вделанной в стенную нишу скамье, лицом к этой гротескной и громоздкой музыкальной машине сидел Чернобог и отбивал такт пальцами.

Среда сел рядом. Тень почел за лучшее постоять в сторонке. Чернобог выбросил перед собой левую руку, пожал руку Среде, потом – Тени.

– Хорошая встреча, – сказал он и снова откинулся на спинку скамьи: музыка явно доставляла ему удовольствие.

«Пляска смерти» подошла к бурному дисгармоничному финалу. То обстоятельство, что все эти искусственные инструменты были слегка расстроены, придавало общей атмосфере места дополнительный оттенок потусторонности. Машина начала играть новую мелодию.

– Как прошло ограбление? – спросил Чернобог. – Удачно?

Он встал: покидать зал «Микадо» с его грохочущей макабрической музыкой ему откровенно не хотелось.

– Гладко, как змея скользит в бочонке с маслом, – ответил Среда.

– Мне скотобойня пенсию платит, – проворчал Чернобог. – На жизнь хватает, а больше и не надо.

– И это пройдет, – сказал Среда. – Все в этом мире когда-нибудь канет в лету.

Опять коридоры и комнаты с музыкальными автоматами. Тень начал понимать, что идут они не по тому маршруту, который проложен для обычных туристов: у Среды явно был в голове собственный план этих комнат и переходов. Двигались они теперь под горку, и Тень, окончательно запутавшись, начал прикидывать, а не по второму ли кругу они пошли.

Чернобог ухватил Тень под локоть.

– Быстро, сюда! – сказал он и подвел его к стоявшему у стены большому стеклянному шкафу. Внутри была диорама: бродяга спит в церковном дворике прямо у церковных врат. Табличка гласила, что именуется сей артефакт «СОН ПЬЯНИЦЫ» и представляет собой механическую диораму, которая запускалась, если бросить в щель монетку в один пенс, и стояла когда-то на одной из английских железнодорожных станций. Монетоприемник был распилен так, чтобы в него входил жетон Дома-на-Скале.

– Кинь денежку, – сказал Чернобог.

– Зачем? – спросил Тень.

– Покажу тебе кое-что. Ты должен это увидеть.

Тень сунул жетон в щель. Лежавший на кладбище пьяница поднес ко рту бутылку. Одна из могильных плит сдвинулась: под ней обнаружился скелет с вытянутыми перед собой руками. С другой стороны от пьяного прокрутилось надгробие, и на месте цветов оказался оскалившийся в ухмылке череп. Справа из-за церкви выплыл призрак, слева – и вовсе что-то невнятное, с непроработанным, заостренным, птичьим лицом, такая нелепая, бледная, напоминавшая босховские кошмары тень, которая возникла прямо из каменной стены и тут же исчезла. Потом открылась церковная дверь и вышел священник. Духи, призраки и скелеты исчезли, и на церковном кладбище остались только поп и пьяница. После чего священник с укоризною посмотрел на бродягу и попятился; дверь за ним закрылась, оставив пьяницу в гордом одиночестве.

Механическая эта история оставила в душе у Тени жутковатый осадок. Н-да, подумал Тень, жути она на меня нагнала гораздо больше, чем это позволительно заводной игрушке.

– Знаешь, почему я тебе ее показал? – спросил Чернобог.

– Нет, не знаю.

– Потому что наш мир именно такой и есть. Именно так он и устроен. Как там, в этой стеклянной штучке.

Они прошли через комнату, выполненную в кроваво-красных тонах и битком набитую старыми театральными органами, гигантскими органными трубами и чем-то вроде колоссального размера медных перегонных кубов, но только без змеевиков и прочей винокуренной параферналии.

– А куда мы, собственно, идем? – поинтересовался Тень.

– На карусель, – ответил Чернобог.

– Но мы уже раз десять проходили мимо указателей, на которых было написано: «Карусель».

– Он знает, куда идет. Мы движемся по спирали. Иногда кратчайший путь – самый длинный.

У Тени уже начали побаливать ноги, и последняя изреченная Чернобогом максима показала ему убедительной.

Музыкальный автомат играл «Осьминожий садик» в зале, которая уходила ввысь не на один десяток этажей: весь центр ее занимало огромное, черное, похожее на кита чудище, зажавшее в гигантских стекловолоконных челюстях большой, в натуральную величину, макет рыбацкого судна. Оттуда они прошли в Зал Дальних Странствий, где стояли выложенный плиткой автомобиль, действующая модель «куриной машины» Руба Голдберга²⁹, а на стене висели наборы дорожных табличек «Берма шейв»³⁰:

Мир – бардак
И жизнь – рутина.
Избавься, братец,
От щетины.
Берма шейв,

– гласил один, а за ним следующий:

Хотел подрезать,
Не вписался.
Так небритым
И остался.
Берма шейв.

²⁹ *Руб Голдберг* (1883–1970) – известный американский карикатурист, одним из «ноу-хау» которого были рисунки нелепых гиперусложненных механических устройств для выполнения простейших действий. «Куриная машина», далеко не самая изящная придумка Голдберга, тем не менее приобрела самую широкую известность: шар для боулинга падает на курицу, которая принимается кудахтать и бить крыльями, отчего проливается вода – только для того, чтобы наполнить стакан испытывающего жажду персонажа.

³⁰ *Берма шейв* (*Burma-shave*) – марка американской пены для бритья. С 1927 года компания, продающая «Берма шейв», развернула оригинальную рекламную кампанию, основанную на вывешивании вдоль автомобильных дорог красных табличек с надписями. На каждой табличке – всего одна строка, на каждом следующем столбе – следующая табличка. Пять-шесть табличек подряд дают стихотворение (как правило, комическое), в конце которого всегда стоит название товара. В рекламных стишках «Берма шейв» часто обыгрывались «советы водителю» (*Past / Schoolhouses / Take it slow / Let the little / Shavers grow / Burma-Shave*), зачастую основанные на черном юморе (*Don't stick / Your elbow / Out so far / It might go home / In another car / Burma-Shave*). Были тексты, носящие иронико-дидактический характер (*Within this vale / Of toil / And sin / Your head grows bald / But not your chin – use / Burma-Shave*). Стихотворная матрица рекламной компании «Берма шейв» столь прочно вошла в дискурсивный обиход англоговорящих стран, что даже «поэзия общественных уборных» чаще всего строится именно по этой модели (*Here I sat / And meditate / Should I shit / Or masturbate*).

И вот они уже у подножия пологого спуска, а прямо перед ними – кафе-мороженое. Судя по внешним признакам, оно было открыто, но на лице у барышни, которая убирала со столиков, настолько явственно читалось: «Отвали», что они прошли дальше – в гибрид кафетерия и пиццерии, совершенно пустой, если не считать одиноко сидевшего в уголке престарелого негра в кричащей расцветочки клетчатом костюме и канареечных перчатках. Роста он был совсем крошечного, из той породы старичков, которых прожитые годы выжали и высушили, – он сидел и поглощал колоссальную, шариков на десять порцию мороженого с сиропом, запиная его кофе из не менее впечатляющих размеров чашки. В пепельнице пускала дымок тонкая черная сигарка.

– Три кофе, – обернулся к Тени Среда и отправился напрямиком в туалет.

Тень расплатился за три чашки кофе и вернулся с ними к Чернобогу, который уже успел подсесть к старому негру и курил теперь сигарету – в кулак, быстрыми затяжками, будто боялся, что его за этим занятием того и гляди застукают. Его сосед на сигарку свою не обращал никакого внимания, радостно поглощая мороженое, ложку за ложкой, но как только Тень оказался рядом со столиком, он мигом ее подхватил, глубоко затянулся и выпустил два кольца дыма – сперва большое, потом еще одно, поменьше, которое аккуратнейшим образом проскочило сквозь первое, – и осклабился во весь рот, довольный собой до крайности.

– Тень, это мистер Нанси, – представил своего соседа Чернобог.

Старичок тут же вскочил и вытянул перед собой затянутую в желтую перчатку руку.

– Рад познакомиться, – сияя ослепительной улыбкой, сказал он. – Кто ты такой, долго гадать не нужно. Должно быть, работаешь на этого старого одноглазого ублюдка, угадал?

Легкая гнусавинка в голосе, намек на акцент, скорее всего – карибский.

– Да, я работаю на мистера Среду, – ответил Тень. – Вы угадали. Да садитесь вы, бога ради.

Чернобог затянулся сигаретой.

– Сдается мне, – мрачно возгласил он, – что наш брат так любит всяческое курево по той простой причине, что оно напоминает нам о тех приношениях, которые когда-то возжигались в нашу честь, и дым поднимался вверх, а люди искали нашего одобрения – или милости.

– А вот лично мне никогда ничего подобного не предлагали, – сказал Нанси. – Самое лучшее, на что я мог рассчитывать, так это на корзину с фруктами, плюс, может быть, цельную козочку, запеченную с карри, стаканчик чего-нибудь холодного и крепкого, ну и крепенькую бабенку с торчащими сиськами, просто чтобы мне за трапезой не было скучно.

Он снова сверкнул улыбкой, на все тридцать два, и подмигнул Тени.

– А в нынешние времена, – сказал, не меняя тона, Чернобог, – нам и вовсе рассчитывать не на что.

– Ну, конечно, о таком количестве фруктов, которое мне приносили в старые добрые времена, даже и вспоминать не приходится, – сказал, поблескивая глазами, мистер Нанси. – Но все-таки нет в этом мире ничего такого, что я мог бы купить за деньги и что сравнилось бы с крепенькой бабенкой с торчащими сиськами. Вот поговоришь иногда с какими-нибудь ребятами, и складывается впечатление, что кроме как о доле в добыче больше и порассуждать не о чем, но вот что я хочу вам сказать: по утрам мой моторчик до сей поры заводится исключительно от сисек.

Смех у мистера Нанси был старческий, дребезжащий, одышливый – но столько в нем было самой искренней радости, что Тень едва ли не против собственной воли поймал себя на том, что этот старик ему нравится.

Среда вернулся из туалета и поздоровался с Нанси за руку.

– Тень, ты не хочешь перекусить? Кусочек пиццы? Или там сэндвич?

– Я не голоден, – ответил Тень.

– Позволь дать тебе один совет, – сказал мистер Нанси. – Может так случиться, что от трапезы до трапезы пройдет изрядное количество времени. Если кто-то предлагает тебе поесть, соглашайся. Годы у меня уже не те, я понимаю, но вот что тебе скажу: никогда не отказывайся, если у тебя есть возможность отлить, поесть или полчаса вздремнуть. Понимаешь?

– Понимаю. Но есть мне действительно совсем не хочется.

– Здоровый ты парень, – сказал Нанси, уставившись Тени прямо в глаза, насыщенный цвет красного дерева против светло-серого, – долго по тебе вода бежит, но вот что я тебе скажу: особым умишком ты не блещешь. Есть у меня сын, тупой, как тот парень, что пошел на распродажу тупости и купил себе две по цене одной, – так вот, ты мне его напоминаешь.

– С вашего позволения, приму это как комплимент, – сказал Тень.

– То, что тебя сравнили с человеком, который решил выпасться в то самое утро, когда раздавали мозги?

– То, что меня сравнили с членом вашей семьи.

Мистер Нанси загасил сигарку и щелчком смахнул с перчатки воображаемую частичку пепла.

– Ну что ж, судя по всему, наш Одноглазый сделал не самый худший выбор, – он перевел взгляд на Среду. – Ты хоть представляешь себе, сколько наших сегодня сюда заявится?

– Я постарался известить об этой встрече всех, кого только смог отыскать, – поднял голову Среда. – Приехать, понятное дело, смогут далеко не все. А найдутся и такие, – он выразительно посмотрел на Чернобога, – которые приехать не захотят. Но я думаю, в том, что наберется несколько дюжин, мы можем быть уверены. А дальше информация разойдется сама собой.

Они проследовали мимо выставки рыцарских доспехов («Викторианская подделка, – вещал Среда, пока они шли вдоль застекленной витрины, – современная подделка, шлем двенадцатого века на имитации, выполненной в семнадцатом веке, а вот перчаточка латная – это пятнадцатый. . .»), а затем Среда толкнул наружную дверь, провел их по крытой галерее вокруг здания («В жизни бы не запомнил всех этих входов и выходов, – проворчал Нанси, – я уже не тот, каким был в молодости, да и климат в тех местах, откуда я родом, помягче»), потом распахнул еще одну, входную, и они очутились в зале с каруселью.

Играла каллиопа: вальс Штрауса, с чувством, но временами не в такт. Стена перед ними была увешана сотнями старомодных карусельных лошадок; некоторых не мешало бы подкрасить, других как следует пропылесосить. Над лошадками висели десятки ангелов, по которым было отчетливо видно, что основой для фигур послужили отбывшие свой срок в витринах женские манекены – у некоторых была видна бесполой грудь, другие успели потерять где-то крылья и смотрели теперь широко раскрытыми слепыми глазами прямо перед собой, в пустоту.

А дальше была – карусель.

Табличка гласила, что перед ними находится самая большая в мире карусель; дальше шли сведения о том, сколько она весит, сколько тысяч электрических ламп вкручено в люстры, что свисали с потолка в поистине готическом изобилии, а также строжайший запрет забираться на подиум и садиться верхом на зверей.

И что это были за звери! Тень во все глаза разглядывал их, стесняясь признаться самому себе в охватившем его чувстве восторга: сотни и сотни животных, в натуральную величину, по всей глубине и окружности платформы. Существа природные и существа мифологические, и все возможные варианты смешения тех и других – и ни единой повторяющейся фигуры. Здесь были русалка и тритон, кентавр и единорог, слоны (один большой и один совсем крошечный), бульдог, лягушка и феникс, зебра, тигр, мантикора и василиск, запряженные в карету лебеди, белый бык, лиса, пара моржей, здесь была даже морская змея, – все яркие и натуральные настолько, что казались живыми: и все они двигались по кругу под музыку вальса, который как раз закончился и тут же сменился другим. Карусель даже не притормозила.

– Зачем это все? – спросил Тень. – Ну то есть ладно, самая большая в мире, сотни зверей, тысячи лампочек – но она же крутится не останавливаясь, и никто никогда на ней не катается.

– Она здесь не для того, чтобы на ней катались, по крайней мере, не для того, чтобы на ней катались люди, – сказал Среда. – Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Просто, чтобы она *была*.

– Вроде молитвенного барабана, который вертится без остановки, – подхватил мистер Нанси. – И аккумулирует силу.

– А где все? – спросил Тень. – Судя по твоим словам, место сбора назначено было здесь – по крайней мере, я тебя понял именно так.

Среда раздвинул губы в невеселой, на шрам похожей усмешке.

– Тень, – сказал он. – Ты задаешь слишком много вопросов. А деньги тебе платят совсем не за то, чтобы ты задавал вопросы.

– Прошу прощения.

– А теперь иди сюда и подсади нас наверх, – сказал Среда и направился к краю платформы, туда, где висела табличка с описанием карусели и запретом ею пользоваться.

Тень собрался было что-то ему ответить, но вместо этого помог им, одному за другим, забраться на подиум. Среда оказался тяжелым неимоверно, Чернобог залез сам, позволив себе разве что опереться для равновесия о плечо Тени, Нанси был легким как пушинка. Забравшись наверх, каждый из стариков проделал один и тот же номер: шаг вперед, прыжок, и он уже на карусели.

– Ну? – рявкнул Среда. – И долго мы будем тебя ждать?

Тень, после некоторых колебаний, оглядевшись на всякий случай вокруг – а вдруг кто-нибудь из служащих Дома-на-Скале стоит сейчас неподалеку и смотрит, – тоже вскарабкался на подиум. Мысль о том, что правила пользования каруселью он боится нарушить куда сильнее, чем несколько часов назад боялся совершить действия, которые любой суд счел бы пособничеством и содействием в организации мошеннической операции, позабавила его и слегка озадачила.

Все три старика уже успели выбрать себе по верховому зверю. Среда уселся на золотого волка. Чернобог сидел на спине закованного в латы кентавра, с лицом, скрытым за металлическими нащечниками шлема. Нанси, хихикнув, скользнул на спину огромного льва, собравшегося перед прыжком и раскрывшего пасть в немом рычании. И – похлопал льва по боку. Вальс Штрауса волшебным образом уносил их все дальше и дальше.

На лице у Среды играла улыбка, Нанси хохотал во всю глотку рассыпчатым старческим смехом, и даже вечно мрачный Чернобог, судя по всему, откровенно наслаждался аттракционом. У Тени вдруг как будто гора с плеч упала: трое стариков веселятся от души, катаясь на Величайшей в Мире Карусели. Ну и что с того, что их в любой момент могут выставить из заведения? Разве это того не стоит? Не стоит права говорить потом, что ты из тех, кто прокатился на Величайшей в Мире Карусели? Прокатился на одном из этих великолепных чудищ?

Тень примерился к бульдогу, потом – к тритону и слону с золотым паланкином, взобрался в конце концов на спину существа с орлиной головой и телом тигра. И – постарался покрепче усесться в седле.

Ритм «Голубого Дуная» лился, звенел и пел у него в голове, свет тысяч и тысяч ламп сливался в единый радужный поток, и в долю секунды Тень вновь превратился в того ребенка, которым был когда-то и которому для счастья только и нужно было, что прокатиться на карусели: он сидел как влитой верхом на орлотигре, в самом центре бытия, и весь мир вертелся вокруг него.

Сквозь музыку Тень услышал смех и понял, что смеется он сам. Он был счастлив, такое чувство, словно последних двух дней вовсе никогда не было, как не было последних трех лет его жизни, да и сама эта жизнь в единый миг волшебным образом претворилась в невнятную

грезу маленького мальчика, что катается на карусели в парке возле Золотых ворот в Сан-Франциско, в свой первый приезд в Соединенные Штаты, и позади у него – бесконечное путешествие, сперва на корабле, потом на машине, а рядом с каруселью стоит мама и смотрит на него, и гордится им, а он облизывает тающее в руках мороженое на палочке, держится изо всех сил и мечтает только о том, чтобы музыка длилась и длилась, чтобы карусель никогда не останавливалась, чтобы скачка продолжалась вечно. Он ехал и ехал, и круг оставался за кругом, за кругом, за кругом...

А потом вдруг погас свет, и Тень увидел богов.

Глава шестая

*Ни створок, ни стражи при наших вратах,
Течет через них многолюдный поток:
Здесь волжский бурлак и татарский пастух,
Безликий кули с берегов Хуанхэ,
Малаец ли, скиф, тевтон или кельт,
Бедствия Старого Света вкусив,
Несут к нам неведомых, странных богов
И темных страстей тигриный оскал;
И улицы наши покинул покой,
И чуждая речь пятнает наш слух:
И новый пред нами предстал Вавилон.*
Томас Бейли Олдрич³¹. Врата без стражи

Буквально только что Тень ехал на Величайшей в Мире Карусели верхом на орлиноголовом тигре – и вдруг в единый миг свет красных и белых ламп вспыхнул ярче прежнего, запульсировал и погас, и Тень рухнул лицом вперед в исполненный звезд океан, а механический вальс сменился гулким ритмическим рокотом, будто невидимые барабанщики били в огромные барабаны или океанские валы в отдалении обрушивались на бетонные волноломы.

Иного света, кроме света звезд, не осталось, зато в этом, последнем, все вокруг виделось с хрустальной ледяной ясностью. Зверь под ним потянулся и переступил с ноги на ногу: и под левой рукой Тень почувствовал теплый мех, а под правой – перья.

– Славно прокатились, а? Как тебе кажется? – голос шел сзади, но слышал его Тень не ушами, а как-то иначе, словно внутри самого себя.

Тень обернулся, медленно, настороженно, рассыпав вокруг себя собственные отражения, замороженные осколки каждого движения, и каждое как в янтарь было оправлено в крохотную долю секунды, и каждое наималейшее движение длилось вечность. Образы, которые потоком хлынули в его мозг, не имели ровным счетом никакого смысла: словно взираешь на мир сквозь фасеточный, разбитый на отдельные переливчатые кристаллы глаз стрекозы, но только каждая фасетка показывала свое, и он был положительно не в состоянии свести воедино, в осмысленное целое то, что видел – или то, что ему представлялось.

Он смотрел на мистера Нанси, старого негра с тоненькими, будто карандашом прорисованными усиками, в клетчатом спортивном пиджаке и лимонно-желтых перчатках, и ехал этот мистер Нанси на игрушечном карусельном льве, а лев застыл в полупрыжке; и в то же самое время, на том же самом месте он видел сплошь усыпанного алмазами паука размером с лошадь, с глазами как дымчато-изумрудная россыпь звезд, и эта россыпь смотрела прямо на него; а еще перед ним был невероятно высокого роста человек с кожей красно-коричневого цвета и с тремя парами рук, в развевающемся головном уборе из страусовых перьев, с лицом, разрисованным красными полосами, верхом на разъяренном льве, и четыре своих руки он запустил в львиную гриву, вцепившись в нее; и еще он видел черного оборванца-подростка с распухшей левой ногой, сплошь облепленной черными мухами; и наконец, за всем за этим Тень видел крошечного бурого паучка, который спрятался под сухим, охряного цвета листом.

Тень видел все это и знал, что перед ним – одно и то же существо.

– Закрой рот, – сказали все эти существа, которые все вместе были мистером Нанси, – муху проглотишь.

Тень закрыл рот и сглотнул – будто ком проглотил.

³¹ Томас Бейли Олдрич (1849–1903) – американский поэт, романист, путешественник и издатель.

На холме, примерно в миле от них, стояли деревянные палаты. И все они ехали к этим палатам: копыта и лапы верховых животных беззвучно выбивали такт по сухому песку у края моря.

Чернобог трусил на своем кентавре и похлопывал его по руке.

– Не верь глазам своим! – крикнул он, обращаясь к Тени. Прозвучало не слишком убедительно. – Все это происходит исключительно у тебя в башке. Лучше вообще ни о чем таком не думать.

Тень действительно видел перед собой старого седого эмигранта из Восточной Европы, в допотопном плаще и со стальным зубом во рту. Но кроме этого он видел приземистое черное нечто, темнее, чем сама темнота, с двумя горящими как угли глазами; и еще он видел князя с длинными развевающимися по ветру черными волосами и длинными черными усами, у которого кровью были залиты и лицо и руки, который был обнажен до пояса, не считая переброшенной через плечо медвежьей шкуры, и который ехал верхом на полувзвере-получеловеке – а лицо и торс его были сплошь покрыты синими, вытатуированными по коже спиралями и завитками.

– Кто вы такие? – спросил Тень. – Что вы такое?

Звери шуршали ногами по песку. Волны яростно обрушивались на темный ночной берег и рассыпались в водяную пыль.

Среда подвел поближе к Тени своего волка – который превратился теперь в огромную угольно-черную зверюгу с зелеными глазами. Скакун Тени шарахнулся от твари, но Тень погладил его по загривку и шепнул: *не бойся*. Тигр яростно хлестал себя хвостом по бокам. Тени показалось, что где-то рядом, за песчаными дюнами, крадется параллельным с ними курсом еще один волк, брат-близнец этого, и тут же исчезает из вида, стоит только повернуться в его сторону.

– Что, узнаешь меня, Тень? – спросил Среда. На волке он сидел, высоко вскинув голову. Правый его глаз сверкал и переливался в лунном свете, левый был слеп. На нем был плащ с объемистым, едва ли не монашеским капюшоном, и лицо его белело из черной прорези капюшона. – Я обещал тебе сказать, как меня зовут по-настоящему. Так слушай же теперь. Меня зовут Тот-Кто-Рад-Войне, Грим зовут меня, Налетчик и Третий. Я Одноглазый. Высоким кличут меня, и Догадой. Я Гримнир, и Капюшонник – тоже я. Я Отец Всех, и я – Гондлир Держатель Жезла. Имен у меня столько же, сколько на свете ветров, а прозваний не меньше, чем существует способов свести счеты с жизнью. Вороны мои – Хугин и Мунин, Мысль и Память; волки мои – Фрэки и Гэри; а конь мой – виселица.

Два призрачно-серых ворона, похожих на полупрозрачные шкуры птиц, сели Среде на оба плеча и тут же погрузили клювы ему *прямо в голову*, будто пробовали на вкус его мозг, а потом сорвались – оба – и улетели прочь.

Чему теперь мне верить? – подумал Тень, и откуда-то из самых дольных глубин мира, на густой басовой ноте пришел голос и дал ему ответ: *Верь всему*.

– Один? – произнес Тень, и ветер тут же сорвал это слово с его губ.

– Один, – прошептал в ответ Среда, и грохота океанских валов, набегающих на берег скелетов, не хватило, чтобы заглушить этот его шепот. – Один, – повторил Среда, катая слово во рту и пробуя на вкус. – Один! – торжествующим тоном взревел Среда, и вопль его раскатился от горизонта до горизонта. Имя набухло и заполнило собой мир – как грохот крови у Тени в ушах.

А потом, будто во сне, они уже не ехали к стоявшим на далеком холме палатам. Они оказались у самой стены, и скакуны их уже стояли у крытой коновязи.

Палаты оказались огромными, но особой изысканностью конструкции и пропорций не отличались. Бревенчатые стены, камышовая крыша. В центре обширной залы горел огонь, и дым ел Тени глаза.

– Нужно было собраться в моей голове, а не в его, – проворчал, встретившись с Тенью глазами, мистер Нанси. – Там было бы куда теплее.

– А мы у него в голове?

– Более или менее. Это Валаскьяльв. Древние его палаты.

Тень с облегчением отметил про себя, что Нанси снова превратился в прежнего старика в желтых перчатках, хотя в отблесках горевшего посреди зала пламени тень его билась, корчилась, металась и принимала формы далеко не всегда человеческие.

Вдоль бревенчатых стен тянулись деревянные скамьи, а на скамьях сидели – или стояли рядом с ними – люди, человек десять. Друг от друга они держались на почтительном расстоянии, и компания была довольно пестрая: темнокожая почтенного вида женщина в красном сари, несколько потрепанного вида бизнесменов, и еще кто-то, кого Тень из-за огня никак не мог как следует разглядеть.

– Где они все? – с яростным шепотом обернулся к Нанси Среда. – Ну? Где они? Нас тут должен быть не один десяток. Нас тут должны быть сотни!

– Приглашать публику – это было по твоей части, – пожал плечами Нанси. – По мне, так удивительно, что здесь вообще хоть кто-то собрался. Как ты думаешь, не рассказать ли мне байку для затравки?

Среда затряс головой.

– И думать не моги.

– Вид у них не больно радостный, – продолжил Нанси. – А добрая байка – прекрасный способ завоевать симпатии публики. А барда подходящего, чтобы спел им что-нибудь, у тебя, насколько я понимаю, при себе нет.

– Давай без баек, – сказал Среда. – Не время сейчас. Время травить байки придет позже. А сейчас не стоит.

– Не стоит. Ну и ладно. Я просто выступлю у тебя на разогреве, – и с этими словами мистер Нанси вышел вперед, поближе к очагу, с широкой радостной улыбкой на лице.

– Я знаю, о чем вы все сейчас думаете, – сказал он. – Вы думаете: с чего это Компэ Ананси взбрело в голову заговаривать нам зубы, когда Отец Всех затащил нас сюда, точно так же, как и самого Компэ Ананси он тоже сюда затащил? И знаете, что я вам на это скажу: иной раз порядочным людям не грех кое о чем и напомнить. Когда я вошел в этот зал и оглянулся вокруг, я подумал: а где все остальные? А следом мне пришла в голову еще одна мысль: нас мало, а их много, и поэтому мы слабее, чем они, – но именно это и позволяет нам надеяться на победу.

Знаете, как-то раз, давным-давно, я встретил у водополя тигра: орешки у него были – самые большие, какие только могут быть у зверя, и когти самые острые, и два передних клыка были длинные как сабли и острые как бритва. И я сказал ему: братец Тигр, пока ты плаваешь, давай я пригляжу за твоими орешками. Он ими так гордился, своими орешками. И вот он прыгнул в воду, а я прицепил его тигриные орешки, а ему оставил свои, крошечные, паучьи. А потом – знаете, что я сделал потом? Я удрал оттуда, и бежал так быстро, как только мои длинные паучьи ножки могли меня носить.

И я не останавливался, пока не добежал до соседнего города. И там увидел Старого Макака. Классно выглядишь, Ананси, сказал мне Старый Макак. А я ему на это: а знаешь, какую песенку сейчас поют все на свете, в том городе, откуда я? – Какую песенку они поют? – спрашивает он меня. Очень смешную, говорю я. И тут я начал приплясывать и петь:

Орешки тигра, да-да-да,
Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,

П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут Старый Макак покатывается со смеху, и держится за бока, и топочет ногами, а потом тоже начинает припевать: *Орешки тигра, да-да-да, Я съел орешки тигра*, – и щелкает пальцами, и крутится вокруг себя на двух своих ногах. Какая классная песня, говорит он мне, пойду ее спою всем своим друзьям. – Давай-давай, говорю я, а сам кидаюсь бежать обратно к водопою.

А там, у водопоя, ходит тигр, взад-вперед по берегу, и хвост у него крутится змеей и хлещет по земле, а уши и шерсть на загривке торчат так, что просто ужас, и на каждую проползающую мимо букашку он клацает своими зубами-саблями, а глаза горят оранжевым пламенем. И на вид он весь такой огромный, злой и страшный, но между ног у него болтаются самые маленькие на свете орешки, в самом наималюсеньком, крошечном, сморщенном черном мешочке, какой только есть на свете.

Послушай, Ананси, говорит он, как только замечает меня. Мы вроде договаривались, что пока я плаваю, ты будешь охранять мои яички. Но когда я вылез из воды, на всем берегу не оказалось ровным счетом ничего, кроме этих вот дурацких, сморщенных, черных, никуда не годных и никому не нужных паучьих орешков, которые сейчас на мне.

Я сделал все, что было в моих силах, говорю я ему, но что я мог поделаться с этими макаками, которые пришли невесть откуда и слопали твои орешки, а когда я попытался их прогнать, они мне самому оторвали орешки, мои маленькие черные орешки. И так мне стало стыдно, что я убежал.

Ты врешь, Ананси, говорит мне тигр. И за это я выпущу и съем твои кишки. Но тут он слышит, как макаки идут из города своего к водопою. Дюжина радостных таких макак, и они все как есть скачут по дорожке, щелкают пальцами и поют во всю глотку:

Орешки тигра, да-да-да,
Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,
П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут тигр принимается ворчать и рычать, а потом кидается за ними следом в лес, а макаки вопят и бегут врассыпную, кто куда, к ближайшим деревьям. А я почесываю мои новые большие орешки, которые очень даже неплохо смотрятся между моими тощими паучьими ножонками, и отправляюсь себе домой. А тигр и по сию пору продолжает гоняться за макаками. Так что запомните, дамы и господа: из того, что вы маленькие, вовсе не следует, что сила за вами не водится.

Мистер Нанси улыбнулся, поклонился, раскинул руки в стороны, принимая положенные аплодисменты и смех как истинный профессионал, а потом повернулся и пошел туда, где стояли Чернобог и Тень.

– Мне кажется, я сказал, что бак никаких не нужно, – подал голос Среда.

– А что ты называешь байкой? – вскинулся в ответ Нанси. – Да я разве что горло успел прочистить. И чуточку публику перед твоим выходом разогрел, самую малость. А теперь иди и вышиби из них дух.

Среда вышел в круг света, мощный старик со стеклянным глазом, в светлом костюме и коричневом пальто от Армани. Он стоял и смотрел на людей, которые сидели на скамейках

вдоль стен, стоял и молчал, и молчание это длилось много дольше, чем – с точки зрения Тени – позволительно было держать начальную паузу. А потом он заговорил.

– Вы меня знаете, – сказал он. – Вы все меня знаете. У некоторых из вас нет особых причин относиться ко мне с симпатией, но – любите вы меня или нет – вы меня знаете.

Сидевшие на лавках зашевелились: по залу будто прошла смутная рябь.

– На этой земле я много дольше, чем большинство из вас. Как и всем вам, раньше мне казалось, что жить здесь вполне можно и при тех раскладах, которые мы имеем на сегодняшний день. Поводов для особой радости нет, но концы с концами сходятся. Но судя по всему, эта наша жизнь вскоре может остаться позади. Надвигается буря, и не мы эту бурю накликаем.

Он помолчал. Потом сделал шаг вперед и сложил на груди руки.

– Когда люди стали приезжать в Америку, они привезли с собой нас. Они привезли меня и Локи с Тором, Ананси и Бога-Льва, лепреконов, кобольдов и банши, Куберу³², и Фрау Холле³³, и Аштарота³⁴, – и вас они привезли тоже. Мы приехали сюда у них в головах и пустили здесь корни. Вместе с первопоселенцами мы отправились в долгий путь через океан.

Эта земля огромна. Довольно скоро люди забыли о нас, мы сохранились в их памяти как символы старого мира, что остались позади и не переместились в этот мир, новый. Те, кто действительно верил в нас, умерли или утратили веру, и нам, потерянным, напуганным и разочарованным, остались в утешение разве что жалкие крохи прежней веры и прежнего почитания, да и те находить становится все труднее. И все труднее жить и рассчитывать на них в будущем.

– Вот так мы и жили до сегодняшнего дня, перебивались как могли, прячась по темным углам, где никто не видел и не искал нас.

Давайте же взглянем правде в глаза: мы утратили власть – или почти утратили. Мы тащим все, что только можем, мы паразитируем на людях, и тем живы; мы пляшем голыми, мы отдаем за деньги, мы слишком много пьем; мы сливаем по-тихому бензин, мы воруем и обманываем, мы ютимся в трещинках на дальних окраинах общества. Старые боги – в этой новой безбожной стране.

Среда сделал паузу и оглядел сидевших перед ним, переводя взгляд с одного на другого: вид у него был очень серьезный, и больше всего сейчас он походил на политика во время предвыборной кампании. Впрочем, встречные взгляды были бесстрастны, а лица похожи на маски. Среда прочистил горло и смачно сплюнул в очаг: будто бензину плеснул – пламя тут же вспыхнуло куда ярче прежнего и осветило весь зал.

– Ну а теперь, как каждый из вас, вне всякого сомнения, имел возможность убедиться на личном опыте, в Америке начало подрастать, цепляясь за набухающие узлы людских суеверий, новое поколение богов: боги кредитных карт и скоростных шоссе, интернета и телефона, радио, телевидения и медицинского обслуживания, боги пластика, пейджеров и неоновых вывесок. Нахальные, жирные и тупые выскочки, раздувшиеся от чувства собственной значимости и от того, какие они «передовые». Они знают про нас, они боятся нас, они нас ненавидят, – сказал Один. – Если вам кажется, что это не так – то вам это всего лишь кажется. Они бы давно уничтожили нас, будь это в их власти. И самое время нам собраться в единый кулак. Настало время действовать.

В круг света выступила пожилая женщина в красном сари. На лбу у нее поблескивал маленький темно-синий бриллиант. Она сказала:

³² *Куберу* – в индуистской мифологии бог богатства.

³³ *Госпожа Холле* (*Хюльда*, *Хольда* и т. д.) – в германском фольклоре «лесная хозяйка», отчасти подобная скандинавским хюльдрам, связана с широким кругом сюжетов и семантическими полями ткачества, зимы, куротрофии, «волшебной невесты» и т. д.

³⁴ *Аштарот* – в иудео-христианской демонологии – Князь Ада. Изображается в виде обнаженного мужчины с драконьими крыльями и змеями в руках.

– И ты собрал нас только для того, чтобы огласить всю эту чушь? – и фыркнула, насмешливо и раздраженно.

Среда насупил брови.

– Да, я собрал вас всех. Но только это не чушь, Мама-джи, никакая это не чушь. Это даже малому ребенку понятно.

– Это меня ты назвал ребенком, я правильно тебя поняла? – Она ткнула в его сторону указательным пальцем. – Да я успела состариться в Калигате³⁵ прежде чем тебя, придурка, выдумали в твоём медвежьем углу. Значит, я, по-твоему, ребенок? Ну хорошо, пусть я ребенок – тем более не вижу ничего в твоей пустой болтовне, что касалось бы меня лично!

И снова поле зрения Тени рассыпалось на части: он видел перед собой старуху с лицом, по которому возраст и разочарования прошли от души и оставили глубокую сеть морщин, но за ней угадывался другой, куда более мощный образ – обнаженная женщина с кожей черной, как новая кожаная куртка, и с губами и языком красными, как артериальная кровь. Вокруг шеи у нее висело ожерелье из человеческих черепов; рук у нее было великое множество, и в каждой – либо нож, либо меч, либо отрубленная голова.

– Я вовсе не называл тебя ребенком, Мама-джи, – примирительным тоном сказал Среда. – Но очевидно же, что...

– Единственное, что здесь очевидно, – сказала старуха, ткнув в сторону Среды пальцем (из-за спины у нее, сквозь нее и поверх нее, параллельным жестом завис огромный черный палец с бритвенно-острым ногтем), – так это твоя жажда славы. Мы долго жили в мире, в этой новой стране. Я согласна, что некоторым из нас приходится хуже, чем прочим. Я на жизнь не жалею. Дома, в Индии, есть одно из моих воплощений, у которого жизнь сейчас куда слаще моей, – ну и пусть. Я завидовать не привыкла. Я видела, как рождаются новые боги, и падение их я наблюдала тоже. – Ее рука упала и повисла вдоль туловища. Тень заметил, как на нее смотрели другие боги: во взглядах – смесь уважения, удивления и замешательства. – Буквально миг тому назад в этой стране молились на железные дороги. А теперь о чугунных богах забыли так же прочно, как об охотниках за изумрудами...

– Давай ближе к делу, Мама-джи, – сказал Среда.

– К делу? – Ноздри у нее затрепетали, а уголки рта опустились вниз. – Я хочу сказать – хотя я не более чем ребенок, это *очевидно*, – я хочу сказать, что нам нужно выждать время. Не нужно ничего делать. Откуда в нас эта уверенность, что они хотят нам зла?

– И тот же самый совет ты дашь нам тогда, когда они заявятся к тебе ночью, чтобы убить тебя или похитить?

Это предположение явно позабавило ее. Надменное выражение проступило сразу через все черты ее лица: губы, брови, крылья носа.

– Пусть только попробуют, – процедила она. – Изловить меня им будет нелегко, а убить – и того труднее.

Сидевший рядом с ней приземистый и широкоплечий молодой человек прочистил горло, привлекая к себе внимание, а потом сказал густым раскатистым голосом:

– Послушай, Отец Всех, мой народ живет вполне себе ничего. При прочих равных можно сказать, что мы чуть ли не благоденствуем. Если эта твоя война обернется против нас, мы можем все потерять.

Среда сказал:

– Вы уже потеряли все на свете. И я предлагаю вам шанс кое-что отыграть обратно.

С этими его словами пламя взмыло высоко вверх, осветив лица всех сидевших в зале.

Я же не верю во все это, думал Тень. Я ни во что это не верю. Наверное, мне по-прежнему пятнадцать лет. Мама еще жива, и я даже не успел познакомиться с Лорой. И все, что

³⁵ *Калигат* – один из исторических районов Калькутты, где, в частности, расположен знаменитый храм богини Кали.

произошло за последнее время, – просто сон, очень подробный и достоверный сон. Но и в это поверить у него тоже не получалось. Ибо верим мы посредством наших чувств, тех инструментов, которые используем при восприятии мира: зрения, осязания, памяти. И если чувства нас обманывают, верить нельзя ничему. Но даже если мы ни во что не верим, идти по какой-либо другой дорожке, кроме той, что показывают нам наши чувства, мы не в состоянии: и эту дорожку мы должны пройти до самого конца.

А потом огонь догорел, и в Валакьяльве, Зале Одина, воцарилась тьма.

– И что теперь? – прошептал Тень.

– А теперь вернемся назад, туда, где карусель, – вполголоса произнес в ответ мистер Нанси. – И старина Одноглазый угостит нас всех ужином, пожмет пару рук, поцелует пару младенцев, и больше никто на свете не произнесет слова на букву «б».

– Слова на букву «б»?

– *Боги*. Так все-таки что ты делал в тот день, когда людям раздавали мозги, а, парень?

– Да вот, помнится, кто-то рассказывал байку про то, как у тигра сперли яйца, и мне пришлось бросить остальные дела и дослушать, чем дело кончилось. – Мистер Нанси хихикнул. – Но ведь ничего еще не решено. Никто и ни под чем не подписался.

– Он теперь будет их потихоньку уламывать. По одному за раз. Сам увидишь. В конце концов все они будут с нами.

Откуда ни возьмись поднялся ветер: перебирал Тени волосы, пальцами проходил по лицу, толкал в бок.

Они уже стояли в зале с Величайшей в Мире Каруселью и слушали «Императорский вальс».

На другом конце зала Среда бойко общался с какой-то группой, судя по виду – обычных туристов, вот только было их ровно столько, сколько призрачных фигур сидело недавно в палатах Одина.

– Сюда, пожалуйста, – громогласно объявил Среда и вывел публику через единственный в зале выход, оформленный в виде чудовищной пасти, с зубами столь многочисленными и острыми, что казалось, всю честную компанию они уже через секунду нашинкуют в капусту. Среда среди этих людей был – как рыба в воде, как политик на вечеринке: шутил, подбадривал кого-то, улыбался, мягко протестовал, примирительно пожимал руки.

– А это все и вправду было? – спросил Тень.

– Что и вправду было, дурья твоя башка? – переспросил мистер Нанси.

– Зал. Огонь. Орешки тигра. Катание на карусели.

– Ты что, сдурел? На карусели вообще никому кататься нельзя. Ты разве таблички не видел? А теперь заткнись.

Чудовищная пасть вела в комнату с механическими оркестрами, что вызвало у Тени замешательство, – разве не этой именно дорогой они сюда шли? Впрочем, и во второй раз комната показалась ему ничуть не менее странной. Среда провел всех вверх по лестнице мимо свисавших с потолка четырех всадников Апокалипсиса и далее – по указателям, в сторону ближайшего выхода.

Тень и Нанси замыкали группу. Буквально через несколько минут Дом-на-Скале остался позади, они прошли по магазину сувениров и двинулись в сторону парковки.

– Жаль, ушли так рано, – сказал мистер Нанси. – Я, вроде того, надеялся взглянуть на самый большой в мире искусственный оркестр.

– Да видел я его, – откликнулся Чернобог. – Ничего особенного.

Ресторан оказался в десяти минутах езды от Дома-на-Скале. Среда проинформировал каждого из своих гостей, что за ужин заплатит сам, а для тех, у кого не оказалось автомобиля, организовал доставку.

Тень прикинул про себя: а как, интересно знать, они, во-первых, добрались до Дома-на-Скале, не имея средств передвижения, а во-вторых, как собираются отсюда разъезжаться. Но вслух ничего говорить не стал. Это, судя по всему, на данный момент было с его стороны самое удачное решение.

Отвозил гостей к ресторану, естественно, Тень: женщина в красном сари устроилась на переднем сиденье, с ним рядом. На заднем были двое мужчин: приземистый, странного вида молодой человек, имени которого Тень не разобрал, но звучало похоже на «Элвис», и еще один, в темном костюме, которого Тень вообще не запомнил.

Когда этот человек сел в машину, Тень стоял рядом, открыл перед ним дверцу и закрыл ее, но когда тот сел, не мог вспомнить ни единой детали. Он нарочно обернулся и постарался рассмотреть его как следует: лицо, волосы, одежду, и только убедившись в том, что теперь наверняка сможет узнать его при следующей встрече, развернулся обратно, включил зажигание – и тут же обнаружил, что всякое воспоминание об этом человеке начисто стерлось из его памяти. Осталось только общее ощущение, что человек этот весьма зажиточный, и больше ничего.

Что-то подустал я, подумал Тень. Он бросил украдкой взгляд вправо и окинул глазами индуску. На шее – цепочка из крохотных серебряных черепов; браслетик из соединенных как попало человеческих голов и рук, который мелодично позвякивал при каждом ее движении; темно-синий бриллиант на лбу. Пахло от нее пряностями – кардамоном и мускатным орехом – и цветами. Волосы у нее были цвета перца с солью: заметив, что он на нее смотрит, она улыбнулась в ответ.

– Можешь называть меня Мама-джи, – сказала она.

– А меня зовут Тень, Мама-джи, – ответил он.

– И что вы думаете насчет планов вашего работодателя, мистер Тень?

Он притормозил, пропуская рванувший на обгон огромный черный грузовик, который в благодарность тут же обдал их брызгами.

– Он особо не распространяется, а я не задаю лишних вопросов, – сказал Тень.

– Сдается мне, хочется ему последней битвы. Он хочет, чтобы мы ушли в блеске славы. Вот чего он добивается. А мы за это время настолько успели поглупеть и состариться, что наверняка найдутся среди нас такие, кто встанет под его знамена.

– Мне деньги платят не за то, чтобы я вопросы задавал, Мама-джи, – сказал Тень, и салон машины огласился ее мелодичным смехом.

Человек, сидевший на заднем сиденье, – не странного вида молодой человек, а тот, другой – что-то сказал, и Тень ему даже ответил, но убей его бог, если через секунду он смог бы вспомнить хоть единое слово из того, что сказал.

Странного вида молодой человек вообще ничего не говорил, но по ходу дела начал что-то напевать себе под нос: этакое густое, раскатистое мычание на басовой ноте, от которого салон автомобиля понемногу начал вибрировать и дрожать.

Этот молодой человек росту был среднего, но тело у него было довольно необычной формы: Тени и раньше доводилось слышать метафору насчет людей, у которых грудь как пивная бочка, но живого представителя видать не случалось. А у этого парня грудь именно что и была как бочка, и ноги – ну да, точь-в-точь как брусья, а руки – как свиные окорока, не больше и не меньше. Одет он был в черную парку с капюшоном, несколько свитеров, джинсовый комбинезон, а к этому – совершенно не по погоде и в полном противоречии с остальным его костюмом – прилагались белые туфли-тенниски, размером и формой как две обувные коробки. Пальцы его напоминали сардельки, с плоскими квадратными ногтями.

– Ну и голосок у вас, – сказал Тень с водительского сиденья.

– Прошу прощения, – сказал странного вида молодой человек извиняющимся тоном и все тем же густым басом. И гудеть перестал.

– Да нет, мне нравится, – сказал Тень. – Я не против.

Странного вида молодой человек немного поколебался, а потом снова начал гудеть, и бас его не стал ни тоном жиже. Только на сей раз сквозь общий тон можно было расслышать слова, а вернее – одно и то же слово:

– Ниже, ниже, ниже, – пел он так, что окна ходили ходуном. – Ниже ниже ниже, ниже ниже, ниже ниже.

На карнизах жилых домов и прочих зданий, мимо которых они ехали, перемигивались самые разнообразные рождественские гирлянды: от спорадически вспыхивавших обычных желтых лампочек до огромных электрических картин с медведями, снеговиками и разноцветными звездами.

Тень вырулил к ресторану, большому, похожему на амбар зданию, выпустил пассажиров через переднюю дверь и отогнал машину на стоянку. Ему захотелось пройтись до ресторана пешком, по холодку, чтобы проветриться.

Машину он припарковал возле черной фуры. Интересно, подумал он, а это не та же ли самая, что обогнала нас на шоссе. Он запер машину и немного постоял возле нее, выдыхая в воздух облачка пара.

Он представил себе, как сейчас в ресторане Среда рассаживает гостей вокруг большого стола, стараясь каждого устроить поудобнее. Н-да, подумал Тень, что если я и правда вез сегодня на переднем сиденье богиню Кали, и потом подумал – а кто же в это время ехал на заднем...

– Эй, земляк, огоньку не найдется? – раздался смутно знакомый голос, и Тень обернулся, чтобы сказать нет и извиниться, но дуло пистолета уже ударило его под левый глаз, и он потерял равновесие. Перед тем как упасть, он вытянул перед собой руку, чтобы приземлиться помягче. Кто-то уже успел сунуть ему в рот какую-то мягкую дрянь, чтобы он не вздумал шуметь, и затолкал поглубже в глотку: спокойными уверенными движениями, будто мясник потрошит курицу.

Тень попытался закричать, чтобы предупредить Среду, чтобы предупредить их всех, но изо рта у него донеслось разве что сдавленное мычание.

– Птички в клетке, – сказал все тот же смутно знакомый голос. – Все на местах? – Ответ пришел по радию, искаженный помехами до полной неразличимости. – Вперед, ребята, и чтобы ни одна тварь у меня не ушла.

– А с этим громилой что делать? – спросил другой голос.

– Упаковать и на хрен его отсюда, – ответил первый.

На голову Тени накинута нечто вроде мешка, запястья и щиколотки замотали клейкой лентой, забросили его в кузов фуры и увезли прочь.

В крохотной камерке, где его заперли, окон не было. Был пластмассовый стул, легкий складной стол и ведро с крышкой, которое служило Тени вместо туалета. Еще на полу был кусок желтой пенки футов шесть в длину и сиротское одеяло с коричневым пятном в центре, засохшим так давно, что теперь уже невозможно было разобрать, кровь это, дерьмо или какая-то съедобная субстанция. Тени это было без разницы – он особо и не приглядывался. Потолок был довольно высокий, и на нем – голая электрическая лампочка, забранная железной решеткой, а вот выключателя в комнате Тень отыскать не смог. Свет горел всегда. И ручки на внутренней стороне двери тоже не предполагалось.

Он хотел есть.

После того как агенты затолкали его в комнату, срезали со щиколоток и запястий скотч и оставили в покое, первое, что сделал Тень – внимательнейшим образом прошелся по всей комнате. Выстукал стены. Звук был металлический, глухой. Под самым потолком – зарешеченное вентиляционное отверстие. Дверь заперта намертво.

Из-под левого глаза у него медленно сочилась кровь. Голова болела.

Пол ничем не был застелен. Он простучал его. Тот же самый металл, что и на стенах.

Он снял с ведра крышку, отлил и вернул крышку на место. Судя по часам, с момента налета на ресторан прошло часа четыре, не больше.

Бумажника при нем не было, а вот монеты они трогать не стали.

Он сел на стул, к карточному столику, покрытому зеленым, сплошь в подпалинах от сигарет сукном. Сначала Тень поупражнялся в «проталкивании» монет через стол. Потом отобрал два четвертака и отработал «бессмысленную передачу».

Один четвертак он спрятал в ладони правой руки, а другой взял в левую, открыто зажав его между указательным и большим пальцами. Потом сделал вид, что забирает четвертак из левой, притом, что на самом деле монетка скатилась в кулак той же руки, а сам раскрыл правую ладонь и показал четвертак, который лежал там с самого начала.

Манипуляции с монетами были хороши уже тем, что позволяли больше ни о чем не думать: или, вернее, выполнять их должным образом было практически невозможно, если ты при этом расстроен или зол, так что иллюзионистская техника сама по себе, даже сейчас, когда демонстрировать ее было некому, кроме самого себя – ибо для того, чтобы изобразить простейшее движение, передачу монетки из одной руки в другую, нужно было, во-первых, овладеть достаточно сложными навыками, а во-вторых, полностью сосредоточиться на процессе, – успокаивала и очищала мозги от страха и смятения.

Потом он взялся исполнять фокус еще более бессмысленный: превращать одной рукой доллар в цент, притом, что были у него только два четвертака. По ходу фокуса каждую из двух монет следует поочередно прятать и показывать: он и начал с того, что один четвертак был на виду, а второй – нет. Он поднес пальцы ко рту, дунул на ту монетку, которую держал открыто, а сам при этом – классическим движением – переправил ее в ладонь, а большой и указательный палец при этом достали и показали вторую, спрятанную монетку. В итоге сложилось впечатление, будто он показал четвертак, поднес его ко рту, дунул на него и снова опустил – и все это время был у него в руке один и тот же четвертак.

Трюк этот он проделывал много раз подряд.

Интересно, подумал он, убьют они меня или нет – и тут же рука его дрогнула, совсем чуть-чуть, но ровно настолько, чтобы один из двух четвертаков выскользнул из пальцев и упал на покрытое подпалинами сукно карточного стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.